

57/86
15

**ЛОГИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ НАУКИ:
ПРАКТИКА, ПОЗНАНИЕ,
ИСТИНА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Рига 1985

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра диалектического и исторического материализма

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАУКИ:

ПРАКТИКА, ПОЗНАНИЕ, ИСТИНА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1985

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАУКИ:
ПРАКТИКА, ПОЗНАНИЕ, ИСТИНА

Логико-методологические вопросы науки /практика, познание, истина/: Сборник научных трудов /Под ред. проф. Ведины Ю. П. - Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1985. - 176 с.

Содержание предлагаемого сборника статей, подготовленного авторским коллективом профессорско-преподавательского состава Латвийского государственного университета, тематически охватывает актуальные проблемы логики и методологии научного познания.

В основе тематического единства сборника лежит сквозная проблема диалектико-материалистической интерпретации единства практики и познания как видов социальной деятельности. В статьях сборника рассматриваются логико-гносеологические аспекты соотношения основных видов социальной деятельности, раскрываются роль практики как способа существования материального субстрата общественной жизни. Анализируются также основные функции эксперимента как метода научного исследования, роль практики как источника альтернативных ориентаций познания, механизм возникновения проблемных ситуаций в процессе человеческой деятельности, проблема типологии истин и соответствующих им критериев истинности, критерильная функция практики в познании социальных явлений.

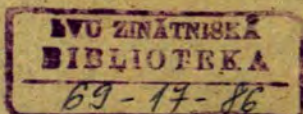
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

проф. Ведин Ю. П. (отв. ред.), доц. Ведин И. Ф.,
доц. Никифоров В. Е.

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П. Стучки

Л 10502-102у I. 85. 0302020100
М 812(II)-85

С Латвийский
государственный
университет
им. П. Стучки,
1985

ПРАКТИКА КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Диалектико-материалистическая концепция практики является исходным принципом всего марксистского учения. Начиная с ранних работ, К.Маркс и Ф.Энгельс стремились отыскать объективные основы сложных феноменов общественной жизни. Теоретический интерес к проблеме практики оказался у них в значительной степени предопределенным социальными факторами. Сотрудничество Маркса в "Рейнской газете", так же как статьи его и Энгельса в "Немецко-французском ежегоднике", дает основание утверждать, что именно противоречия самой жизни оказались тем первичным стимулом, который определил контуры новой формы философского понимания действительности. Разумеется, в этот период деятельности Маркса и Энгельса еще рано говорить о материалистическом понимании ими практики. Но уже в "Экономическо-философских рукописях 1844 года", подробно анализируя буржуазную политическую экономию, Маркс приходит к философскому рассмотрению проблемы труда и функций производства вообще в развитии общества. Он приходит к выводу, что именно труд определяет сущность человека, что всемирная история есть порождение человека человеческим трудом.

Маркс признает, что это важнейшее положение было высказано, только в идеалистически-спекулятивной форме, уже Гегелем. Он пишет, что "величие гегелевской *"Ф е н о м е н о л о г и и"* и ее конечного результата - диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа - заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самоспорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распродмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность **т р у д а** и понимает предметного человека, истинного, потому что действительно, человека как результат его **с о б с т в е н н о г о**

труда" /I, с.627/.¹

Считая, что Гегель уловил сущность труда как творческого начала в развитии человека, Маркс в "Рукописях" тем не менее не оставляет без внимания гегелевский идеалистический взгляд на труд как исключительно мыслительную деятельность. Далее, несмотря на то, что в "Рукописях" Маркс еще находится под значительным влиянием философии Фейербаха, мы вместе с тем обнаруживаем существенный отход Маркса от антропологической концепции Фейербаха. По мнению Маркса, общественная природа человека определяется общественным характером процесса производства. В то время как Фейербах постоянно делает ударение на том, что человек представляет собой естественное существо, часть природы, Маркс обосновывает концепцию социальной природы человека. Следовательно, человек для Маркса является не только природным существом, он есть ч е л о в е ч е с к о е природное существо. Более того, благодаря производству, сама природа оказывается в значительной степени произведением человека. Разумеется, здесь у Маркса речь идет о формах социально организованной материи, о тех материальных феноменах общественной жизни, которые непосредственно определяют человеческое существование.

Дальнейшее развитие диалектико-материалистической концепции практики содержится в совместной работе Маркса и Энгельса "Святое семейство". Здесь большое внимание уделяется проблеме объективного характера практической деятельности людей. Если в "Рукописях" речь, в основном, идет о такой категории, как труд, где экономический и философский аспекты исследования недостаточно строго различаются, то в "Святом семействе" достигнутые результаты экономического анализа категории труда позволяют Марксу и Энгельсу уделять много внимания разработ-

¹ Ссылки на соответствующие источники даются по единому списку литературы в конце сборника.

ке и философскому осмыслению материальной формы труда как основного вида практической деятельности. Подвергая широкой критике взгляды Б.Бауэра и его единомышленников, основоположники марксизма определяют общественную практику как основу взаимодействия субъекта и объекта любой формы деятельности. Подчеркивание диалектики субъект-объектных отношений в исторической практике знаменует освобождение авторов "Святого семейства" от натуралистических элементов, возникающих под влиянием антропологического материализма. В этой связи особенно важно видение диалектической взаимосвязи объективной детерминации и активности субъекта деятельности в социально-преобразующей практике общества.

Завершение формирования диалектико-материалистической концепции практики и ее полное соответствие зрелому марксизму можно обнаружить в тезисах Маркса о Фейербахе и в совместном труде К.Маркса и Ф.Энгельса - "Немецкой идеологии". В этих произведениях положительный анализ проблемы практики сопровождается дальнейшим размежеванием марксизма не только с гегелевским идеализмом, но и со всеми предшествовавшими марксизму формами материализма. В "Тезисах о Фейербахе" Маркс пишет: "Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая и феербаховский, заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме о б ъ е к т а, или в форме с о з е р ц а н и я, а не как ч е л о в е ч е с к а я ч у в с т в е н н а я д е я т е л ь н о с т ь, практика, не субъективно" /3, с.1/.

Маркс подчеркивает, что практика - это чувственно-предметная деятельность, в которой человек выступает не только как феномен, испытывающий воздействие окружающей среды, но, и это самое главное, человек является субъектом преобразования окружающей среды, создает новые ее формы. В итоге принцип практики приобретает существенное значение в решении марксизмом как социальных, так гносеологических проблем. Более того, именно этот подход

позволил Марксу впервые в истории философии обосновать концепцию последовательного материализма. Основной вопрос философии - это не столько теоретическая проблема, сколько практическая. Из этого вовсе не следует, что ответ на данный вопрос можно получить непосредственно из практики, без мышления. Каждый из этих феноменов человеческой деятельности, (практика и мышление) ничто без другого. Сама практика, как указывает Маркс, должна быть понята, освоена теоретически.

Не менее важную нагрузку практика, по мнению Маркса и Энгельса, выполняет в социальной сфере. В "Немецкой идеологии" они раскрывают, как идеология может служить закреплению или опровержению существующих общественных отношений, но и здесь последнее слово остается за практикой. Если расцвет эксплуататорского общества сопровождается неограниченной властью идеологии правящих классов, истолкованной "производительными мыслями" как разумной и обезличенной, то в кризисный период она опускается "до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью ..., тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества" /4, с. 283-284/.

Концепция практики, таким образом, в исследованиях Маркса и Энгельса пронизывает как теорию познания, так и теорию революционного изменения существующих социальных отношений. Гносеологические функции практики в марксизме неотделимы от социальных. Практика, по мнению основоположников современного материализма, не только основа познания, она вместе с тем и основа всего человеческого существования, ибо "общественная жизнь является по существу практической". /3, с. 3/.

Познание как таковое не является самоцелью общества. По убеждению Маркса, знание, достигнутое на основе практической деятельности людей, должно найти свое практи-

ческое применение и не оставаться на уровне объяснения существующего. "Философы лишь различным образом объясняли мир, но задача заключается в том, чтобы изменить его" /3, с.4/. Именно концепция революционной практики, содержащая теоретическое обоснование путей преобразования действительности, является главным в философской революции, совершенной марксизмом.

Концепция практики была разработана основоположниками марксизма в контексте теоретического решения актуальных проблем философии, политической экономии, научного социализма, исторической науки, поставленных насущной необходимостью осмысления и обоснования революционной борьбы пролетариата, его исторической миссии низвержения капитализма и построения бесклассового общества. Основу философского содержания марксистской концепции практики и ее основных социальных функций составляет диалектико-материалистическое понятие практики как одной из ведущих философских категорий марксизма.

Вопрос о содержании понятия практики не является риторическим, он ставит задачу определения того, какое семантическое значение должен выражать термин "практика" в языке научной философии.

Согласно логическому канону, определение всякого предмета состоит в его категоризации - отнесении к тому или иному классу предметов, и указании его отличия от прочих предметов того же класса. Оно выражается в виде дефиниции как результата логической операции, в которой определяемый предмет описывается определяющим понятием, содержащим минимум информации, необходимой и достаточной для выделения определяемого предмета из множества всех других предметов. В обычной дефиниции через род и видовое отличие определяющее понятие получается присоединением к общему понятию предметов класса, которому принадлежит определяемый предмет, понятия его отличия.

В зависимости от аспектов рассмотрения предмета, его определение может быть осуществлено посредством

разных определяющих понятий, или родовых понятий, служащих основой для синтеза определяющего понятия. Это относится и к практике: ее дефиниция может исходить из понятий активности, деятельности, способа существования ее субстрата /"носителя"/.

Чаще всего практика явно или неявно определяется (характеризуется, описывается) при посредстве понятия деятельности. Это вполне отвечает интуитивному представлению о практике как процессе, в котором что-то осуществляется. Но дефиниция практики, основанная на понятии деятельности, требует экспликации самого этого понятия, поскольку термин "деятельность" употребляется в достаточно резко различающихся значениях - говорят о деятельности Солнца, ветра, муравья, человека, социального класса, общественной организации и т.п.

В трактовке деятельности мы будем исходить из того, что деятельность есть преобразование объекта активным субъектом. В контексте анализа представления о деятельности активность недостаточно определять как всеобщее свойство материи, состоящее в непрерывно реализующейся способности к самодвижению, проявляющаяся в виде элементарной (в неживой природе), биологической и социальной активности (см.46), или как "свойственное живой материи внутренне детерминированное движение" (см.59). В этих определениях указывается имманентный источник активности и дается абстрактное представление о ее внешнем выражении в виде самодвижения или движения предмета, но не раскрывается содержание активности.

В деятельностном аспекте активность субъекта выражается направленным характером преобразования им объекта. Упорядоченность процессов, событий означает их определенную последовательность, связь (в противоположность беспорядку, хаосу). Упорядоченность процессов неживой природы исчерпывается законосообразностью - соответствием закона, по которым они происходят. Процессы в живой материи (биологические и социальные) также законосообразны, удовлетворяют объективным законам, кото-

рые нигде и никем не могут быть изменены, отменены, введены или нарушены. Но в законосообразность процессов живой материи "вписывается" качественно новый тип упорядоченности, связанный с самоуправлением в живых системах. В чисто биологических системах оно заключается в их избирательном поведении, выборе (при тех или иных обстоятельствах) генетически наследуемых и прижизненно формируемых программы поведения (индивидуального и группового). Основанная на самоуправлении упорядоченность биологического поведения предстает в виде его целесообразности. "Целесообразность" здесь означает лишь приспособленность (в той или иной степени) поведенческих программ для обеспечения выживаемости биологических систем (особи, семьи, стада, стаи, вида) в борьбе за существование.

Программа поведения, определяющая специфику его структуры, отличается от закона тем, что может быть нарушена, отменена, изменена. В выборе программы поведения, ее изменения и т.п., а также ее реализации, и состоит активность биологической системы.

На социальном уровне живой материи упорядоченность процессов достигает высшего развития: в законосообразность и целесообразность "включается" целенаправленность. Последняя представляет собой упорядоченность социальных процессов в меру выражения в них сознания осуществляющих эти процессы людей, их представлений (реалистических и фантастических) об окружающей действительности, природных и социальных условиях своей жизнедеятельности, о способах их изменения, о себе самих. Активность социального субъекта заключается не в простом выборе или стихийном преобразовании программы социального поведения, социальной деятельности, а в выборе сознательном, более того, в сознательной разработке таких программ, в представлении цели деятельности и способов ее достижения. Здесь выбор программы поведения и ее осуществление требуют воли, волевого решения и

усилия. "Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю". /9, с.189/.

Теперь, с учетом понятия активности, деятельность может быть определена так: деятельность есть обусловленная активностью субъекта и упорядоченная выбранной им программой совокупность действий, направленных на определенное изменение (преобразование) объекта.

Направленность деятельности от субъекта к объекту не исключает обратного влияния объекта на субъект, который посредством обратной связи может изменять свои действия, осуществлять коррекцию деятельности соответственно ее промежуточным и итоговым результатам. Маркс считал односторонним прежнее материалистическое учение о человеке как продукте обстоятельств и воспитания, поскольку оно не учитывало того, "... что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан" /3, с.2/ и не было в состоянии раскрыть, как же происходит изменение самого человека, не говоря об историческом развитии его социальной природы. Марксистский деятельностный подход показывает, что человек может изменять себя только в качестве субъекта деятельности, направленной на преобразование своей природной и социальной среды: "... обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства" /4, с.37/. Поэтому изменение обстоятельств и изменение деятельности могут совпадать, это совпадение "... может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика" /3, с.2/.

С учетом дефиниции деятельности социальную деятельность можно определить кратко как целенаправленную деятельность. Если понятия социальной деятельности и деятельности целенаправленной равнозначны (имеют один и тот же объем), то понятия человеческой деятельности

им не равнозначно, — хотя бы потому, что человеческая деятельность имеет два слоя, биологический и социальный. Поэтому практику разумно определить через ее отношение к социальной деятельности.

Возможные родо-видовые отношения между понятиями практики и социальной деятельности могут мыслиться двояко, в зависимости от того, как э из них полагается родовым. Точка зрения, согласно которой социальная деятельность является видом практики, принимается лишь теми исследователями (в основном из числа психологов и натуралистов), которые считают практикой и деятельность животных, и социальную деятельность людей, не связывая с терминами "практика" и "деятельность" сколь-нибудь отчетливых и различающихся семантических значения.

Остается признать, что практика является видом социальной деятельности, и для определения практики указать ее отличие от других видов социальной деятельности. В философской трактовке практики естественным основанием для определения ее видового отличия служит противоположность материальных и идеальных явлений, процессов. Учет этой противоположности открывает возможность двух существенно различающихся трактовок практики как вида социальной деятельности.

Согласно одной из них практика представляет собой единство материальной и духовной деятельности. Убедительность такой трактовки практики является кажущейся. В самом деле, так как в материальной социальной деятельности реализуются познавательные представления людей, относящиеся к преобразуемому объекту и способам его преобразования, то практика уже не может быть критерием истины, иначе она будет критерием истинности самой себя или своего духовного компонента (который не просто "извне" пронизывает материальную основу практики, а "изнутри" конституирует ее самое как целенаправленную материальную деятельность). Принцип единства теории и практики станет излишним, так как теория уже

будет "сидеть" в практике, и их не нужно будет связывать друг с другом, так как они уже связаны как целое (практика) и его часть (духовный компонент практики). Если бы с помощью тонких distinctions и удалось формально согласовать данную трактовку практики с относящимися к ней основоположениями марксизма, все же она (в таком понимании) никак не может быть признана материальной (а только материально-духовной) основой познания и объективным, вне сознания существующим критерием истины.

По другой из упомянутых двух возможных трактовок практики как вида социальной деятельности практика предстает как материальная социальная деятельность людей. Это означает, что практическая деятельность имеет сферой своего существования и развертывания не комплекс, состоящий из материального мира и сознания людей, а материальное бытие, природное и социальное, т.е. существует и свершается вне сознания людей, необходимой формой жизнедеятельности которых она является. Однако практика — не всякая материальная деятельность людей, а только социальная, т.е. упорядоченная не биологическими поведенческими программами, а социальными программами, определяющими всякую социальную деятельность людей, тем самым и практику как целенаправленную деятельность.

Разумеется, практика предполагает сознание людей — практическая деятельность планируется во всех ее существенных аспектах (в отношении ее цели, представлений о возможности ее достижения вообще и при данных условиях, в отношении используемых средств, порядка осуществления их применения в планируемой деятельности и т.п.). Люди осуществляют практическую деятельность под контролем своего сознания, сознательно вносят изменения в программу (план) деятельности. Но это никак не означает, что необходимые для осуществления практики процессы в сознании — познавательные, оценочные, волевые — "пронизывают" материальную социальную деятельность или

"циркулируют" в ней. Практика совершается вне своего идеального плана (т.е. сознания), ее же планирование, оценка - вне практики, а в сознании, которое, в свою очередь, "преобывает" не в практике, т.е. внешнем мире, а в человеческой голове. "Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит" /2, с.143/ - это не просто констатация Марксом "натуралистической" трактовки мышления Гоббсом, а концентрированное выражение сути последовательного материализма. Сознательный характер практики означает лишь то, что люди осуществляют ее при посредстве сознания.

В известном положении Маркса о том, что производство идей, сознания, первоначально было непосредственно вплетено в материальную деятельность /см.: 4, с.24/, вовсе не утверждается, что сознание содержится в материальной деятельности даже в самом начале человеческой истории. Материальное и идеальное, физический труд и труд умственный никогда не совпадали, и качественное различие между ними принципиально не может быть устранено (что не исключает возможности преодоления не только противоположности, но и существенного социального различия между людьми умственного и физического труда). Уже в самих истоках формирования понятия практики как категории нового учения Маркс четко противопоставляет практическую и духовную деятельность. "Идеи вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу" /см.: 4, с.132/.

По своему содержанию практика представляет собой реальное преобразование людьми окружающей природы и общественного бытия согласно ее социальной мотивации и сознательно преследуемым целям. Иными словами, практика составляет материальный компонент социального слоя человеческой деятельности. Практика социальна не только по своему содержанию, но и по своей форме, т.е. существует и разворачивается в социально организованных формах.

Таким образом, в аспекте деятельностного подхода практика может быть определена как материальная социальная деятельность. Этому эквивалентно определение: практика есть целенаправленная материальная деятельность. Но так как термины "материальная социальная деятельность" и "целенаправленная материальная деятельность" сами нуждаются в экспликации, поскольку их предметное и смысловое значения не очевидны, то лучше пользоваться "развернутым" определением, содержащим, с точки зрения логического канона, отчасти избыточную и отчасти повторяющуюся информацию: практика есть целенаправленная материальная деятельность людей, представляющая собой реальное изменение общественного бытия и его природных условий.

Предлагая данное определение практики, мы отнюдь не претендуем на канонизацию употребления термина "практика" в естественном языке, где он, как известно, употребляется во многих значениях (например, когда говорят о практике идеологической работы, педагогической и врачебной практике и т.д.). Речь здесь идет исключительно о практике как денотате термина "практика", поскольку этот термин выражает категорию марксизма, — философское понятие, необходимое для непротиворечивого, эффективно-го и перспективного для дальнейших исследований решения гносеологических вопросов об основе, движущих силах и критерия истинности в познании материального мира.

Если иметь в виду не многообразные значения, в которых употреблялся или употребляется термин "практика", а философское понятие практики, то оно было сформировано лишь основоположниками марксизма. Они впервые ввели в философию концептуальный образ специфически человеческой материальной деятельности, т.е. понятие практики как философского понятия категориального ранга. Домарксистские материалисты (Гезон, Локк, Дидро и др.) пользовались термином "практика" для обозначения всякой деятельности, направленной на достижение материальных

благ, включая занятия ремеслом, торговлей, земледелием и т.п. Но смысловое значение этого термина при этом не поднималось на уровень категории как понятия о четко очерченном типе человеческой деятельности.

Не казалась непосредственно практики (т.е. материальной социальной деятельности) и концепция деятельности в философских учениях Канта, Фихте и Гегеля. В них термин "практика" обозначал нечто другое - а именно интеллектуальную деятельность в ее когнитивном выражении, т.е. духовный, идеальный, главным образом познавательный процесс, мышление. Классики немецкого идеализма всякую человеческую деятельность трактовали как идеальную по своей сути или основе, если она и имела материальное выражение. В философии Канта практический разум составляет основу всех чужих и мирских дел как моральный регулятор поведения людей и всех отношений между ними. Для Фихте всякая деятельность есть форма самосознания "Я". Гегель трактует практику как форму самореализации в объективном мире абсолютной идеи на ступени лестницы ее логического развития. "... Идеализм, - писал Маркс, - конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой" /см.: 3, с. I/. Следовательно, великие идеалисты-диалектики не создали никакой концепции практики как материальной человеческой деятельности. Марксизм же создал концепцию человеческой деятельности, противоположную идеалистической, исходя из философского понимания практики как материальной деятельности и из признания ее определяющей роли во всей общественной жизни.

ПРАКТИКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Существующие в марксистской философской литературе варианты интерпретации практической деятельности, в том числе и варианты, представляющиеся в целом удачными, далеко не всегда предваряются хотя бы кратким анализом и классификацией исходных понятий. Между тем без такого анализа и без такой классификации та или иная интерпретация практики не будет связана ни с какими предварительными условиями, разрешающими или запрещающими. А без таких условий к практике можно отнести что угодно, не особенно утруждая себя соответствующими обоснованиями. Необходимо, следовательно, прежде всего указать: 1) место понятия практики относительно более общих и других родственных понятий; 2) те основания, в соответствии с которыми понятие практики занимает именно это, а не другое место. Некоторые аспекты такого анализа содержатся в предыдущей статье, продолжает оставаться актуальным исследование и других аспектов данной проблемы.

В сравнительно недалеком прошлом в марксистской философской литературе определенное распространение имела концепция практики как совокупности всей человеческой деятельности /см.: 61, с.9; 87, с.53; 32, с.100/. Иногда такая точка зрения сопровождалась оговоркой, что это - понятие практики в самом широком смысле слова, наряду с другим, узким пониманием практики как деятельности материальной /см.: 49, с.66-67; 118, с.13/. Высказывалось мнение, что практика проявляется в двух формах - материальной (преобразование вещей в объективном мире) и идеальной (преобразование вещей в сознании). Соответственно этому теоретическая деятельность тоже является практической, поскольку и она якобы, преобразует мир, только не материально, а

идеально /см.: 27, с.100/. Такая точка зрения имеет своих представителей и в современной советской философской литературе /см.: 105, с.8-10/. В частности, Л.М. Абдильдин считает, что мышление есть форма практической деятельности /см.: 19, с.107/.

Думается, споры по этому вопросу малоперспективны и носят главным образом терминологический характер, тем более, что если исходить из этимологического значения слова "практика" /греч. "действие"/, то интерпретация практики как социальной деятельности в целом, во всей многогранности ее проявлений, вполне правомерна. Такая интерпретация повлечет за собой лишь изменение понятийной номенклатуры: в качестве видов практики / = социальной деятельности/ предстанут материальная практика / = материальная социальная деятельность/ и духовная практика / = духовная социальная деятельность/.

Вряд ли, однако, такая терминология будет удобной, если учесть сложившиеся в марксистской философской литературе традиции. Во всяком случае, это потребует переопределения ряда терминов языка марксизма, в противном случае возникнут недоразумения и псевдопроблемы. Как известно, еще в "Тезисах о Фейербахе" К.Маркс обращал внимание на то обстоятельство, что именно трактовка практики как материально-предметной деятельности является главным критерием различия между материалистической и идеалистической концепциями практики /см.: 3, с.1/. В этом состоит особенность практики как вида социальной деятельности, в частности, именно эта особенность позволяет практике выполнять свои гносеологические функции: быть основой, движущей силой и критерием истинности познания. И, наоборот - практике, интерпретируемой как совокупность всей социальной деятельности, уже нельзя будет приписать гносеологические функции, поскольку она ни основой познания, ни критерием истины быть уже не сможет. Эти функции могут выполнять лишь феномены, факторы, сами познанием не являющиеся. Если же они входят в познание или включают его в себя как свои составную

часть, то будут служить "основой" и "критерием истины" лишь себя самих и своих собственных результатов, т.е. будут представлять из себя только видимость основы познания и критерия истины. Такая позиция ведет к выводу о невозможности внешнего по отношению к познанию содержательного критерия истины. Если же познание не считать видом практики, то это приведет к выводу, что оно не является и видом социальной деятельности.

Исходя из того, что в качестве объекта социальной деятельности может выступать все, существующее предметным образом, мы полагаем, что классификация видов предметного существования на объективно реальное и субъективно реальное может служить хотя и предельно общим, но достаточно строгим основанием классификации видов социальной деятельности на материальную (практическую) и духовную. В соответствии с этим основанием содержание материальной деятельности составят преобразования, осуществляемые человеком в материальном мире, содержание духовной деятельности — преобразования в рамках духовного мира.

В данной связи представляется не лишними некоторые уточнения. Является ли практикой конкретная деятельность конкретного человека, осуществляющего конкретные материальные преобразования? Такого рода вопросы на первый взгляд кажутся очень простыми и даже тривиальными: конечно, это практика. При некотором размышлении такие вопросы оказываются "каверзными": если это практика — а практика есть деятельность материальная — то в данном случае получается, что материальное содержит в себе идеальное, т.е. целеполагающую деятельность сознания субъекта материальной деятельности. Выходит, что практика в одно и то же время и материальна, и нематериальна.

В действительности такого рода вопросы являются неверно поставленными. Деятельность не тождественна своим конкретным проявлениям, хотя, разумеется, она не существует и вне этих проявлений. Сущность должна

"являться". Однако как и материя не сводится к своим конкретным модусам, так и деятельность не есть "вот это" - такая постановка вопроса означала бы смешение различных уровней познания: научного и обыденного. Вопросы, заданные на обыденном ("бытовом") уровне, но с использованием категорий научного уровня, приводят отнюдь не к диалектическим, а к эклектическим решениям, в сущности - к путанице, что, впрочем, может принимать и нередко принимает вид проблемной антиномии типа "и то, и другое".

Практика как единство материального и идеального трактуется обычно в том смысле, что "... практике присущ сознательный момент" /84, с.36/, что "... в саму практику входит момент сознания"/там же, с.29/. Вариации в рамках такой трактовки, как правило, незначительны: сознание (мышление, идеальное) интерпретируется в качестве момента (элемента, стороны) практики (см.: 40, с.23,26 ; 5I, с.199/. В рамках приведенных точек зрения практика интерпретируется либо как материально-идеальное явление, как "... своеобразное воплощение материальных и духовных элементов, единство мышления (знания) и действия" /5I, с.29, 30/, либо как материальное явление, но с оговорками - например: "В практике взаимодействуют материальная и идеальная стороны на основе материальной" /7I, с.110/. Такого рода оговорки не мешают существу дела, как и в приведенном примере: практика оказывается материальной в "субстанциональном" плане и идеальной в "функциональном" плане /там же, с.111/.

Может показаться, что трактовка практики как единства материального и идеального не лишена известных оснований - и главным из этих оснований является своеобразие практики как единства объективного и субъективного. Более того, данное основание могло бы быть признано достаточным для интерпретации практики в качестве материально-духовной деятельности, если предположить, что категориальные дихотомии "материальное-идеальное" и

"объективно-субъективное" совпадают по объему и своему смысловому содержанию. По сути дела, именно такое совпадение подразумевается многими сторонниками рассматриваемой трактовки практики: поскольку практика есть "субъективный процесс"; постольку она является "идеальной деятельностью" /см.: 115/, "субъективность практики в конечном счете означает ее сознательность" /84, с. 35/.

Думается, что проводя различие между объективной и субъективной сторонами практической деятельности, субъективное в практике не следует отождествлять с идеальным. Утверждая, что "... в практике есть материальная, объективная, и идеальная, субъективная стороны" /71, с. III/, некоторые авторы ссылаются на "Тезисы о Фейербахе" Маркса /там же/. Вряд ли такая ссылка может быть признана убедительной: ни где, в том числе и в этой работе, Маркс не характеризует практику ни в качестве идеальной, ни в качестве материально-идеальной деятельности.

Существует целенаправляющая деятельность мозга и идеальные результаты этой деятельности. Существует объективная реальность как объект материальных преобразований, осуществляемых человеком. Где же существует сама эта материально-преобразующая деятельность? В мозгу ее еще нет, в преобразованном объекте - уже нет. В мозгу идет подготовка к ее рождению, в предмете она умирает. Жизнь практики - это субъект-объектное отношение и только это отношение, отношение-процесс, в котором человек снимает противоположность между собой и объективным миром. Но если сторонами субъект-объектного отношения являются материальные феномены, то и само это отношение с полным основанием может быть отнесено только к виду м а т е р и а л ь - н ы х отношений.

Что касается первого тезиса Маркса о Фейербахе, то, как известно, в нем говорится о том, что действительность должна рассматриваться не в качестве объекта созерцания, а в первую очередь с у б ь е к т и в н о,

то есть через призму практической деятельности человека, субъекта этой деятельности /м.: 3, с.1/. В марксистском понимании субъективное и материальное как характеристики практической деятельности оказываются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими, в таком понимании практическое и субъективное - это лишь различные термины для обозначения одного и того же : активного материально-преобразующего отношения человека к миру.

Объективность практики, в отличие от объективности природы, существующей вне и независимо от сознания, - особого рода, поскольку практика невозможна без субъекта деятельности. Поэтому существуя объективно, вне человеческого сознания, практика тем не менее связана с последним определенной зависимостью, которая и выражается в целенаправленном характере человеческой деятельности. По мнению ряда исследователей, именно целеполагание представляет собой субъективную сторону исторического процесса /см.: 34, с.99 ; 96, с.27/. Данная сторона практики диалектически взаимосвязана с ее объективной стороной, поэтому субъективно в практике нельзя абсолютизировать, отрывать от объективного, - именно на такой абсолютизации основаны идеалистические и ревизионистские концепции практики.

Любое конкретное проявление социальной деятельности представляет собой единство материального и духовного компонентов. И деятельность фрезеровщика, и деятельность живописца предстанут как содержащие эти компоненты, пусть в разной пропорции, но как необходимые в том смысле, что без и вне одного из них ни деятельность фрезеровщика, ни деятельность живописца не были бы возможны. В первом случае результат должен был существовать без и вне своего целеполагающего плана, во втором случае целеполагающий план, замысел, идея остались бы без своей конкретно-материальной реализации. "Сознание - необходимый фактор всякой человеческой деятельности ; попытки выделить в ней чисто идеальные и чисто материальные компоненты зачастую ведут к доволь-

но искусственным концептуальным построениям" /56, с.195/.

Это совершенно верно, если, повторяем, речь идет о социальной деятельности в ее конкретных (отдельных) проявлениях. Целеполагающий, идеальный план и его материальное воплощение, реализация является необходимыми диалектически-противоположными моментами любого конкретного акта социальной деятельности. Однако социальная деятельность — это не только ее проявления, всякое проявление (явление) есть проявление сущности различных порядков. Разумеется, социальную деятельность можно свести к ее конкретным проявлениям, но такая редукция едва ли позволит увидеть те существенные и характерные особенности, по которым и различаются деятельность практическая и деятельность духовная.

Иногда утверждается, что "... в реальной действительности "деятельность вообще" как таковая не существует" /129, с.100/. Можно было бы добавить, что в этом смысле в реальной действительности не существует ни материки как таковой, ни человека как такового. Можно было бы подкрепить эти утверждения известной аргументацией Беркли. Во всяком случае, если быть в этой аргументации последовательным, то следовало бы отрицать существование и практической, и духовной деятельности, согласившись лишь с признанием реального существования конкретных действий отдельных лиц.

Вряд ли, однако, можно признать такое, в сущности номиналистическое, решение проблемы конструктивным. И деятельность вообще, и ее разновидности в форме практической и духовной деятельности, разумеется, реально существует, хотя верно и то, что они существуют не так, не таким способом, как существует конкретные их проявления. "Чистых" модусов практической или духовной деятельности найти не удастся, их нет. Всякое конкретное проявление социальной деятельности является диалектически-противоречивым единством материального и духовного компонентов, планов и т.п., — но вовсе не сочетанием материальной и духовной деятельности. Сказать, что

деятельность фрезеровщика есть единство практической и духовной деятельности, — значит, либо ничего не сказать, потому что это тривиально либо допустить некатегориальное употребление терминов "практика" и "духовная деятельность", что ни к чему, кроме путаницы, не приведет.

Практика и духовная деятельность являются видами деятельности отнюдь не в том смысле, что они есть "компоненты" конкретных видов деятельности, как и видами социальной деятельности они являются не потому, что деятельность каждого отдельного человека есть деятельность социально обусловленная, общественная по своей природе и в своей сущности. Как будет показано, практика и духовная деятельность есть виды деятельности вообще и социальной деятельности в частности как способы существования определенных общественных феноменов — соответственно материальной и духовной жизни общества. Только на этом — философском и общесоциологическом уровне — удастся зафиксировать практику и духовную деятельность как таковые и провести между ними более или менее определенные границы. Думается, что только по отношению к э т о м у уровню и возможно конкретное оперирование понятиями практической и духовной деятельности.

Деление социальной деятельности на два основных вида — практической и духовной деятельности — является единственно возможным предельно общим делением (из делений, имеющих теоретико-познавательное значение) понятия "социальная деятельность". Разумеется, такое деление не исключает деления видов социальной деятельности и по другим основаниям: по объекту деятельности (экономическая, социальная, политическая, идеологическая), по характеру и социальной направленности деятельности (творческая — нетворческая, прогрессивная — реакционная, законная — незаконная, моральная — аморальная). Наряду с этими /см.: 57, с.96/ предлагаются и другие основания классификации: по видам потребностей личности /117, с.80/, по основным сферам общественной жизни /см.: 25, с.39/.

по целям субъекта деятельности, по используемым средствам: деятельности /40, с.47, 53, 80/, по характеру субъект-объектных отношений /21, с.284/.

Достаточно распространенной является классификация видов социальной деятельности на материальную (материально-производственную), социально-политическую и духовную /117, с.80 ; 25, с.39/. Нетрудно убедиться, что если среди членов деления есть понятие "духовная деятельность", то выделение наряду с этим понятием в качестве членов деления более, чем одного понятия, всегда приводит к логическим ошибкам: нарушению соразмерности деления, смешению оснований деления, скачку в делении. Это неизбежно, потому что все виды деятельности, не относящиеся к духовной деятельности, не могут быть ничем иным, кроме как модификациями деятельности материальной. Аналогичные ошибки обнаружатся, если среди членов деления вместе с понятием "практическая деятельность" /"материальная деятельность", "предметно-преобразующая деятельность"/ окажется более, чем одно понятие, например, понятия "познавательная деятельность" и "аксиологическая деятельность" /см.: 21, с.284/. И в данном случае ошибки неизбежны, поскольку все виды деятельности, не относящиеся к практической деятельности, не могут быть ничем иным, кроме как модификациями деятельности духовной.

Наряду с практической и духовной деятельностью, некоторые авторы в числе видов социальной деятельности называют также духовно-практическую деятельность. Основанием для такого деления понятия "социальная деятельность" является, по мнению одного из авторов, то обстоятельство, что "... результат духовно-практической деятельности заключается в изменении не просто сознания, но и его субъектов" /124, с.68/. В качестве примера указывается, в частности, на деятельность в области воспитания и образования, результатом которой, как полагает А.К.Уледов, является изменение не просто знаний, но и самих людей /см. там же, с.66-68/.

Эти доводы кажутся бесспорными лишь до тех пор, пока не уточняется, что представляет собой человек в качестве объекта воспитательной и образовательной деятельности. Вряд ли мы будем оригинальны, если скажем, что в этом качестве человек не представляет собой предмета, который должен быть подвергнут предметно-реальному преобразованию, и что изменение человека как объекта воспитательной и образовательной деятельности - это преобразование (или образование) его духовного мира, его ценностных и познавательных ориентаций.

К промежуточным видам деятельности иногда относят также художественную деятельность, проектно-конструкторскую деятельность и т.п. /см.: 46, с.13/. Такое деление понятия "социальная деятельность" нередко подкрепляется ссылкой на известное положение Маркса о способах практически-духовного освоения мира /см.: 5, с.728/. Думается, что эта ссылка основана на недоразумении, поскольку у Маркса данное положение находится в контексте, не имеющем отношения к вопросу о классификации видов социальной деятельности. У Маркса, по существу, речь идет о мировоззрении как форме практически-духовного освоения мира - в отличие от философии, которая, по Марксу, представляет форму теоретического освоения мира. Авторы, специально занимающиеся разработкой данной проблематики, выделяют три основные формы освоения мира человеком: материально-практическое, духовно-практическое и теоретическое освоение /см.: 136, с.145/. Для нас важно подчеркнуть, что освоение мира и преобразование мира - это хотя и диалектически взаимосвязанные, но все же различные способы взаимодействия человека с миром.

Ошибки в делении понятия "социальная деятельность" могут быть связаны с неточной интерпретацией самого понятия "деятельность". Одна из ошибок такого рода основана на неправомерном отнесении к преобразовательной деятельности только деятельности практической. В соответствии с этой посылкой М.С.Каган выделяет преобразовательную деятельность как вид деятельности наряду с

познавательной деятельностью /см.: 59, с.53/. К преобразовательной деятельности автор относит: преобразование природы, общества, человека (физическое и духовное), преобразование индивидом самого себя (физическое и духовное самосовершенствование). Познавательная же деятельность определяется как активность субъекта, направленная на объект, которая не реконструирует объект, а отражается им и возвращается к субъекту в виде знания об этом объекте (см.: там же, с.54-59/.

Если познавательная деятельность на этом основании исключается из объема понятия "преобразовательная деятельность", то возникает сомнение относительно основательности самого этого основания. Разве цель познавательной деятельности является не "реконструкция" наших мыслей об объекте? Если мы согласны, что существование наших мыслей о мире не менее реально, чем существование самого этого мира, нам придется согласиться и с тем, что наша познавательная деятельность является преобразовательной не в меньшей степени, чем деятельность практическая. Деятельность - это всегда (и прежде всего) - преобразование, независимо от объекта деятельности, ее субъекта, характера и социальной направленности. Из сказанного следует, что понятие "преобразовательная деятельность" оказывается, по существу, тавтологичным, а понятие "непреобразовательная деятельность" - понятием с нулевым объемом.

В последнее время среди видов деятельности нередко упоминается коммуникативная деятельность. Это имеет место не только в психологической /см.: 23, с.322/, но и в философской литературе / см.: 59, с.53, 80-85 ; 46, с.13 ; 97, с.156/. В числе видов общения чаще всего упоминается физическое и психическое, материальное, духовное /см.: 54, с.85/. Выделение коммуникативной деятельности иногда сопровождается оговоркой, что это - вид деятельности применительно к деятельности отдельных индивидов /37, с.36/.

Как бы то ни было, интерпретируя общение в качестве вида деятельности, мы должны отдавать себе отчет в том, что такое выделение не может не вести к расширению объема и, следовательно, к обеднению содержания понятия "социальная деятельность". Предположим, однако, что это не так, и для проверки этого предположения посмотрим, удовлетворяет ли отношение общения фундаментальным признакам деятельности как преобразовательной активности субъекта.

На первый взгляд, отношение общения удовлетворяет данным признакам. В одном из определений общения прямо говорится, что общение - это "... практическая активность субъекта, направленная на других субъектов" /59, с.82/. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что такого рода активность субъекта сама по себе ничего не преобразует. "Ни один вид деятельности не существует без и вне преобразования предмета объективной или субъективной реальности" - обоснование истинности этого положения мы уже давали. Простая логическая операция обращения данного суждения дает нам в выводе: "то, что не связано с преобразованием предмета объективной или субъективной реальности, не является видом деятельности".

Деятельность - это не просто взаимодействие, это взаимодействие при наличии активной стороны, "инициатора" взаимодействия. Человеку как субъекту деятельности противостоит не просто окружающий мир, но мир как объект, пассивность которого есть с действие максимальной "монополизации" активности субъектом. По справедливому замечанию М.С.Кагана, "активность... есть исходная характеристика субъекта, главный признак, отличающий его от объекта; соответственно отличительной чертой объекта становится пассивность" /60, с.43/.

Если практическая и духовная деятельность реализуется на основе субъект-объектного отношения, то отношение общения - это, по существу, реализация субъект-субъектного отношения. Можем ли мы говорить об актив-

ности сторон субъект-субъектного отношения? Видимо, нет: одна из сторон взаимодействия может характеризоваться как относительно активная лишь при наличии относительно пассивной стороны. В противном случае понятие "активная сторона взаимодействия" теряет смысл. Применительно к духовному общению на данное обстоятельство обращает внимание А.К. Уледов, справедливо полагая, что возникая в связи с деятельностью как необходимое условие ее существования, общение не является видом деятельности, поскольку в духовное общение вступают равноправные субъекты /см.: 124, с.112-113/.

Считать общение коммуникативной деятельностью или интерпретировать общение как вид отношения субъекта к окружающему миру (наряду с познавательным, ценностным и др. отношениями) - это не вопрос терминологии. Интерпретация общения как вида деятельности приводит к тому, что понятие деятельности теряет свои важнейшие признаки - преобразования и активности - и становится, по сути дела, эквивалентным понятию "взаимодействие". Этого и следовало ожидать: родовое понятие не может обладать большим числом признаков по сравнению с подчиненным ему видовым понятием.

Классификация видов практики, как и классификация видов деятельности, может строиться по различным основаниям. Мы полагаем, что наибольшую эвристическую ценность для последующего анализа познавательных функций практики может иметь классификация по объекту деятельности. Как правило, и в учебной философской литературе классификация видов практики дается именно по этому основанию. Правда, иногда вместо классификации предлагается простое перечисление: "В практику включается производство, классовая борьба, научно-экспериментальные исследования, художественное творчество и пр." /68, с.365/. Очень "гибкая" классификация видов практики дается в четвертом /1980/ издании "философского словаря": 1) деятельность, обеспечивающая объективный процесс материального производства; 2) революционно-

преобразующая деятельность классов ; 3) "... все другие формы практической общественной деятельности, ведущие к изменению мира" /см.: 128, с.367/. Можно лишь догадываться, что имеют ввиду авторы под "другими формами" практики.

Основными идеями классификации видов практики по объекту деятельности были даны классиками марксизма. В соответствии с этими идеями, одну сторону социальной деятельности человека составляет "обработка природы людьми", суть другой стороны - "обработка людей людьми" /см.: 4, с.35/. Данное положение дает основание для выделения двух основных видов практики: производственной практики и практики преобразования общественных отношений. Употребляемая обычно в этой связи терминология "материально-производственная деятельность" и "социально-преобразующая деятельность" содержит избыточную информацию, поскольку признаки "быть материальной деятельностью" и "быть преобразующей деятельностью" содержит в себе общее определение практики. Какие бы материальные преобразования ни осуществлялись человеком, это всегда были и будут либо материальные преобразования природы, либо материальные преобразования в области общественных отношений. Поэтому выделение других видов практики, существующих наряду (т.е. на том же основании) с производственной и социальной практикой,^I следовало бы считать по крайней мере лишены достаточных логических оснований.

Между тем, такого рода выделение нередко имеет место. К основным видам практики, наряду с производственной и социальной практикой, относят также управленческо-

^I Термин "социальная практика" здесь и далее употребляется в значении материальной деятельности по преобразованию общественных отношений, поскольку такое словопользование является фактически общепринятым.

- административную, воспитательно-педагогическую и медицинскую деятельность /46, с.12/, деятельность по социально-бытовому обслуживанию людей /110, с.242-243/, художественное творчество /63, с.365/. Конечно, во избежание логических ошибок, перечисленные виды деятельности можно было бы отнести к неосновным видам практики, тем более, что известны основания для этого есть /см.: 24, с.36/. Но ближайшее рассмотрение показывает, что любой из видов деятельности, относимых к неосновным видам практики, либо легко "вписывается" в один из основных видов, либо вообще не может быть отнесен к практической деятельности, как это было показано выше на примере воспитательной и образовательной деятельности.

Применительно к духовной деятельности классификация по объекту деятельности оказывается неэффективной. В качестве объекта духовной деятельности, в строгом смысле этого слова, не может выступать что-либо, помимо "мира идей". По определению В.Г.Афанасьева, "духовная деятельность - это ... деятельность, направленная на производство и воспроизводство идей, духовных ценностей" /см.: 25, с.40/. По уровням духовную деятельность можно подразделять на деятельность обывательского уровня и деятельность теоретического уровня. По сферам общественного приложения в рамках духовной деятельности могут быть выделены научная деятельность, деятельность в области литературы и искусства, деятельность в области воспитания и образования и т.д. Определенную эвристическую ценность могла бы иметь и классификация видов духовной деятельности по ее характеру - здесь центральное место принадлежало бы познавательной деятельности.

Что касается классификации основных видов практики, а также последующего выделения в рамках этих видов соответствующих подвидов, то мы полагаем, что такая классификация должна иметь своим основанием непосредственный объект преобразования. Непосредственный - потому что в конечном счете любой вид практической деятельности так или иначе направлен на преобразование матери-

альной жизни общества, точнее, он является способом ее существования через преобразование.

Сказанное относится и к оставшему традиционным выделению в качестве одной из основных форм практики научного наблюдения и эксперимента /см.: II9, с.53 ; 47, с.346-347 ; 87, с.53 ; II0, с.242-243/. Иногда научное наблюдение и эксперимент относят к неосозанным /I89, с.I7, 20/, или "специфическим" /I40, с.I98-2I6/ формам практики. Однако это не меняет существа дела. Конечно, материальные компоненты имеют место и в деятельности живописца, и в экспериментальной деятельности ученого. Но какими бы существенными ни были эти компоненты, они не должны заслонять главного: непосредственной цели данного вида деятельности. В противном случае все критерии окажутся размытыми.

Когда говорят о художественной практике, научной практике, и т.п., то смысловое значение термина "практика", по существу, покидает общефилософский категориальный ряд "практика-познание" и включается в общесоциологический категориальный ряд "практика-теория". Оперирование понятиями "художественная практика", "научная практика", "практика коммунистического воспитания" в данном ряду не только правомерно, но и необходимо, так как дает возможность соотнесения этих понятий с понятиями "художественная теория", "научная теория", "теория коммунистического воспитания". Недопустимо лишь смешение философского и общесоциологического понятийных рядов.

Интерпретация эксперимента как вида практики возможна, но лишь в рамках общесоциологического категориального ряда "научная практика - научная теория". Эксперимент в этом, социологическом аспекте, действительно является видом научной практики в том смысле, что он выполняет функции средства для получения научных знаний, теорий. Разумеется, средством для получения научной теории может являться и другая теория. Но эксперимент есть научная практика как раз постольку, поскольку он не является готовым теоретическим результатом, а пред-

ставляет собой средство для получения этого результата, путь к этому результату. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что для употребления понятия "эксперимент" в качестве общесоциологической категории, по существу, не имеет значения, является этот вид научной деятельности материальной или духовной деятельностью. И мысленный эксперимент, и эксперимент, связанный с преобразованиями материально-предметного характера, в равной степени оказываются формами научной практики. Более того, в научной практике приходится отнести и деятельность ученого-экспериментатора, и деятельность ученого-теоретика: и та, и другая в равной степени не есть теория, а есть деятельность, в различных формах направленная на получение теории, на подтверждение научной гипотезы или ее опровержение - то есть научная практика.

Сказанное несколько не умаляет познавательной роли эксперимента, значения эксперимента как эффективного метода научного познания и критерия истинности его результатов. Следует, однако, иметь в виду, что та или иная теоретическая интерпретация эмпирических данных, полученных в результате эксперимента (как и наблюдения), может выступать лишь в качестве дополнительного внутринаучного критерия истинности соответствующих теоретических построений наряду с другими вспомогательными критериями, например, внеэмпирическими (логическая непротиворечивость, простота гипотезы и др.), в качестве же основного критерия истины в конечном итоге выступают производственная практика и практика преобразования общественных отношений.

Объектом социальной практики являются общественные отношения людей. В зависимости от характера этих отношений можно выделить и конкретные виды социальной практики, направленные на их преобразование. В качестве объекта практического преобразования могут выступать лишь объективно реально существующие отношения, духовные же феномены не могут быть объектом социальной практики. Трудно согласиться с утверждением, что понятие

социальной практики охватывает как материальные, так и нематериальные (политические, идеологические) формы деятельности /ГОС, с.10/. И политическая, и идеологическая формы деятельности существуют не наряду с материальной деятельностью, а сами представляют собой единство материального и нематериального аспектов, например, в качестве организаторской деятельности (материальный аспект) и деятельности по созданию политических манифестов, программ, других теоретических документов (духовный аспект).

Конечной целью социальной практики является преобразование соответствующих производственных отношений общества, его экономического базиса. Но эти преобразования осуществляются не непосредственно, а лишь через призму преобразования соответствующих идеологических отношений. Поэтому в качестве непосредственного объекта социальной практики выступают идеологические отношения - политические, правовые, нравственные, религиозные. Что касается философской и эстетической областей надстройки, то они не могут быть объектом социальной практики, поскольку на базе философских и эстетических идей идеологических отношений не возникает. В данном случае речь идет об идеологических отношениях в собственном категориальном смысле слова, т.е. об отношениях, которые протекают не в форме обмена соответствующими идеями, а в форме объективированной социальной практики /см. об этом: 21/.

В связи с делением социальной практики на составляющие ее подвиды, имеет смысл уточнить употребление понятий "вид практики" и "форма практики". Обычно данные понятия различаются лишь в контексте подразделения основных видов практики на составляющие их формы /-подвиды/. Видимо, различение смыслового содержания терминов "вид практики" и "форма практики" могло бы быть использовано более эффективно, если термином "форма практики" обозначить структуру, способ реализации данного вида практики. Это позволит не смешивать соответст-

вущий своему объекту конкретный вид социальной практики (политической, правовой, моральной, религиозной) с формами его реализации (классовая борьба, национально-освободительное движение, движения сторонников мира и т.д.).

Определение практики как материальной социальной деятельности будет конструктивным лишь при условии соотнесения понятия практики с системой основных философских категорий, прежде всего — с категориями материи и движения.

Что первично: материя или практика? Этот вопрос, который кажется на первый взгляд схоластическим (и является таковым), приобрел особую остроту в свете философских дискуссий 50-х — 60-х годов. Как известно, инициатива этих дискуссий принадлежала загребскому журналу "Праксис" — теоретическому органу философского течения, известного под названием "Философия практики". Исходя из известного положения Маркса о том, что спор о действительности или недействительности мышления, изолированный от практики, является схоластическим /см.: 3, с.1-2/, представители "Философии практики" толкуют это положение в том смысле, что материя не существует вне сферы деятельности человека, вне его практики: существует только "человеческая объективная реальность", единство мира заключается не в его материальности, а в практике /см.: 113, с.118/. Еще более определенно высказывался по этому вопросу польский философ М.Колаковский: "Материя, отделенная от человека, — это ничто. В этом смысле поставить вопрос о материи "самой по себе" все равно, что спросить, существует ли ничто" /см.: 68, с.358/.

Другой тезис Маркса, о том, что действительность должна рассматриваться не только как объект, но и субъективно, как человеческая чувственная деятельность, практика /см.: 3, с.1/, истолковывается в том смысле, что практику следует рассматривать в качестве особой субстанции, первичной по отношению к материи: "марксизм есть монизм практики, а не монизм материи". По мнению М.Кангры, "действительность есть не что иное, как человеческая деятельность" /см.: 98, с.40/.

Попытки такого рода ревизии марксистской философии имели место и в прошлом. Пытавшийся соединить марксизм и махизм А. Богданов построил свою "Тектологию" ("всеобщую организационную науку") на интерпретации человеческой деятельности как первоосновы всего существующего, представив практику в качестве субстанции /см.: 33, с. 9-10/. Подобного рода попытки "творческого" развития марксизма имеют место и сегодня /см. по этому вопросу: 132/.

Суть и теоретические истоки философского ревизионизма группы "Праксис" и примыкавших к ней философских течений известны: это попытка интерпретации марксизма, прежде всего воззрений раннего Маркса, в духе субъективного идеализма. Например, Р. Гароди полагал, что марксистское понимание практики идет от Фихте /см.: 28, с. 97/. В то же время, когда Э. Фивер утверждает, что марксизм - это "философия практики" /см.: 45, с. 30/, а Р. Гароди характеризует марксизм как "философию действия" /см. там же, с. 32/, то с этими характеристиками самими по себе трудно не согласиться. Марксистскую философию можно было бы назвать и иначе - например, философией человека. Сказанное, однако, не означает, что в рамках марксистской философии необходимо создавать специальные разделы философского знания - праксеологию, философскую антропологию и т.п. Напротив, именно потому, что в с/я марксистская философия является, в известном смысле, и философией практики, и философией человека, - необходимость в специальном выделении таких разделов отпадает.

Сам по себе акцент на деятельностной стороне человеческого бытия вполне правомерен - но что такое практика в ее отношении к материи ?

На первый взгляд, тезису "практика первична, материя вторична" следовало бы противопоставить тезис "материя первична, практика вторична". Но материя "первична" только в том отношении, что она как субстанция существовала и тогда, когда не было практики как способа суще-

ствования социального модуса этой субстанции. А это отношение первичного-вторичного имеет иное содержание по сравнению с основным вопросом философии, и для философского анализа практики мало что дает. Столь же бесперспективны попытки сопоставлять материю и практику в отношениях целого и части, или рода и вида. Практика не является какой-то особой частью или видом материи, в частности, как это утверждается, - видом движущейся материи /см.: IOI, с.164/.

Особенности практики как вида социальной деятельности нередко связываются с тем обстоятельством, что в практике осуществляется процесс взаимопревращения идеального и материального /89, с.407/, перевода идеального в материальное /74, с.199/, "овеществление субъективного" /35, с.324/. Вообще говоря, выражения типа "идеальное переходит в материальное" и "материальное переходит в идеальное" стали общим местом в нашей философской литературе. Между тем они заслуживают внимания - хотя бы для того, чтобы уяснить, что происходит с идеальным, когда оно "превращается" в материальное, и что происходит с материальным, когда оно "превращается" в идеальное.

Нетрудно показать, что фразы о "взаимопереходе" материального и идеального есть не более, чем эффектные метафоры для выражения реальной диалектики этих предельно широких характеристик бытия. И материальное, и идеальное остаются на своих местах - материальное как характеристика объективной реальности, идеальное как характеристика субъективной реальности. На своих местах - но не без движения, потому что в движении только и может быть реализовано указанное единство объективной и субъективной реальности. Именно это единство и обеспечивается практикой. Как именно это единство реализуется?

Может быть, в том смысле, что "практика является связующим звеном между материей и сознанием" /IO9, с.109/? Такое предположение очень далеко от истины :

материя и сознание в действительности связаны посредством ощущений как единственного источника наших знаний - признание и осознание этого обстоятельства характерно не только для диалектико-материалистического, но и для любой формы материалистического сенсуализма. Согласно другому предположению, противоположность между мышлением и бытием есть противоположность "единой практической деятельности" /см.: 49, с.29/. Если в первом случае практика оказалась вне материи и сознания /тогда где же она?/, то здесь - наоборот, и бытие, и мышление оказываются растворенными в практике.

На фоне двух обозначенных точек зрения более предпочтительной должна была бы представиться третья, наиболее распространенная: интерпретация практики как "соединительного звена" между человеком и внешним миром /67, с.344 ; 68, с.592/. Таким образом, практике отводится роль своеобразного "мостика" в рамках системы "человек - объективный мир". Но что собой представляет этот мостик? С одной стороны, он не может находиться вне реальности, объективной или субъективной, с другой - он не может принадлежать к какому-то одному виду реальности: что это за мостик, если он находится только на одном берегу? Остается предположить, что этот мостик принадлежит обеим реальностям. Однако такое предположение возвратило бы нас к тракту уже практики как материально-идеального феномена.

В нашей литературе иногда проводится различие практической деятельности на живую (непосредственную) и опредмеченную (прошлую), на практику-процесс и практику-результат /см.: 95, с.27 ; 74, с.388/. Согласно такой трактовке, живая деятельность, представляя момент изменчивости в системе деятельности, и опредмеченная деятельность, представляя момент покоя, выступают в качестве двух взаимодополняющих способов существования деятельности, сторон диалектического противоречия в рамках деятельности /см.: 130, с.109/. При этом подчеркивается, что опредмеченная деятельность не

является чем-то мертвым, - наоборот, это реально живущий, движущийся по законам целого элемент социального организма /там же, с.109/.

Существа вопроса не меняют оговорки насчет относительности различия между практикой-результатом и практикой-процессом, "...так как "неподвижная" практика-итог невозможна, а практика-процесс всегда обладает определенной, относительно устойчивой итоговой структурой" /84, с.23/. Последовательное проведение этой точки зрения обязывает нас расширить объем понятия деятельности не только за счет опредмеченной деятельности, но и за счет деятельности распредмеченной. Такое расширение окажется неизбежным, если принять во внимание единство опредмечивания и распредмечивания как диалектически противоречивых результатов субъект-объектного отношения. Окажется, что если опредмеченная деятельность - это деятельность, которую содержит в снятом виде предмет "второй природы", то распредмеченная деятельность - это деятельность, которая в снятом виде выступает как содержание мышления.

Разумеется, содержание распредмеченной деятельности, как и содержание опредмеченной деятельности, также не является чем-то мертвым в смысле отсутствия движения и развития. Тем не менее, ни распредмеченная деятельность, ни опредмеченная деятельность не есть деятельность в собственном смысле слова. Достоинство и эффективность этих метафор в том, что они позволяют наглядно представить диалектику цепочки взаимосвязей "объект - деятельность - субъект". И все же : если бы деятельность не "умирала" в объекте и в субъекте в качестве результатов опредмечивания и распредмечивания, - она оказалась бы мотором, работающим на холостом ходу. Деятельности, поскольку это деятельность, нет необходимости опредмечиваться - она и без того всегда предметна. Применительно к процессу трудовой деятельности Маркс писал: "... В процессе труда деятельность человека при помощи

средств труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте... Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности, теперь на стороне продукта выступает в форме *п о к о я щ е г о с я /разрядка моя. - И.В./ свойства . . . , в форме бытия"* /9, с.191-192/.

Что такое "деятельность-результат"? Видимо, это не что иное, как объективированные цели субъекта, как результат деятельности. По словам Маркса, в производстве объективируется личность, в личности субъективируется вещь /см.: 5, с.715/. Но результат деятельности не есть деятельность уже потому, что деятельность в результате угасла. Она есть в результате лишь постольку, поскольку именно она и привела к результату, без нее результат не был бы возможен. В то же время ее нет в результате, потому что результат и является результатом лишь постольку, поскольку соответствующая деятельность по его созданию уже угасла в нем. Когда Маркс выделял в качестве форм труда форму деятельности и форму предметности /см.: 9, с.200/, то под "овеществленным" трудом им понимался именно "мертвый" труд /см.: 10, с.450/. Угасание процесса есть в то же время постоянное рождение результата, перехода в результат - предмет материальной или идеальной природы.

Результат, оставаясь в системе социальной деятельности, продолжает питаться ее соками, существовать за ее счет, другими словами - развиваться по законам деятельности. Но это не одно и то же: развиваться по законам деятельности и быть самой этой деятельностью. В социальной действительности ничто не существует вне и помимо деятельности, все социальные процессы и явления не просто так или иначе связаны с деятельностью, они сами и выступают как конкретные формы реализации этой деятельности. В известном смысле можно сказать, что вообще все существующее в рамках социальной дейст-

вительности есть деятельность - "... ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?" /I, с.564/. Важно подчеркнуть, что хотя деятельность и невозможна вне и без субъекта и объекта деятельности, как таковая она не находится ни на одном из этих полюсов, ни между этими полюсами. Деятельность и есть именно сам процесс субъект-объектного отношения: постоянно реализующаяся активность субъекта и угасание этой активности в объекте. Деятельность является процессом постоянного в о з н и к н о в е н и я, своеобразным звеном между бытием налично-данного и небытием предполагаемого результата.

Практику нельзя представлять как нечто существующее наряду с материей, противостоящее материи как нечто внешнее. Глава одной из монографий, посвященных проблеме материи, называется: "Материя как объект человеческой практической деятельности" /см.: 30/. Такая постановка вопроса содержит в себе неявное противопоставление материи и практики и поэтому приводит к неверным следствиям. Материя как объект может выступать в качестве такового лишь относительно того, что материей не является. Но материей не является сознание, и только сознание, - все остальное есть модификации материальной субстанции. Таким образом, утверждения "материя есть объект практики" и "материя есть объект сознания" оказываются логически эквивалентными, что и приводит к неверному выводу: "практика есть сознание".

Понятие материи вообще не коррелируется с понятием практики - в том аспекте, о котором идет речь, материя соотносима не с практикой, а с движением. Однако и это уточнение не приводит к решению вопроса: материя не может выступать в качестве объекта движения, поскольку последнее является способом ее собственного существования.

Можно предположить, что объектом практической деятельности является не материя как таковая, а лишь ее социальный уровень, включая "очеловеченную природу".

Но и такое предположение ведет к фактическому отрыву практики от материи. Например, трактовка деятельности как движущей силы общественного развития /63, с.142/, как движущей силы истории /74, с.228/ кажется убедительной лишь до тех пор, пока не возникает вопрос : чем является в таком случае сама история? Согласно ясной и недвусмысленной формулировке Маркса, "история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека" /2, с.102/. Суммируя сказанное, получаем : деятельность является движущей силой... себя самой.

Социальная реальность по своей природе носит субъект-объектный характер, поэтому утверждать, что деятельность является движущей силой исторической реальности у нас не больше оснований, чем для утверждений о том, что движение является источником, движущей силой материи. Если же принять во внимание факторы, лежащие в основе целенаправленного, то в качестве главной движущей силы общественного развития, движущей силы исторического процесса предстанут исторически складывающиеся и исторически изменяющиеся потребности человека, потребности и интересы классов и других социальных групп. Согласно Энгельсу, применительно к антагонистическим формациям "... в борьбе классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей... истории /8, с.308/.

Утверждать, что практика осуществляет материальное воздействие на реальный мир — это не только неточно, но и фактически неверно. Преобразования, изменения природной и социальной реальности осуществляет не практика как таковая, а практически действующий человек как носитель соответствующей идеи преобразования. Практика никак не может преобразовывать внешний мир, поскольку сама она и является именно процессом этого преобразования, является социальной формой движения материи.

Для обозначения бытия "социума" в нашей литературе употребляется различная терминология: "общественная жизнь", "общественное бытие", "социальная реальность",

"историческая действительность", "социальная материя". Казалось бы, наиболее определенным и поэтому наиболее подходящим для этой цели термином является термин "социальная материя". Согласно одной из трактовок, "социальная материя - это динамически функционирующая и исторически развивающаяся целостная совокупность мыслящих и сознательно преобразующих действительность индивидов и сообществ различных уровней, находящихся в общественных отношениях" /62, с.58-59/. Автор этого определения, М.А.Чудников, приходит к выводу, что поскольку структурную основу социальной материи составляют люди, постольку характерной особенностью, существенным свойством и функцией социальной материи является сознание /там же, с.50-51/. Так ли это ?

Хорошо известно, что сознание есть свойство высокоорганизованной материи - человеческого мозга, и если признать, что сознание действительно является свойством социальной материи, то придется сделать вывод, что социальная материя - это не более, чем совокупность мыслящих человеческих "мозгов". С этим трудно согласиться, хотя данное положение и вытекает из посылок автора с необходимостью. Остается еще раз обратиться к самим посылкам. Термин "социальная материя" вряд ли можно признать удачным прежде всего по причине его логической некорректности. Разумеется, социальное бытие невозможно без и вне субъекта этого бытия - мыслящего человека. Однако мыслящий человек - это не только материя, но и сознание. Сознание оказывается включенным в социальную материю - от этого все равно никуда уйти не удастся.

Конечно, в данном случае возможны оговорки, и они обычно делаются, что социальная материя - это "особый" вид материи. И все же вид должен обладать всеми признаками родового понятия, в данном случае - двумя признаками: существовать вне и независимо от ощущений и быть доступной им. В противном случае о "социальной материи" можно рассуждать как угодно убедительно, но

считать ее в и д о м материи - нельзя. Мы полагаем, что строгое употребление термина "материя" не допускает модификаций и "дробления" единой материальной субстанции на физический, химический, биологический, социальный модусы. Подобное дробление не может привести ни к чему иному, кроме как к своеобразному варианту метафизического материалистического плюрализма.

Остальные термины, из числа перечисленных выше, представляются вполне приемлемыми для обозначения бытия социума. По существу, и "общественная жизнь", и "социальная реальность", и "историческая действительность" - это понятия, содержание которых отражает одно и то же: общественное бытие.

Категория общественного бытия относится к числу наиболее фундаментальных и традиционных в историческом материализме, однако ее интерпретация в марксистской философской литературе включает довольно широкий спектр значений. Между тем, если исходить из недвусмысленной и непредвзятой интерпретации данного понятия, то его содержание, в первом приближении окажется предельно абстрактным: общественное бытие - это вид бытия /существования/, т.е. б ы т и е о б щ е с т в а . Таким образом, по данному основанию деления понятия общественного бытия и природного бытия полностью исчерпывает объем понятия "бытие" /"существование"/.

Бытие общества реализуется в двух основных формах: материального бытия и духовного бытия. Могут быть выделены и другие формы общественного бытия, например: способ производства материальных благ - социально-политическая жизнь общества - духовная жизнь общества. Или : базис - надстройка. Ввиду большой сложности общественной жизни деление понятия "бытие общества" может производиться по различным основаниям. В этой связи В.С.Барулин обращает внимание на наличие в рамках понятийного аппарата исторического материализма различных категориальных рядов - категориального ряда способа производства, категориального ряда "материальное-идеальное" и

других /см.: 26, с.212-213, 279-281, 310/. Поэтому, хотя данные категориальные ряды и взаимосвязаны, включение категорий из одного ряда в категории другого ряда в качестве их "составных частей" вряд ли может быть признано оправданным.

Что касается материальной стороны общественного бытия, то термином "общественное бытие" обычно обозначается именно эта форма бытия общества. Как известно, такая терминология нередко использовалась и классиками марксизма, аналогично использованию термина "бытие" в значении "объективная реальность". Общественное бытие, в узком значении этого термина, определяется как материальная жизнь общества /см.: 135, с.15/, как совокупность материальных общественных отношений /см.: 94, с.153/. Использование понятия общественного бытия в узком значении вполне оправдано, но лишь при условии его соотнесения с понятием сознания /общественного сознания/ - в противном случае двусмысленности в трактовке понятия "общественное бытие" неизбежны, а формула "общественное бытие определяет общественное сознание" вообще потеряет смысл. С учетом этого обстоятельства понятие общественного бытия /в узком значении/ может быть определено как материальная сторона общественной жизни, складывающаяся независимо от сознания людей. В последующем изложении понятие общественного бытия будет употребляться, как правило, в этом значении.

Специфику общественного бытия правомерно связывать прежде всего с особым характером его объективности. В этой связи говорят о двух формах объективной реальности: первой, которая выступает как данная нам в природе, и второй, созданной человеком. Иногда при этом подчеркивается, что относительно этой второй реальности мы уже не можем говорить как об объективной реальности, существующей независимо от человека.

Одним из первых эту точку зрения высказал Ю.А.Кданов /см.: III, с.106/, впоследствии она получила определенное распространение среди части советских философов /см.: 45, с.199, 216/. Разумеется, природно-материальное и социально-материальное необходимо различать. Именно такое различие явилось для классиков марксизма ключом к разгадке тайны идеального, происхождения сознания. Тем не менее, следует подчеркнуть, что предмет "второй" реальности, каков бы количество овеществленного труда он ни содержал, остается таким же предметом объективной реальности, как и предмет "первой" реальности. Во всяком случае, со стороны решения основного вопроса философии между этими формами объективной реальности никаких различий не существует.

Если практика является социальной формой движения материи, то, видимо, в отношении к социальному уровню развития материи практика есть то же, что движение - в отношении к материи как таковой. В этой связи необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Формула "движение есть способ существования материи" может, при абстрактном истолковании понятия материи, быть интерпретирована таким образом, что материя существует наряду с движением как некая "подпорка" для него, каркас, материал.

Понятие материального субстрата оказывается на этом уровне малоэффективным, более того, оно может породить двусмысленные выводы о существовании некоей "чистой" материи. По мнению некоторых авторов, объективная реальность - это и сама материя, и ее атрибуты, материя материальна, но не все материальное есть материя /см.: 82/. Но что такое "сама материя", вне и помимо своих атрибутов, если она не поддается даже самой предварительной фиксации в отношении своего субстрата? Либо "сама материя" вне и помимо своих атрибутов вообще не существу-

ет, либо "сама материя" — это и есть движущаяся пространственно-временная объективная реальность. И в том, и в другом случае вопрос с "само́й материи" по существу снимается как излишний, точнее, как неверно поставленный.

Углубление познания отдельных форм движения от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т.д. — это не что иное, как углубление в познании соответствующего субстрата. Так было с материальным субстратом жизни, так, в принципе, обстоит дело и с другими формами движения материи. Важно подчеркнуть, что если применительно к материи как таковой неэффективным оказалось понятие субстрата, то применительно к конкретным формам ее движения не только неэффективным, но и теоретически ошибочным оказывается понятие субстанции. Именно такого рода ошибка лежит в основе некоторых современных вариантов уже упоминавшейся "философии практики". В общеметодологическом плане главная установка "философии практики" близка с концепцией, известной под названием энергетизма. Скажем больше: если в социально-политическом отношении "философия практики" является мелкобуржуазной ревизией марксизма, то в теоретическом отношении — это модификация энергетизма применительно к общественной жизни.

Суть основной теоретической ошибки "философии практики" состоит в субстанциализации одной из форм движения материи — социальной формы — что неверно по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, бытие общества — это лишь один из видов бытия /наряду с природным бытием/, и уже поэтому данный вид бытия не может быть представлен в качестве субстанции: последняя по своей природе не может иметь оснований своего существования в чем-то ином, а только в себе самой, и поэтому может существовать не через другое, а только через себя самое.

Как утверждает Л. Колаковский, "веди является человеку в перспективе практического усилия, как ценности, как вещи для чего-то..." /см.: I41, с. 273-274/. Даже если согласиться, что бытие общества есть в некотором смысле действительно единственный вид бытия, включающий и бытие природы, то и в этом случае мы не получим оснований для субстанциализации практики. Хотя понятие субстрата может и совпадать с понятием субстанции, но в любом случае субстанция - это единство субстрата и соответствующего ему способа его существования. В "Философии практики" достаточно точно воспроизведена суть ошибки В. Оствальда: отождествление субстрата бытия со способом бытия этого субстрата - лишь субстанциализированная энергия заменена субстанциализированной практикой. Способ бытия субстрата отождествлен с субстратом бытия и представлен в качестве субстанции.

Поскольку движение является способом существования материи, а практика - социальной формой ее движения, постольку практика выступает в качестве с п о с о б а с у щ е с т в о в а н и я материального субстрата общественной жизни. Следует подчеркнуть, что общественное бытие и практика не являются "компонентами" реального бытия, как это иногда утверждается /см.: I42, с. 15/, и не соотносятся как целое и часть, а соответствующие им понятия - как родовое и видовое. Понятия общественного бытия и практики не могут ни отождествляться, ни противопоставляться прежде всего потому, что обозначают соответственно некоторую реальность и способ существования субстрата этой реальности. В известном смысле понятия практики и материальной жизни общества представляют одно и то же, но представляют то-разному - аналогично понятиям "материальное движение" и "движущаяся материя". В этом же смысле следует признать некорректной трактовку практики как некоторой направленности на преобразование материальной стороны общественного бытия - практика не

может быть направлена на преобразование реальности, способом существования субстрата которой она сама же и является.

На необходимость различения понятия "субстанция", "социальный субстрат" и "социальная форма движения" не всегда обращается внимание, в результате чего в ранг субстанции возводится либо практика, либо в качестве субстанции интерпретируется общество в целом. В первом случае практика трактуется как субстанция либо в общепhilософском плане - на примере "философии практики" было показано, что такая интерпретация практики является теоретически неверной, либо в общесоциологическом плане субстанциальности деятельности вообще как всеобщего способа человеческого бытия /см.: 57, с.118/. Последняя интерпретация практики является по крайней мере теоретически непоследовательной с монистической точки зрения.

Если в качестве субстанции интерпретируется общество в целом, то практика фактически трактуется как способ существования социальной субстанции: "Социальная форма, вид материи - это понятие философии, обозначающее субстанцию социальной формы движения, высший вид материи..." /29, с.250/. Последовательное проведение этой точки зрения означало бы необходимость постулирования наряду с общепhilософской - физической, биологической и т.п. субстанций, что, в свою очередь, привело бы к весьма сложной - если не неразрешимой - проблеме соотношения между этими субстанциями.

Понятие субстрата не может быть эквивалентно понятию того, по отношению к чему данный субстрат выступает в качестве субстрата. Например, в качестве субстрата органической природы не может выступать сама эта органическая природа. Аналогичным образом, материальная жизнь общества не может выступать в качестве своего собственного субстрата. В самом общем плане границы субстрата

общественного бытия могут быть очерчены как объективные социальные отношения /экономические, политические, правовые, нравственные/, складывающиеся и сложившиеся между людьми в процессе освоения окружающего мира. Поскольку практика выступает в двух основных формах - природно-преобразующая деятельность /материально-производственная форма общественного бытия/ и социально-преобразующая деятельность /социально-политическая форма общественного бытия/ - постольку материальные общественные отношения, неизменно "сопутствуя" первой форме практики, сами являются объектом постоянного воздействия со стороны человека в рамках социально-преобразующей деятельности.

Остается добавить, что сущностное ядро общественно-го бытия составляет з а к о н ы материальной жизни общества. Познание данных законов является главной целью отражения социальной действительности, а реализуется эта цель в процессе асимптотического приближения субъекта социального познания к сущностному ядру материальной стороны общественного бытия на основе практической деятельности как способа существования материального субстрата общественной жизни.

Аналогично материальной стороне общественной жизни, сущностное ядро ее духовной стороны составляет з а к о н ы духовной жизни общества. Познание данных законов, непосредственно осуществляясь в рамках духовной деятельности человека, оказывается связанным самым широким спектром опосредований с практической деятельностью. Анализ этой связи - весьма актуальная проблема методологии социального познания.

Говоря о духовной жизни общества, мы вправе рассматривать ее, так сказать, в "чистом" /сущностном/ виде, отвлекаясь от материальных форм ее реального функционирования. Да и само понятие духовной жизни общества также является своего рода абстракцией /как и понятие ма-

териальной жизни общества/: реальное бытие общества есть настолько тесное переплетение материального и духовного, что, видимо, в этой связи было бы более точным говорить о материальной и духовной сторонах общественной жизни.

Тем не менее, и материальная, и духовная стороны общественной жизни - это различные, диалектически противоположные и относительно самостоятельные области бытия общества, со своими собственными субстратами и способами существования этих субстратов. Что касается духовной жизни общества, то общественное сознание выступает по отношению к ней не как часть к целому, а в качестве субстрата данной стороны общественной жизни. Это как раз то, что, по определению Д.И.Дубровского, есть "...определенная совокупность идей, представлений, ценностных установок, нормативов мышления и практической деятельности" /56, с.155-156/. В роли способа существования общественного сознания как субстрата духовной жизни общества выступает духовная деятельность людей во всем многообразии ее форм и проявлений.

Некоторые авторы предлагают не идти дальше понятия социальной деятельности, полагая, что этот путь уводит нас в сторону от философских аспектов проблемы деятельности /см.: 130, с.104,107/. что членение деятельности на виды - слишком частный уровень теории, чтобы выступать в качестве онтологической схемы исторического материализма /см.: 129, с.16/. Данная позиция представляется по меньшей мере весьма спорной, поскольку при таком подходе в социальной деятельности растворяется, по сути дела, все бытие общества, - все оказывается социальной деятельностью. Само по себе это верно, но лишь постольку, поскольку социальная деятельность является единственно возможным способом существования социального субстрата. Однако насколько эффек-

типно объявление понятия социальной деятельности последней инстанцией в анализе общественного бытия, если иметь ввиду последующие задачи общеполитического, гносеологического, аксиологического анализа социальной реальности?

В данной связи представляется уместной аналогия. В качестве результатов познавательной деятельности человека выступает определенное содержание познавательного образа - но нас интересует как раз диалектика истинного и ложного в этом содержании, а не сама по себе констатация наличия содержания как такового. То же и с понятием социальной деятельности.

Уяснение его содержания и места среди других философских и общесоциологических понятий - необходимое, но далеко не последнее звено в анализе социальной деятельности. Следующим этапом этого анализа должно быть как раз выяснение основных ее видов и анализ их роли в общественной жизни. В свою очередь, необходимой предпосылкой такого анализа является уяснение реальной диалектики и способов существования сторон общественной жизни.

Итак, материальная и духовная стороны общественного бытия - это виды бытия, которые реализуются на основе соответственно практической и духовной деятельности человека.

Что касается практики, то, рассматриваемая в единстве субстанциалистического и деятельностного подходов, она может быть определена как способ существования материального субстрата общественной жизни, заключающийся в целенаправленном изменении людьми своего общественного бытия и его природных условий.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ

Различные аспекты вопроса о соотношении практики и познания являются на протяжении по крайней мере последних 20 лет предметом оживленных дискуссий и обсуждений в марксистской философской литературе. Этому вопросу посвящен ряд монографических исследований /см.40 ; 52 ; 58 ; 98/. Следует отметить, что во многих работах соотношение познания и практики интерпретируется в плане включения одного в другое. Вариантом такого подхода является трактовка познания как момента практики /см.19, с.93/. Венгерский философ Т.Рожахедья полагает, что поскольку практика является целенаправленной деятельностью, постольку в нее "входит" вся познавательная деятельность /см.99, с.265/. Слово "входит" берется в кавычки самим автором, действительно говорить о том, что познавательная деятельность включается, входит в практику в прямом смысле этого слова - вряд ли удобно: в этом случае деление деятельности на практическую и познавательную теряет смысл.

Вообще говоря, термин "включенность" таит в себе такую полифонию смысловых значений /логическая включенность, структурная включенность и др./, что в более-менее строгом философском контексте его следует употреблять очень осторожно. Главное же состоит в том, что посредством этого термина очень трудно, если не невозможно, выразить реальную диалектику элементов, связь между которыми описывается как "вхождение", "включенность" одного в другое. Быть включенным в другое /или включать другое/ - вовсе не значит обязательно находиться в этом другом в отношении диалектической взаимосвязи.

В логическом плане понятия практики и познания несовместимы, что вытекает из противоположной направленности отражаемых ими реальных феноменов действительности:

в первом случае это преобразование материального мира, во втором - преобразование идеального мира, "производство" мыслей. Сказанное не означает, что познание и практика должны проходить по различным "ведомствам", различным разделам философского знания. По мнению М.А. Булатова, диалектический материализм является учением о познавательной деятельности, исторический материализм - теорией практической деятельности / 38, с.4, 45/. Реализация такой установки вряд ли способствовала бы конструктивному, комплексному подходу к разработке актуальных проблем марксистской философии как интегрирующего учения о человеке.

Тем не менее практика и познание - это различные виды социальной деятельности, различные способы отношения человека к миру, для формального отождествления которых или "включения" друг в друга у нас нет оснований. Конспектируя "Логику", В.И. Ленин выделяет и подчеркивает мысль Гегеля /§ 225 "Энциклопедии"/ о познании и практической деятельности как двух методах, двух средствах уничтожения односторонности субъективности и объективности /см.12, с.190/.

Включение в том или ином смысле познания в практику нередко сопровождается оговоркой, что практика и познание, по крайней мере в гносеологическом плане, выступают как абсолютные противоположности / 49, с.66 ; 87, с.53/. Думается, что и здесь дело обстоит не так просто, а если речь идет именно с гносеологическим аспектом отношения "практика-познание", то говорить об абсолютной противоположности практики и познания имеет смысл лишь постольку, поскольку практическая и духовная деятельность являются диалектически противоречивыми видами социальной деятельности. Это диалектические противоположности в составе целого - социальной деятельности. Это абсолютные противоположности в том смысле, что по характеру, цели и направленности они являются взаимоисключающими. Но поскольку это диалектические противоположности, поскольку они и взаимосвязаны именно диалектическим образом,

постольку они взаимопроникают, взаимодополняют друг друга, явились диалектически тождественными.

Вопрос о практике как основе познания нередко раскрывается по формуле: развитие практики, ее материальных возможностей - необходимое условие развития научной теории /см. 77, с. 268-272/. В качестве социологического аспекта изучения проблемы это вполне справедливо, в пределах этого аспекта практику правомерно рассматривать как внешнюю сторону познания - но только в этих пределах. В этих пределах практика "выше" результатов познания, т.е. уже достигнутого /например, теоретического/ знания. Выше в том смысле, что, хотя результаты познавательного процесса и содержат практику в снятом виде, они лишены "непосредственной действительности" - достоинства, которое обладает практика в качестве материального процесса. Практика же, наряду с этим достоинством, обладает и "достоинством всеобщности", поскольку она реализует универсальные законы предметного мира.

Однако в плане гносеологического анализа интерпретация практики как внешнего "толчка" познания направлена. На первый взгляд, взаимодействие практики и познания представляется как взаимосвязь звеньев цепочки последовательных чередований "практика-познание-практика" или "познание-практика-познание". Использование такого рода трехчленок в дидактически-методических целях в общем не вызывает возражений, однако вряд ли с их помощью может быть достигнуто достаточно точное изображение реального процесса субъект-объектного взаимодействия.

По сути дела, никакой практики, которая бы предшествовала познанию, и познания, которое бы предвзяло "более высокий уровень практики", не существует и никогда не существовало. В частности, трудно согласиться с интерпретацией соотношения познания и практики в том смысле, что "только после теоретического осмысления действия масс /как воздействия людей на природные процессы/ приобретает характер общественно-исторической практики".

/см. 108, с. 44/. Практика и познание - это не два сменяющих один другого этапы человеческой деятельности, а моменты, аспекты, точнее говоря - "срезы" человеческой деятельности, которые в своем реальном бытии существуют один в другом и через другой. Практика в этом аспекте без натяжек может быть представлена как инобытие духовной /в том числе познавательной/ деятельности, а духовная /в том числе познавательная/ деятельность - как инобытие практики. Практика не была бы практикой, если бы она существовала только в одном-единственном измерении своего материального бытия, не говоря о том, что духовная деятельность вообще не могла бы существовать без своего "тrockнютя" - быть отягощенной материей.

Практика не есть процесс одностороннего превращения субъективного в объективное, а познание - процесс отнюдь не одностороннего, но с противоположным вектором направленности объективного в субъективное. Объективация и субъективация, опредмечивание и распредмечивание, экстерниоризация и интериоризация - это две противоположно направленные стороны единого процесса субъект-объектного взаимодействия, стороны, не существующие "как таковые", а выделяемые в качестве таковых лишь в интересах анализа сложного, диалектически пульсирующего взаимодействия "человек-мир". Что в процессе деятельности на стороне человека выступает как распредмечивание, то на стороне предмета - в то же самое время - выступает как опредмечивание.

Познание вовсе не является чистым распредмечиванием, а практика - чистым опредмечиванием. Утверждать обратное - значит вернуться на метафизически-созерцательные позиции гессеологиче-домарксовского материализма. Распредмечивание не является функцией одного только познания, а опредмечивание - исключительно функцией практики. И то, и другое реализуется на основе практики - в этом смысле практика выступает как единство опредмечивания и распредмечивания и выполняет функцию основы познания. Однако не меньше оснований и для утверждения, что рас-

предмечивание и опредмечивание реализуются на основе познания - в этом смысле именно познание выступает как единство опредмечивания и распредемечивания и выполняет функцию основы практической деятельности.

Практика и познание - противоположности, но противоположности диалектические. Об этом нельзя забывать, потому что одностороннее противопоставление диалектически взаимосвязанных видов социальной деятельности неизбежно уведет либо к вульгарному материализму, либо к идеализму. В частности, противопоставление отражения /познания/ и практики, попытки представить практику в качестве субстанциональной основы всего существующего характерны для современного философского ревизионизма и философии "Франкфуртской школы". Отражение вообще предлагается заменить практикой /см.: 68, с.361-370/. Однако практика и познание отнюдь не субординированы в том смысле, что одно подчиняется другому или является первичным по отношению к другому. Они вообще никак не субординированы - одно существует только через другое и благодаря другому. Практика является основой познания. Но она может определять познание лишь постольку, поскольку сама в своем развитии зависит от познания. Практика без познания слепнет, превращаясь в "чистую" материальную деятельность, познание без практики становится бессмысленным, превращаясь в "чистую" психическую деятельность.

Взаимосвязь практики и познания проявляется как сложное структурированное отношение. В определенном интервале абстракции цель познания можно рассматривать только как достижение истины, независимо от возможностей практического применения знаний. При использовании знаний на практике встает в силу аксиологические критерии, и логологические образы как бы выходят из сферы "чистого познания", приобретая дополнительные характеристики. В этом аспекте известные организмы составляют более близкий к практике слой знаний.

Не все виды практики одинаково тесно связаны с наукой.

Более самостоятельной, относительно независимой от знания формой практики является материальное производство. Данная форма практики представляет собой своего рода основу для развертывания всех остальных видов материальной деятельности. Однако саморазвитие производства в свою очередь зависит от достигнутого уровня научного знания — определяющими факторами для него служат не только внутренние закономерности изменения различных компонентов производственной деятельности, развитие всего процесса создания материальных благ, изменения структуры и содержания потребностей, но также и уровень теоретического осмысления мира, степень глубины объяснения явлений объективной реальности, прикладные знания. Отношения научной теории как высшей формы организации знаний и материального производства опосредованы как другими формами практики, так и прикладными исследованиями, различными структурами эмпирических знаний. В то же время связь "наука-эксперимент" является более непосредственной.

Следует отметить, что практическая деятельность не только поддерживает существование общества, но и представляет собой расширенное воспроизводство материальных условий бытия человека как родового существа. Однако весьма непросто выявить процессы, способствующие расширенному воспроизводству материальных условий и определяющие прогрессивное развитие человечества. Решение данного вопроса зависит от установления общего критерия прогресса. Ибо отдельные стороны развития общества, например в сфере производства, могут соответствовать принципам прогрессивного развития и вместе с тем создавать множество нежелательных "побочных эффектов" как в сфере социальных отношений, так и в экологическом плане. Важно помнить, что расширенное воспроизводство материальных условий человеческого бытия — процесс противоречивый, и, как любое поступательное движение, включает в себя моменты регресса и стагнации.

Как известно, источником познавательной деятельности является процесс труда, в котором человек впервые попытался воплотить свои идеальные конструкции в простейшие материальные формы. Уже на примитивном уровне трудовой деятельности выявились три обязательных компонента процесса труда: человек, средство труда и предмет труда /см.: 9, с.188/. Эта общая схема процесса труда дает возможность обнаружить заложенные в нем признаки познавательной деятельности. Ведь процесс труда предполагает открытие и использование свойств взаимодействующих предметов, создание новых средств труда, обладающих определенными характеристиками, изготовление продуктов труда с заранее намеченными свойствами.

На первых этапах развития человеческого общества познавательная деятельность осуществлялась в процессе труда, т.е. процесс познания выступал в качестве элемента трудовой деятельности человека. В этих условиях средства и предметы труда выполняли функции средств и предметов познания. Познание выступает как вторичная сторона практической деятельности человека, оно имеет своей основой активное, преобразующее начало практики. "Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, - писал Ф.Энгельс, - является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу" /см.: 7, с.545/.

Другой существенной стороной процесса труда является конструктивная деятельность человека. Труд предполагает изменение предметов природы, создание новых средств производства, получение новых продуктов труда и предметов личного потребления. Все это значит, что трудовая деятельность включает процесс конструирования. Причем в качестве объектов конструирования в первую очередь выступают средства и предметы труда.

Расширение возможностей средств труда в удовлетворении определенных технических потребностей производства обеспечивалось все возрастающей ролью конструирования в

трудовом процессе. Свидетельством тому - разработка сложных ирригационных систем в эпоху древности, создание транспортных средств, производство военного снаряжения, а также построение египетских пирамид. В этих работах уже обнаруживается достаточно высокий уровень технического знания, много интересных технологических решений. Согласно гипотезе А.И. Васильева /см.: 39, с.89/ в построении пирамиды Хеопса на всех этапах работы использовались функциональные особенности предварительно обработанной природной скалы, что позволило осуществить подъем громадных каменных плит, а также выполнить задачу будущего - сделать место захоронения фараона недсягаемьм.

Применительно к донаучному периоду человеческой истории схема процесса познания может быть представлена в виде следующей модели: познающий человек - средства познания - предметы познания. Эта схема сохранила свое значение для всех исторических форм познавательной деятельности человека.

Высокий уровень материального производства, успехи познавательной и конструктивной деятельности создали необходимые предпосылки для возникновения науки в XVI веке - периода создания современного естествознания, начала эпохи экспериментальных исследований.

Познавательные проблемы, которые возникли в новых общественно-исторических условиях, не могли быть решены процессом познания в рамках производственной деятельности. Единственный путь в преодолении трудностей состоял в отделении процесса познания от непосредственного процесса труда, выделении предмета познания из сферы производства, обосновании проблем познания в качестве самостоятельных исследовательских программ.

При таких условиях могли быть сформулированы познавательные задачи, отвечающие данной исторической эпохе, разработаны средства познания, необходимые для решения конкретных познавательных задач.

На самых ранних стадиях научного познания связь

научных знаний с производственной деятельностью еще носит несколько прямолинейный характер, и содержание знаний в основном выражает определенные предметные отношения, соответствующие уровню производства данного исторического периода.

В дальнейшем развитии процесса познания связь научных знаний с производственной деятельностью приобретает все более опосредованный характер. Естественные формируют свой непосредственный предмет исследования - систему идеальных объектов, мир теоретических конструкций. В.С. Степин достаточно убедительно в своих работах показал невозможность прямой проекции научных знаний, например, классической электродинамики на производственные ситуации /см. 98, с. 206 - 227/. Для "включения" в практическую деятельность фундаментальных теоретических положений необходима их операционализация, сопоставление с экспериментальной деятельностью.

Как практика, так и познание имеют свою "внутреннюю логику" развития, которая опосредует их взаимосвязь. Общие отношения практического и теоретического освоения мира проявляются сквозь призму специфических закономерностей, например, взаимосвязи предсказательной функции научной теории и практики. Данные отношения определяются двумя особенностями.

Первое. В предсказательной функции теория во многом раскрывает свою практическую ценность. Одной из главных задач теории является "опережение" практического освоения мира. На основе познанных, объясненных закономерностей объективной реальности наука предсказывает вероятные изменения в функционировании материальных систем и выявляет оптимальные возможности "включения" природных законов в практическую деятельность. Результаты теоретических исследований более или менее опосредованно используются при разработке идеального плана практической деятельности.

Второе. Через предсказательную функцию ярко проявляется относительная самостоятельность теории. Преобразования внутри теории могут привести к формированию нового знания, в том числе и предсказаний. Развитие знания — как в экстенсивном, так и в интенсивном периодах — осуществляется как бы внутри мира идеальных объектов и общих понятий. Именно благодаря отвлечению от ближайших практических потребностей, решению проблем, выдвинутых внутренней логикой развития самой науки или даже только ее теоретического уровня, и формируются предсказания, имеющие в дальнейшем большое практическое значение.

Для раскрытия диалектики взаимосвязи теории и практики представляется целесообразным рассмотреть чувственно-предметную деятельность как единство изменчивости и устойчивости, учитывая при этом специфику отношений теории к различным проявлениям практического освоения мира. На исторически определенном этапе развития практика включает в себя систему хотя и динамичных, но все же относительно устойчивых циклов. Данные циклы состоят из инвариантных отношений, которые образуют стереотипы материальной деятельности — производственной и экспериментальной. Стереотип практики представляет собой определенный алгоритм деятельности, сформулированный как на основе опыта прошлой практической деятельности, так и некоторых прогнозы будущего. Инвариантные отношения закрепляют совокупность навыков, приемов материальной деятельности, а также определенных знаний. Стереотипы практики тесно связаны не только с эмпирическими знаниями, но и с научными теориями, которые дают как общую методологическую ориентацию, так и операционально используемую информацию в чувственно-предметной деятельности.

В самом общем виде объект может быть охарактеризован либо как саморегулирующая и саморазвивающаяся система, либо как вещь, не способная самопроизвольно менять программу функционирования. На основе этой, хотя и весьма абстрактной характеристики, создаются методологические положения, которые наряду с другими иссту-

латами определяют не только генеральную стратегию научно-исследовательской, но и практической деятельности. Операционно используемые знания в большей мере связаны с разработкой отдельных методов практической деятельности. Правда, теоретические схемы для этого должны быть дополнены эмпирическими константами, коэффициентами, а также в известной степени модифицированы. Но это всего лишь одна сторона взаимообусловленности научного знания и стереотипов практики.

Другая сторона заключается в том, что фундаментальные научные теории "в скатом виде" отражают определенные предметные ситуации материального мира, но сам объект использования как бы выступает сквозь призму практики. "С этих позиций объект естественнонаучного исследования /законы природы/ всегда может быть представлен в форме предметной структуры практического действия. Изучать объект - значит зафиксировать в научном знании схему предметных отношений соответствующей практической деятельности. На любом этапе познания человек будет "видеть" природу такой, какой она принципиально может быть представлена в его практике /см.: 98, с. 209/. В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что предметные структуры, как относительно устойчивые "каркасы" практической деятельности, непосредственно не отражаются в содержании научной теории. Для обнаружения подобной связи, кроме операционализации некоторых понятий, высказываний теории, необходимо еще саму теорию рассмотреть в контексте научной картины мира данной эпохи, показать метатеоретический и философский смысл основных положений научной теории.

Таким образом, практика как основа познания выступает не только в процессе "очеловечения" природы, выделения объекта познания, создавая тем самым условия изучения закономерностей природы, но и представляет собой опосредующее звено, своеобразную призму сближения объективной реальности. Если еще учитывать значение пред-

метной деятельности в создании материальных средств научных исследований, то можно сделать заключение о том, что практика определяет границы человеческого познания. Конечно, этим не отрицаются возможности выхода теоретических исследований за пределы возможностей исторически определенной ступени практики.

В рамках стереотипов практики происходит модификация нормативов предметной деятельности, а с помощью технического творчества изменяется техника и технология производственной и экспериментальной деятельности. Обычно с этим связано и развитие эмпирических знаний, отдельных сторон периферии теорий. Практика должна считаться не только с исторически ограниченными возможностями своего развития, с необходимостью максимально использовать ресурсы данной ступени освоения мира, но также и с определенной степенью устойчивости макросреды. Более того, сама чувственно-предметная деятельность может быть направлена на сохранение относительно стабильных взаимоотношений между обществом и природой — специфического динамического равновесия с учетом изменения обеих компонентов системы. Причем основное содержание практической деятельности в этом плане сводится к предотвращению нежелательных необратимых изменений природной среды под воздействием антропогенного фактора.

Развитие практического освоения мира включает изменчивость упомянутых инвариантных отношений, их смену, а также характеризуется усложнением уже сложившихся стереотипных отношений. В наши дни все большее значение приобретает целостное, комплексное управление развертыванием данных стереотипов. Планомерное развитие общественного бытия невозможно без проявлений "опережающего отражения" теоретических знаний и, в первую очередь, — формирования предсказаний. Нельзя забывать о том, что научные предсказания не только служат главной основой технического прогресса, но и раскрывают те вероятные изменения материальных систем в будущем, с

которыми взаимосвязана практическая деятельность людей.

Предсказания также "присутствуют" при разработке программы будущей практической деятельности. Следует, однако, иметь в виду неоднозначность связи между предсказаниями, а также другими теоретическими образами и программой практической деятельности. Теоретические схемы, созданные на основе фундаментальных теорий, которые раскрывают некоторые закономерности определенного фрагмента объективной реальности, как правило, не отражают возможное использование научного знания на практике. План предметной деятельности подчиняется в первую очередь критерию результативности, эффективности, и он должен быть построен сообразно объективным закономерностям внешнего мира. Однако нельзя забывать и о том, что одна и та же цель может быть достигнута различными средствами. В выборе правил практической деятельности свою роль играют и определенные инвариантные отношения практики, принятые, проверенные приемы деятельности.

Как бы достижения научных исследований ни опережали возможности практического освоения мира, истинность полученных знаний может быть доказана только через практику. Но одна из основных ее форм - материальное производство - далеко не всегда может сразу, в данный момент, выполнить критериальную функцию по отношению к гипотетическим системам идеальных объектов. Обычно существует разрыв во времени между созданием новых познавательных образов, теоретических схем и их производственной проверкой. Поэтому актуальной становится проблема анализа такой формы практики, которая бы не только способствовала операционализации фундаментальных знаний, но и смогла выполнять критериальную функцию более своевременно. В качестве такой формы практики утверждается научный эксперимент.

ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эксперимент выступает как основа и движущий фактор познания, является критерием истинности теоретических знаний, обладает пре-сказательной силой. Такая много-функциональность определяет особое значение эксперимента в познавательной деятельности. Несмотря на функциональное многообразие, эксперимент выступает в единстве всех его проявлений. Так, будучи критерием истинности знаний, эксперимент может стать стимулом дальнейшего развития знаний. В этом огромная эвристическая значимость эксперимента в познании.

Эксперимент, правда, может быть проведен для решения определенных прикладных целей, но все же при этом он несет определенную научно-поисковую нагрузку. Довольно много подобных экспериментов проводится, например, в психологии. В наиболее простом случае они могут быть рассмотрены, по словам Р. Готтсданкера, как "дублирующие" реальный мир" /см.: 54, с. 21/. Изучаемое явление исследуется как бы в условиях, максимально приближенных к естественным. Однако в таких случаях возникает проблема - в какой степени результаты подобных экспериментов могут быть экстраполированы за пределы данной предметной ситуации. Ибо из-за слабой изолированности изучаемого явления от побочных взаимодействий достаточно ограничены возможности обобщения результатов эксперимента.

Основу эксперимента составляют связи и отношения предметов природы, которыми пользуется человек в практической деятельности. Однако смысл эксперимента состоит в том, чтобы найти и исследовать новые свойства, формы проявления взаимодействующих объектов, предусмотреть возможность их производственного освоения. Поэтому экспериментальное естествознание целенаправляет и конкретизирует последующий процесс развития материального производства, прогнозирует возможности последующей практики.

в этом смысле эксперимент предвосхищает производственную деятельность.

Эксперимент как особый вид практики становится основополагающим фактором развития научного знания, осуществляя связь абстрактных теоретических построений с некоторой реальной предметной областью. Благодаря эксперименту познание сохраняет свою активность, способность к практическому преобразованию действительности. "В физике, — писал А. Эйнштейн, — не существует понятия, применение которого было бы априори необходимым или обоснованным. То или иное понятие приобретает право на существование лишь в том случае, если оно поставлено в ясную и однозначную взаимосвязь с событиями и физическим экспериментом" /см.: 137, с. 550/.

Сложные пути познавательной деятельности оказывали определенное влияние на место и роль эксперимента в познании объективной реальности, способствовали изменению соотношения эксперимента с другими компонентами познавательной деятельности.

Вплоть до конца XIX века в науке имело место традиционное представление о том, что теоретическое знание возникает как результат индуктивного обобщения опытных данных. Предполагалось, что такой путь формирования знания обеспечивает его объективный характер. Однако путь индуктивного обобщения экспериментальных данных оказался ограниченным, т.к. он не ведет к обоснованию всеобщности нового знания, не раскрывает общие закономерности явлений действительности. Метод индуктивного вывода способствует к явлению эмпирических зависимостей между данными эксперимента, но этого недостаточно для получения теоретических знаний, для объяснения процесса формирования системы аксиом.

Благодаря успехам в развитии техники, совершенствованию методов измерения и разработке достаточно сложных средств эксперимента экспериментальное исследование в значительной степени предопределили направление развития науки XVII-XIX вв. Естествознание этого периода предпо-

лагало выдвижение гипотез в процессе познания, однако на начальной стадии развития науки гипотезы порой имели весьма слабую теоретическую обоснованность, а иногда они были насыщены натурфилософскими представлениями. Несмотря на это, выдвигаемые гипотезы стимулировали постановку многочисленных экспериментов, в которых обнаруживались реальные связи явления природы.

Совершенство экспериментальных исследований способствовало отказу от взглядов на мир, навеянных повседневным опытом, и создавало условия для формирования научных воззрений на действительность. В этом плане экспериментальные исследования составили основу научных знаний. Эксперимент как фактор, направляющий научное познание, уточняющий систему представлений о природе, приобретает первостепенное значение. Таким образом, эксперимент выступает в качестве основы теоретических систем и призван дать эмпирическое обоснование гипотетическим моделям, созданным для объяснения объектов исследования.

В новых условиях развития науки теоретические построения оказались способными предопределить содержание научного эксперимента, они стали задавать направление экспериментальным исследованиям для подтверждения или опровержения следствий теории. На этом уровне развития науки теория способствовала построению гипотез и выявляла новые объекты познания.

Это влияние теории на характер экспериментальных исследований становится определяющей тенденцией в развитии физического знания. Именно физика, которая в процессе своего развития накопила эмпирический материал и обладает наиболее развитым концептуальным аппаратом, дает возможность осознать новые функциональные особенности эксперимента в процессе познания. Уже в эпоху ньютоновской механики эксперименту как чувственно-предметной деятельности была предпослана система теоретического знания. В современной физике эта обусловленность эксперимента теоретическим построением приобретает совершенно отчетливую форму, приобретает решающую роль в позна-

ли и выражает характерную особенность научного познания в физике XX века.

Концептуальный аппарат физики создается теоретическими средствами и не имеет однозначной логической детерминации экспериментальными данными. В этом проявляется творческая активность субъекта в познании. Однако новые фундаментальные знания неизменно навеяны эмпирическим материалом, подчас представленным в чрезвычайно опосредованной форме. Активный, конструктивный характер человеческого мышления создает такие предпосылки процесса познания, при которых на основе теоретических построений имеется возможность предсказать существование сложнейших эмпирических микроструктур, фиксируемых в соответствующей экспериментальной ситуации. Таким путем были обнаружены нейтрино, мезон, позитрон и другие элементарные частицы. Во всех этих случаях эксперимент предопределяется и направляется системой теоретических знаний, достигших достаточно высокой степени развития.

Таким образом, характерная особенность взаимосвязи теории и эксперимента в современных условиях научного познания состоит в усилении роли теоретических концепций, лежащих в основе той или иной экспериментальной ситуации. При этом изменения в теоретических установках приводят к изменениям в исходных принципах постановки эксперимента. В функции эксперимента проявляется новая тенденция: на завершающей стадии исследования эксперимент вступает в виде опредмеченного следствия теории, которая в этих условиях способна давать множество практических "выходов". Все это свидетельствует о том, что в ряде случаев физическая теория приобретает опережающую по отношению к эксперименту роль в процессе познания действительности и что традиционная схема познавательной деятельности с акцентом на первичность эмпирического базиса теряет свое определяющее значение. Господствовавшая в XVII-XVIII вв. уверенность в возможности получения теоретических знаний на основе индуктивного обобщения

экспериментальных данных перед лицом новой гносеологической ситуации была окончательно развенчана.

Вновь создававшаяся гносеологическая обстановка в физике ни в коей мере не умаляет значение эксперимента в познании. Речь идет о новых функциональных и содержательных задачах, которые встали перед экспериментальными методами на новой стадии развития науки.

Процесс становления физического знания в XX веке свидетельствует о том, что за экспериментом неизменно сохраняется роль определяющего фактора в процессе развития познания. "В теории относительности понятия абсолютной одновременности, абсолютной скорости, абсолютного ускорения и т.д. отвергаются именно потому, что доказана невозможность установления однозначной связи их с экспериментом", - писал А. Эйнштейн /см.: 137, с.550/.

Действенность эксперимента в новых условиях развития науки имеет свои особенности. Так, в результате эмпирической проверки концептуального аппарата может иметь место обратное воздействие эксперимента на теоретическое построение, благодаря которому происходит совершенствование всей теоретической системы. В этом проявляется конструктивно-направляющее действие эксперимента.

С точки зрения исследовательских задач направленность эксперимента может быть различна. Часть экспериментов проводится для подтверждения теоретических положений. Конечно, и в этих экспериментах в принципе могут быть получены результаты, не запланированные заранее, требующие теоретического осмысления и способствующие выявлению новых исследовательских направлений. Другая часть экспериментов, т.е. "поисковых" или "исследовательских", направлена в общем случае на такие предметные ситуации, которые еще в недостаточной мере отражены в теоретических построениях. Основная же задача эксперимента в современной науке связана непосредственно с проверкой гипотетических положений. Наряду с этим не умаляется значение специфически исследовательского и проверочного типов эксперимента, которые могут быть источниками неожиданных

открытий, "побочных" результатов, как, например, открытие радиоактивности, раскрывающее новые возможности для научных исследований в области ядерной физики.

Таким образом, форма связи теории и эксперимента не является однозначной, их взаимодействие носит сложный, многосторонний характер. Особое значение приобретает эксперимент как критерий истинности теоретического знания. В науке XVII-XIX веков эта функция эксперимента проявлялась однозначно, и предполагался вполне правым и непосредственный переход от теоретических систем к опыту. Здесь исходили из предположения, что единичный эксперимент достаточен для доказательства истинности или ложности знания. Такой подход основывался на предположении пассивности субъекта познания, в задачу которого входило сопоставление с действительностью тождественных ей теоретических объектов. Это находило свое выражение в возможности опредмечивания практически любого теоретического положения, что свидетельствовало об эффективности теоретической системы и служило основанием для оценки истинности теории.

Поэтому в классическом естествознании единичный эксперимент выступал в качестве фактора безусловной проверки истинности теоретических положений. В данных исторических условиях познания роль эксперимента как абсолютного критерия истинности знаний не вызывала сомнений. Однако в познавательной деятельности дан фрагмент объективной реальности, который исследуется в рамках определенных общественно-исторических отношений. Этим обстоятельством определяются "угол видения" объекта природы, используемые средства и методы познания. Все это выражает субъективный аспект познания и предопределяет характер постановки самого эксперимента. Единичный эксперимент в этих условиях теряет характер абсолютной доказательной силы в оценке истинности рассматриваемой теоретической системы. Кроме того, всякая проверка истинности теоретических положений предполагает их интерпретацию, которая служит основой для создания марде-

ленных экспериментальных условий. В силу возможного субъективизма при анализе полученных теоретических положений, неадекватности их эмпирической интерпретации /см.: I⁴, с.145/, связанной со сложностью теоретических построений современного физического знания, единичный эксперимент не может дать окончательную оценку теоретической системы.

Вместе с тем эксперимент всегда выступает как единичное в проявлении всей общественно-практической деятельности человека и призван подтвердить или опровергнуть анализируемую теоретическую систему: "эксперимент, опредмечивая всеобщее и необходимое понятие, остается единичным, хотя интерес для нас представляет только в качестве общего" /см.: 133, с.80/. Несмотря на то, что всякое единичное выражает общее, и эксперимент как единичное содержит моменты общего, он все же не может играть роль окончательного критерия истинности теоретической системы, т.к. единичный эксперимент включает в себя общее неполно, ограниченно. Поэтому на каждом этапе научного познания эксперимент как критерий истинности теории относителен, он обусловлен условиями конкретной общественно-исторической эпохи, достижениями науки и техники и, следовательно, возможности эксперимента не беспредельны. По этой причине вряд ли правомерна абсолютизация единичного эксперимента в качестве бесспорного *experimentum crucis*. Эксперимент как момент практической деятельности не может исчерпать все возможности в доказательстве истинности знания, только единство эксперимента со всеми другими способами практического освоения мира может служить решающим критерием истинности знания.

Для современной физики эта проблема оказалась весьма актуальной. С развитием теории относительности и квантовой механики вопрос об экспериментальной проверке теоретического знания значительно усложнился. Это обуславливает необходимость выдвижения ряда новых требований к проверке обоснованности теоретических выводов.

При этом необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что способ эмпирической проверки знания не всегда возможен в новых условиях познавательной деятельности. Однако при всей ограниченности критериальной функции эксперимента, он неизменно сохраняет роль определяющего фактора в оценке достоверности знания. В процессе познания обнаруживаются новые формы взаимодействия эксперимента и теории, и это способствует раскрытию новых гносеологических возможностей эксперимента.

Так, анализ развивающегося знания дает возможность утверждать, что структура знания в современной науке предполагает сложную систему взаимосвязанных теоретических положений, истинность которых может быть эмпирически доказана по отношению к рассматриваемой системе в целом. Отдельный же эксперимент может служить эмпирическим обоснованием для частных положений теоретической системы. Следовательно, эксперимент приобретает характер интегрального критерия истинности знания. Такой вывод выявляет новые стороны в оценке достоверности знания, которые совершенно не соответствуют идеалу классической науки. Вновь возникающая ситуация в значительной мере усложняет процедуру проверки достоверности знания, т.к. постановка эксперимента с соблюдением таких требований не всегда возможна, а в некоторых случаях ведет к принципиальным трудностям (например, при описании квантово-механических объектов).

Методологические исследования современной науки показали, что один из способов экспериментального обоснования теории может быть реализован путем раскрытия объяснительно-предсказательных функций теории на возможно большем множестве эмпирических фактов, т.е. экстраполяции теоретических выводов за рамки их непосредственных оснований. Это дает возможность сравнить объяснительно-предсказательные функции разных теорий, расширить сферу экспериментальных исследований, способствует уточнению или реконструированию положений теоретической системы.

Предсказательная функция теории имеет еще один важный аспект в обосновании истинности знания. Реализация предсказательной функции теории предполагает возможность предвидения новых экспериментальных фактов. Такая способность теории предсказать новые экспериментальные результаты свидетельствует об эффективности теории и является основанием для оценки этой теории в качестве достоверной. Подобное "генерирование" теоретической системой будущих экспериментальных фактов говорит о том, что теория оказалась способной дать метод построения эмпирического образа выделенного фрагмента материального мира в ограниченной области экспериментальных исследований. Это позволяет сделать вывод о том, что исследуемая область действительности соответствует теоретическому построению. При таком подходе предпочтительность теории может быть определена через ее способность к предсказанию большого числа явлений и более точное их описание.

Сказанное относится как к периоду интенсивного, так и экстенсивного развития научного знания. В процессе формирования теории экспериментальное подтверждение предсказаний больше акцентирует ее плодотворность, "конкурентоспособность". После утверждения теории она продолжает свою экспансию, т.е. предсказывая новые факты, как бы расширяет свой исходный эмпирический базис, тем самым требующий последующего экспериментального подтверждения.

Здесь эксперимент не дает однозначного решения вопроса об истинности теории. Роль его в установлении истинности проявляется весьма опосредованно. Эксперимент указывает на эвристичный характер теоретической системы, и это является существенной предпосылкой достоверности теоретического знания, т.е. эвристичность не есть проявление субъективности исследователя, а является логическим выражением тенденции познавательной деятельности, обусловленной всей общественно-исторической практикой человечества. Следовательно, выходя

истинность знаний, содержащихся в предсказательном образе, эксперимент тем самым подтверждает эвристичность той теории, на основе которой было сформировано предсказание.

В этой связи следует вспомнить историю с предсказаниями, созданными на основе радиоактивных смещений. Эта история началась с предсказания В. Круксом того, что открытый им уран-Х, испускающий только β - частицы, должен претерпевать два последовательных β - распада. Наличие двух распадов установлено Фаянсом и Герингом; уран X₂ был назван ими бревием. "Второе предсказание касалось радиоэлемента, предшествовавшего активию. Этот радиоэлемент должен был быть изотопом радия, если активий образуется в результате β - распада, но если он образуется при α - распаде, то материнский радиоэлемент должен быть уже упомянутым недостающим элементом между торием и ураном" /см.: 112, с.144/.

Для опровержения первого предсказания Ф. Содди поставил эксперимент, используя старый препарат радия, в котором активий совершенно отсутствовал. Экспериментальное подтверждение второго предсказания было осуществлено О. Ганом и Л. Мейтнер, открывший протактиний. И, наконец, произошло предсказание, утверждающее, что конечными продуктами урана и тория должны быть два разных изотопа свинца с атомной массой 206 и 208, хотя атомная масса обычного свинца равна 207,2. Подтверждение данного предсказания, которое, кстати, противоречило некоторым теоретическим положениям того времени, было получено путем экспериментального выделения двух упомянутых изотопов. Следовательно, экспериментально были подтверждены предсказания на основе закона радиоактивных смещений и тем самым проведена дальнейшая проверка претация периодического закона, доказана его эвристичность.

Как правило, предсказания, сформированные на основе фундаментальной теории, служат исходным пунктом для целого ряда прикладных исследований, а также и для со-

здания технологических прогнозов. "В частности, технологический прогноз представляет собой предсказание будущих характеристик полезных машин, процедур и методов работы" /см.: 75, с.8/. Для создания технологического прогноза и его реализации на производстве требуется весьма сложный и длительный прогресс технического творчества. Дж.Мартини в своем дальнейшем исследовании выделяет следующие этапы изменения, трансформации нововведений: 1) научные открытия ; 2) лабораторные исследования ; 3) разработка производственных образцов ; 4) коммерческое внедрение или использование в производственных условиях ; 5) широкое распространение в данной отрасли хозяйства ; 6) применение в других отраслях хозяйства ; 7) социальные и экономические результаты внедрения нововведения. Конечно, данная схема не является универсальной, однако она, несомненно, отражает основные принципиальные моменты данного процесса, особо выделяя его многоступенчатость.

На основе фундаментальных открытий и предсказаний становится возможным проводить новые экспериментальные прикладные исследования, которые впоследствии могут быть использованы как в других отраслях науки, так и непосредственно на практике. "Фундаментальное открытие в ядерной физике - метод встречных пучков - позволили провести ряд уникальных экспериментов по изучению элементарных частиц, получить синхронное изучение, которое сейчас используется в химии, биологии и т.д." /см.: 76, с.12/.

Таким образом, за экспериментом сохраняется решающая роль в формировании научной теории. Однако формы связи эксперимента с теорией изменились. Эксперимент акцентирует новые аспекты развивающегося знания - в данном случае его эвристичность - и это является способом реализации программы научного исследования на пути к достижению достоверного знания. Свообразным оказывается воздействие эксперимента на совершенствование теоретической системы квантовой механики. Взаимодействие тео-

рии и эксперимента носят здесь достаточно сложный характер. Эксперимент не просто утверждает или отвергает какую-либо теоретическую концепцию. Экспериментальные исследования составляют неотъемлемую сторону познавательного процесса, корректируя всю исследовательскую деятельность. При этом конструктивная функция эксперимента неизменно сохраняется в качестве определяющего фактора процесса познания.

Так, после того как были разработаны основные принципы квантовой механики, были предприняты попытки дальнейшего ее развития. Работы Гейзенберга, Паули, Шредингера и других видных физиков-теоретиков в значительной мере способствовали совершенствованию этой теории. Особый интерес в таком направлении заслуживали работы Дирака, который в 1928 году дал релятивистское обобщение волнового уравнения, положившее начало квантовой электродинамике. Уравнения Дирака достаточно полно описывали разнообразные свойства электрона. Спектр свойств электрона получился без каких-либо затруднений в результате решения уравнений Дирака, и возможность получения различных характеристик электрона не предполагала введения каких-либо дополнительных предположений, т.е. являлись наиболее информативными.

Релятивистские квантовые уравнения движения электрона представляли значительное обобщение существовавших теоретических построений и имели глубокое физическое содержание. Уравнения Дирака требовали, чтобы существовали электроны обоих знаков заряда, как отрицательного, так и положительного. Такое предположение казалось необычным и маловероятным. Однако предсказанная теорией Дирака гипотетическая частица была обнаружена экспериментально Андерсоном в 1932 году и названа позитроном. Столь успешное решение релятивистских уравнений не было достигнуто Дираком сразу. Вначале следствия из уравнений противоречили всему имеющемуся экспериментальному материалу. Это послужило основной для реконструкции принятой в начале интерпретации уравнений и изменения

гипотетической модели. Новая интерпретация уравнений Дирака дала возможность построить новую теоретическую модель, которая не только устранила противоречие с экспериментальными данными, но и предсказала существование позитрона.

Таким образом, несоответствие теоретической модели эксперименту не означает, что следует отказаться от такой модели. Под воздействием экспериментального материала происходит целенаправленное изменение теоретического построения, которое в процессе совершенствования приводится в соответствие с эмпирическими данными.

Экспериментальное подтверждение теории Дирака оказало воздействие на всю концептуальную систему, что дало возможность распространить эту теорию на исследование более широкого круга элементарных частиц, в частности, послужило теоретической основой для изучения многообразных видов античастиц. Здесь эксперимент не только усиливает статус предпочтительной теории, но и способствует проникновению разрабатываемой теоретической системы в новую предметную область, что свидетельствует о значительной общности принятых исходных принципов теории. Способность концептуального аппарата теории совершенствоваться под влиянием новых экспериментальных данных является выражением превосходства этой теории над другими теоретическими системами. Прогресс познания в современной физике свидетельствует о наличии множества способов для оценки достоверности знания.

Несмотря на трудности в обосновании истинности физического знания, конструктивное решение этой проблемы находит свое выражение в возможности выхода в сферу эмпирического опыта, хотя этот процесс сложен, неоднозначен и связан рядом опосредствующих факторов. На пути реализации этой программы раскрывается новое проявление функциональных аспектов эксперимента.

Процесс становления физического знания предполагает сложное взаимодействие экспериментальных и логических средств. Эксперимент в той или иной форме содуг-

стствует всему процессу познания материального мира. "Все познание реальности, - писал А.Эйнштейн, - исходит из опыта и возвращается к нему" /см.: 137, с.182/.

Характерной тенденцией современного эксперимента является его экспансия в новые области исследовательской деятельности. Например, развитие космонавтики связано с широким применением экспериментальных поисков. "Но особенно большие перспективы открылись для научного эксперимента как одной из разновидностей практики. В результате: во-первых, искусственно воссоздаются или моделируются космические процессы, факторы или их компоненты; во-вторых, расширяются пространственные масштабы земных научных опытов до глобальных и космических размеров; в третьих, стала возможной экспериментальная космическая деятельность в самых различных науках вплоть до астрономии" /см.: 125, с.119/. А.Д.Урсул не только подчеркивает роль космических экспериментов в последующем развитии других форм практики, но и связывает интерпретацию результатов космического эксперимента с преодолением геоцентрического стиля мышления в соответствующих областях научных поисков.

Широкое внедрение экспериментальных методик способствует изменениям методологических и мировоззренческих ориентаций, основанных на обобщениях результатов исследований различных биологических дисциплин. В ходе осмысления результатов эксперимента уточняется специфика субъект-объектных отношений, идеал корректности эксперимента и другие важные методологические положения. Кроме того, некоторые эксперименты в молекулярной биологии выдвигают ряд актуальных мировоззренческих и этических проблем.

Исследовательская деятельность во всей своей многогранности уточняет и конкретизирует значение эксперимента на разных стадиях процесса познания в различных научных дисциплинах. Это дает возможности раскрыть новые проявления функций эксперимента в исследовательской работе.

ПРАКТИКА КАК ОСНОВА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОЗНАНИЯ

Введение марксистско-ленинской философией точки зрения практики в теорию познания позволило дать адекватное объяснение активности субъекта познания, мистифицированной идеализмом. В ходе материалистического обоснования познания была подчеркнута практическая, в конечном счёте, основа разнообразных форм активности субъекта познания. При этом выяснилось, что активность субъекта — это не неизбежное, желательное или нежелательное, явное или неявное добавление к некоторой основной схеме познания, а тот основной принцип, на котором строится весь процесс познания, тем более, что даже простое проявление познавательного интереса уже является формой активности субъекта, т.к. связано с постановкой вопросов, требующих выхода за рамки простого чувственного созерцания.

Познание не является пассивным копированием действительности, просто созерцанием материальных вещей, но в высшей степени их заинтересованным рассмотрением, отражением этих вещей в русле выдвинутых субъектом вопросов, в свете доступных ему средств и способов проблематизации чувственно данного материала. Соответственно, любое отражение, любое получение информации в процессе познания некоторого объекта осуществляется не само по себе, а только в контексте той или иной познавательной задачи, выдвинутой придуманной субъектом познания.

Психологически проблематизация непосредственно данного материала проявляется в неудовлетворённости содержанием чувственного созерцания, в постановке элементарных вопросов созерцания в отношении к некоторому внутреннему основанию соответствующей вещи, доступному однако только рациональной деятельности сознания. Отсюда следует, что

за психологическим чувством или за рациональной деятельностью сознания практическая детерминированность познания может оказаться скрытой, оттесненной как бы на "задний" план. Действительно, на уровне конкретных познавательных задач, решаемых субъектом в каждом отдельном случае, практическая направленность познания далеко не всегда представлена в явном виде. В таких случаях практическую детерминированность познания обычно подчеркивают, используя положение о том, что связь с практикой осуществляется "в конечном счете". Когда невозможно непосредственно усмотреть связь решаемой познавательной задачи с потребностями практики, эта связь часто обнаруживается позднее, по прошествии некоторого исторического периода. К тому же отказ субъекта познания от получения немедленного практического эффекта полученного им знания может быть интерпретирован как его стремление получить более фундаментальное знание с тем, чтобы выйти на качественное новый уровень развития практики.

Еще одним способом обоснования практической детерминированности познания в тех случаях, когда эта связь в явном виде не усматривается, является подчеркивание практической, деятельностной природы категорий мышления. Тогда получается, что практическая направленность познания обеспечивается чуть ли не бессознательным механизмом функционирования категорий мышления, то есть даже в тех случаях, когда человек не думает о непосредственном применении некоторого знания, тем не менее, мысля, он как бы "предупотворяет" объект к будущим возможным практическим преобразованиям. Отсюда сам способ проблематизации чувственно данного материала, если его фиксировать в категориях мышления /качество, количество, мера, сущность, общее и т.д./, имеет в конечном счете практическое происхождение. Иными словами, здесь сам факт проблематизации уже обеспечивает практическую направленность знания.

Если действительно можно допустить бессознательное

функционирование категорий в процессе мышления, то познание в полном смысле этого слова бессознательным образом осуществляться не может. Признание бессознательного познания в качестве полноценного познания в конечном счёте возвращает нас к концепции метафизического материализма, нивелирующей активность субъекта познания. Познание не может осуществляться "между прочим", путём бессознательного применения категорий мышления. Практическая обусловленность категорий мышления отнюдь не "приговаривает" каждого человека к обязательной познавательной деятельности. Если в родовом плане человечество не может существовать без познания и в этом смысле оно "принуждено" к познанию, то в каждом отдельном случае зависит от индивида, осуществит ли познавательную проблематизацию некоторого непосредственно данного материала или нет, проявит ли соответствующие формы духовной активности или нет, то есть включится или не включится в родовой процесс познания. Такая проблематизация чувственных данных требует от индивида определённых духовных усилий и не может быть осуществлена автоматически.

Познание в любом случае является сознательной деятельностью субъекта. Категоризация чувственного материала в ходе познания тоже представляет из себя осознанную процедуру и как таковая связана с выбором и оценкой альтернатив. Поэтому любой познавательный результат этой процедуры с теоретической точки зрения не является единственно возможным. На наш взгляд, наличие в познании рефлексивного центра осложняет дело с практической детерминацией познания, т.е. практическое "происхождение" категорий не исключает того, что их применение может привести и к таким результатам, которые либо окажутся далёкими от запросов практики, либо будут носить просто спекулятивный характер. Тогда получается, что цель практической детерминации познания должна пройти также через контролируемые субъектом рациональные уровни сознания, т.е. включить в себя звенья, находящиеся

во власти сознательной рефлексии человека. Иными словами, практическая детерминация познания в полном своём объёме реализуется как на бессознательном, так и на сознательном уровнях психики субъекта. Решающую роль играет детерминация, проходящая через рефлексивный уровень сознания субъекта, поэтому в полном своём объёме практическая детерминация познания не действует помимо воли и желания субъекта, помимо определённой степени понимания им запросов современной ему практики, фиксированных в определённом её образе.

Всё это свидетельствует о многократной опосредованности цепей практической детерминации познания, о включённости в эти цепи субъективных, исторически обусловленных факторов. Если, по крайней мере, первоначальное снятие категорий мышления, познания с форм практической деятельности человека происходило в значительной степени бессознательным образом, то формирование конкретных целей познания, ранжирование познавательных задач по степени их практической важности происходит под рациональным контролем субъекта. Отсюда принципиальное для дальнейшего изложения положение о том, что степень осознания субъектом потребностей общественной практики, образно говоря, "вклинивается" в качестве звена детерминации, идущей от практики к познанию человеку.

Общественная практика как способ существования человека представляет из себя достаточно сложную систему различных видов материальной деятельности людей. Эти виды практической деятельности можно различать по разным основаниям, по объекту приложения, по целям и т.п. Однако для нашего изложения важно то, что существуют виды деятельности, управляемые различными, в том числе противоположными ценностными установками субъекта и имеющие разное методологическое обоснование. Поэтому экстраполяция особенностей отдельных видов практической деятельности человека на всю практику в целом ведёт к искажению последней. Точно так же сведение

практики в качестве основы познания к одному из видов практической деятельности ведёт к искажению реального познания, поскольку останавливается лишь на одном из видов познания. Так, например, если абсолютизировать методологические принципы практической деятельности человека с предметами неживой природы, когда, по существу, допускаются лишь практические преобразования соответствующих объектов, то в качестве универсального идеала познания, образца науки выдвигается экспериментальное естествознание, допускающее строгую математическую обработку своих результатов.

В то же время образ практики, которым так или иначе руководствуется субъект познания, не может не основываться на особенностях отдельных видов практической деятельности человека. Наличие же по-разному ориентированных видов этой деятельности, на наш взгляд делает практику в качестве детерминанты познания неоднозначной. Если рассуждения о неоднозначности практической детерминации познания остановить на том месте, то может создаться впечатление полного релятивизма в познании. Однако в действительности это не так, поскольку каждый исторически и логически фиксированный образ практики не произволен, точно так же, как не произволен каждый из видов практической деятельности, составляющих систему практики человека в целом. Если исходить из того реального влияния, которое отдельные виды практической деятельности оказали на процесс познания, то, на наш взгляд, деятельность человека целесообразно классифицировать по той степени ценности, которая придаётся определённости наличного бытия некоторой вещи при включении её в сферу практики.

Тогда исторически и логически первый определённый образ практики, на основе которого развилась наука в современном смысле этого слова, следует связать с осознанием методологических и категориальных принципов организационно преобразующей деятельности человека. Действительно, человек приходит в мир не для пассивного приспособления к

окружающей среде, а для активного преобразования, изменения вещей своего природного окружения. Методология этого вида деятельности подразумевает возможность изолирования любой материальной вещи и превращения её в объект односторонне манипулирующей деятельности человека. Введение вещей в процесс одностороннего преобразования связано с включением каждой отдельной вещи в процесс её взаимопревращения в другие вещи. При этом обнаруживается, что в мире, строго говоря, нет абсолютно единичных вещей, всякая единичность - момент переходящий с точки зрения подобной практики, любая вещь так или иначе включена в достаточно большие группы однородных вещей с общей для них всех сущностью. Те превращения друг в друга, которые они испытывают в сфере односторонне преобразующей деятельности человека, доказывают правомерность, объективность генерализирующего подхода к материальным вещам, обоснованность обобщающей функции мышления, поскольку во взаимном превращении вещей как бы исчезает неповторимость, единичность отдельных вещей. В качестве инварианта, сохраняющегося во множестве преобразований и неподвластного внешнему манипулированию /по крайней мере до тех пор, пока существует данная вещь, образно говоря "выпадает" то, что традиционная наука называет сущностью вещей.

Примечательно, что соотношение между сущностью и явлением, принятое в традиционной науке, во многом аналогично тем изменениям, которые происходят с некоторой вещью в процессе односторонне преобразующей деятельности человека. С точки зрения этой деятельности конкретный эмпирический вид вещи - это как раз то, что должно быть преобразовано, что должно быть подвергнуто отрицанию. Сходным образом в теоретической сфере движется субъект познания: переходит от явления к сущности, он переводит определённости наличного бытия в моменты динамики внутренней основы вещи, её сущности. В итоге получается, что с точки зрения сущности некая вещь совсем не обязательно должна существовать

именно в данном эмпирическом виде. Сущностное измерение вещи перекрывает весь спектр её возможных эмпирических реализаций, не отдавая какой-либо реализации особое предпочтение. Поэтому обобщающая деятельность мышления субъекта подчеркивает то обстоятельство, что все вещи одного класса в равной мере причастны к некоторой общей для них сущности, в равной мере репрезентируют ее.

Односторонне преобразующая деятельность человека имеет программу превратить каждую природную вещь в объект исключительно внешнего манипулирования, когда ставится задача добиться полного контроля бытия вещи путём практического воздействия на одни только внешние условия её существования. Манипулирование здесь не означает произвольного обращения с вещью, не в наших силах отменить сущность вещи или законы, которым она подчиняется, манипулирование здесь относится к определённым наличным бытиям вещей, к сфере явлений, причём в той мере, в какой эти определённости зависят от внешних факторов. Изложенное позволяет утверждать, что понятие сущности вещи коррелятивно попытке человека добиться полного подчинения вещи, когда тем не менее в каждой вещи обнаруживается сторона, неподвластная манипулирующей деятельности человека. Следовательно, манипулирующая практическая деятельность человека оказывается таковой скорее по своей программе, чем по существу, поскольку сталкивается с достаточно жёсткой принудительностью.

На основе программы односторонне манипулирующей практической деятельности человека формируется соответствующий образ практики, согласно которому материальные вещи, процессы являются исключительно средствами достижения человеческих целей, не имея в общественной практике какого-либо собственного значения, поскольку вся их роль исчерпывается тем местом, которое они могут занять в осуществлении человеком какой-либо своей цели. Собственное значение каждой отдельной вещи определяется теми возможностями, которые она

предоставляет человеку в преобразовании других вещей. В рамках односторонне преобразующей деятельности человека, образно говоря, энергетическое и субстратное "могущество" материи ставится на службу человеку. Практика здесь развёртывается по принципу "усилителя" человеческих возможностей, когда практическое и теоретическое освоение одной области действительности, одного круга вещей используется для преобразования другого круга вещей. Любая ограниченность практики понимается как ограниченность преобразующих, манипулирующих средств человека, при этом вольно или невольно предполагается, что эта ограниченность носит исторически переходящий характер.

Этот образ практики является не только отражением каких-то реальных черт практики, но и определённым мировоззрением, определённой программой действий человека. Он сыграл важную роль в гуманитарном возвышении человека, способствовал выработке представления о человеке как "властелине" природы, стал основой в принципе беспредельных притязаний теоретического разума человека. Именно в рамках этого образа практики человек ставил перед собой цели, построенные по принципу неограниченной экстраполяции, когда вольно или невольно предполагалось, что одно или несколько принципиально новых научных открытий, например, открытие нового, практически неисчерпаемого вида энергии или универсального субстрата, позволяющего получать любые с наперёд заданными свойствами материалы, в принципе решат основные проблемы человеческого существования. Короче говоря, не исключается возможность, что рано или поздно основные энергетические, субстратные ресурсы материальных вещей будут освоены человеком и, следовательно, в практическом могуществе человека найдёт своё концентрированное выражение субстанциональная мощь материи.

Образ практики как односторонне преобразующей деятельности человека, закрепивший идею в принципе бесконечных возможностей человека, сыграл важную роль

в становлении современного естествознания. Он способствовал становлению экспериментального метода исследования, снявшего границы между бытием вещей в естественных и искусственных, т.е. подобранных человеком условиях. Тем самым было акцентировано что человек в практической деятельности действует так же, как и сама природа, и наоборот — субстанциональное движение материи, порождающее многообразие материальных вещей, находит своё продолжение в практической деятельности человека. Становление экспериментального метода как концентрации манипулирующих претензий человека позволило человеку столкнуться с теми "запретами", константами, ограничениями, преодолеть, обойти которые в сфере материальной деятельности человека в принципе невозможно. Иными словами, претензии человека на тотальное преобразование окружающей действительности естественным образом привело его к обнаружению фундаментальных законов природы, нарушить которые в принципе невозможно.

Это потребовало определённой корректировки представлений о многообразных возможностях человека, но в основном эта коррекция касалась средств человеческой практики, её технической или технологической стороны. "Столкновение" с такими характеристиками действительности, которые невозможно ни обойти, ни устранить в процессе односторонне манипулирующих притязаний человека, способствовало отказу от спекулятивного мышления, введению в сферу мышления, в область духовной деятельности человека соответствующих принципов "запрета", определяющих, что допустимо в мышлении, претендующем на объективность, а что неприемлемо. Итогом всего этого было становление научного, позитивного мышления, теоретические продукты которого, в отличие от спекулятивного мышления, допускали соотношение с процессами материальной действительности.

Причём здесь, в научном мышлении мы встречаемся с двойкой обусловленностью мышления: с одной стороны, эксперимент, количественное естествознание сделало

возможным соотносением теоретических продуктов с действительностью, а с другой - само мышление, как уже научное мышление, стало совершаться в формах, допускающих такое соотношение. Предметно-духовным результатом этой двойной обусловленности познавательной деятельности человека было становление современной науки, экспериментального естествознания, развитие которых одновременно шло развёртыванием способности мышления к адекватному грехению окружающего мира. На наш взгляд, достаточно жёсткие критерии адекватности, истинности мышления могут впервые возникнуть лишь в условиях понимания практики как односторонне манипулирующей материальной деятельности субъекта, т.к., с одной стороны, здесь встречаются свободные, первоначально безудержные притязания человеческого сознания, а с другой - "жёсткость" практически обнаруживаемых "запретов".

Было бы неосторожным утверждать, что представления о практике, сфокусированные в рассмотренном выше образе, являются совершенно направочными в настоящее время. В значительной мере они сохраняют своё значение и сегодня. Однако в настоящее время всё более актуальным становится иной образ практики, в определённой степени альтернативный предшествующему. В нём практика предстаёт уже не как одностороннее преобразование материальных вещей, а как материальная деятельность человека, направленная на сохранение, воспроизводство наличного бытия вещи, когда человек стремится повторить тот природный процесс, который привёл к существованию данной вещи в данном месте, в данное время, в данном состоянии и с данными параметрами. Необходимость в таком виде практики особенно актуальна там, где человек имеет дело с материальными вещами, являющимися предпосылками человеческого существования. К числу этих вещей относятся как природные вещи, так и вещи второй природы, созданные людьми, но нуждающиеся в постоянном воспроизводстве /элементы производительных сил, продукты сельского хозяйства, жилища, и т.п./. Развёртывание этого вида прак-

тической деятельности в противовес односторонне преобразующей деятельности человека стало реальностью после того, как воздействие человека на окружающую среду достигло планетарных масштабов, в связи с чем появилась реальная угроза необратимой потери целого ряда вещей, являющихся необходимыми предпосылками человеческого бытия.

В рамках прежнего образа практики предполагалось, что главным в человеческой деятельности является наличие соответствующего материального субстрата, а также знание законов, которым подчиняются элементы этого субстрата. Последнее позволяет сравнительно легко рассчитать траекторию практического преобразования соответствующих вещей, пути их перевода в другие состояния, с другими определёнными наличного бытия. Все трудности в рамках односторонне преобразующей деятельности человека носят, как уже говорилось, чисто технический характер, т.е. важно, чтобы было что преобразовывать, иными словами, принципиально наличие соответствующего ресурсного многообразия. В противоположность этому, становление нового образа практики связано с осознанием особой ценности наличного бытия целого ряда природных и искусственных вещей. Отсюда последовало изменение установки на материальные вещи, когда они перестали трактоваться только как средства человеческой деятельности, превратившись в рамках нового вида практической деятельности в цель этой воспроизводящей и в ряде случаев повторяющей природный процесс деятельности. Это изменение традиционной установки на вещи в сфере познавательной деятельности потребовало от субъекта осуществления гносеологических процедур по индивидуализации вещей.

Остановимся на некоторых обстоятельствах, в силу которых определенности наличного бытия вещей пришлось наделять особой ценностью. Прежде всего обнаружилось, что материальные предпосылки человеческого существования являются таковыми не только потому, что они обладают определенными сущностями процессами, решающе

значение имеет наличие у них определённых признаков на внешнем уровне, на уровне явлений. Так, например, для земледелия человеку необходимы не просто земляной покров, но почва с вполне фиксированными параметрами, точно так же, как для питья человеку необходима не просто вода, а вода с определённой концентрацией солей, микроэлементов и т.п. Во-вторых, выяснилось, что возникновение сложно-организованных объектов, объектов типа ограниченных целых обусловлено опять же не только сущностными процессами соответствующих частей, но и наличием бытия этих частей, на свойствах которых замыкаются функциональные циклы целого. Это положение можно проиллюстрировать на искусственных системах, созданных человеком. Так, например, известно, что свойство денег быть мерой стоимости детерминируется не свойствами субстрата, используемого для изготовления этих денег, а той ролью, функцией, которая приписывается именно данному субстрату в рамках некоторого общественного целого и которая находит своё выражение во внешних, непосредственно данных свойствах этого субстрата /в механико-геометрических параметрах, цвете, надписях и т.п./. Аналогичным образом именно параметры наличного бытия некоторой вещи кодируют информацию, если появилась необходимость сделать эту материальную вещь носителем информации. Отсюда понятно, что одностороннее изменение наличного бытия элементов сложноорганизованного объекта может привести к разрушению функциональных циклов, обеспечивающих существование целого. И наконец, в качестве третьего обстоятельства, способствовавшего наделению наличного бытия вещей особой ценностью, отметим, что целый ряд вещей вообще не могут быть отделены от своего природного окружения, т.е. она не просто пребывает в мире, а воспроизводится этим окружением во всей целостности свойств. Последнее особенно характерно для предметов живой природы.

С точки зрения практической деятельности, направленной на воспроизводство отдельной вещи, более рельефной стала ограниченность представления о практике как

исключительно односторонне преобразующей деятельности. В рамках последней предполагаются неограниченные возможности изменения каждой отдельной вещи, отсюда вполне естественное господство в понимании окружающей природы и человеческой практики принципа атомизма. И то и другое складывается из самостоятельных "атомов" вещества или актов человеческой деятельности. Кроме того, точка зрения односторонне преобразующей практической деятельности не позволит выявить функциональные, организационные связи ограниченных целых, т.к. эти связи распадаются при одностороннем аналитическом расчленении вещей. Соответственно, природа в свете манипулирующей практики предстаёт как совокупность монолитных вещей, состоящих из одинаковых элементов, связанных между собой силовым, энергетическим взаимодействием. Возникновение вещей подобного типа предстаёт как реализация простой совокупности.

Из нового образа практики как материальной деятельности, направленной на воспроизводство наличного бытия отдельных вещей, вытекает и новая ориентация познания, поскольку надление определённости наличного бытия вещи особой ценностью является началом процедуры индивидуализации данной вещи, требующей противопоставления её бытия бытию других вещей того же класса. При этом надо различать, фиксировать то, что в рамках универсализирующего подхода традиционного естествознания было переходящим, случайным моментом. Познание индивидуальной вещи требует придать необходимость тем её признакам, которые в рамках универсализирующего подхода допускают широкие варьирование, не затрагивая сущности вещи. Фиксирование определённости наличного бытия в качестве цели познания, т.е. поиск ответов на вопрос: "почему данная вещь существует в данном месте, времени и состоянии?" - требует исследования факторов, обстоятельств, относящихся к различным уровням или формам движения материи. Гносеологическая сложность ситуации состоит в том, что, с одной стороны, возникновение данной вещи с данными определённоностями обусловлено совместным дейст-

нием качественно различных факторов, а с другой стороны, для признания необходимого характера связи этих факторов нет никакого универсального закона природы, поскольку сочетание обстоятельств, приведших к возникновению данной вещи, совсем не обязательно должно повториться где-то в другом месте и в другое время. Поэтому, на наш взгляд, переход к познанию вещей как индивидуальных образований требует нового категориального оснащения, которое бы позволило субъекту придавать необходимость совместному действию качественно различных факторов, если даже эта связь существует только в данном месте, т.е. с пространственной точки зрения реализуется однократно. Переходя к совместному, координированному взаимодействию многих вещей, мы вступаем в сферу сложноорганизованных, целесообразно действующих систем. Не ставя перед собой задачи систематического рассмотрения понятия организации, отметим только, что кибернетика с её понятиями обратной связи, информации, управления и др., те или иные варианты общей теории систем с их понятиями системных закономерностей, аквиринальности и др., геология с её понятием круговоротов и наконец первые достижения так называемой синергетики дают основание утверждать, что возникновение координированного, синхронного действия многих факторов — явление достаточно распространенное в природе и является необходимой чертой субстанционального движения материи.

Методология односторонне аналитического подхода не даёт каких-либо оснований для естественного объяснения возникновения сложноорганизованных целесообразных образований. Принципиальную ограниченность естествознания, построенного на основе этой методологии, очень чётко осознавал ещё Кант: "Так как понятие организма уже предполагает, что существует материя, в которой всё взаимно связано как цель и средство, и это даже можно мыслить только как систему конечных причин, стало быть, возможность такой системы допускает лишь телеологический,

а никак не физико-механический способ объяснения, по крайней мере для человеческого разума, то в физике нельзя поставить вопрос: "Откуда же первоначально происходит всякая организованность / *Organisierung* /?" /ИВ, с.91/. Вопрос о том, насколько вероятным для человеческого сознания окажется возникновение сложноорганизованных объектов, во многом зависит от познавательной установки субъекта. В частности, становление нового образа практики, вызванное необходимостью развертывать практическую деятельность по воспроизводству наличного бытия вещей, являющихся предпосылками человеческого существования привело в свою очередь к изменению угла зрения на окружающие вещи. В рамках уже нового, системного понимания действительности, в рамках новых способов проблематизации чувственно данного материала возникновение организации целесообразно действующих систем становится в значительной мере рядовым, материальным процессом, постоянной формой субстанциональной активности материи.

Итак, наделение определенностей наличного бытия некоторой вещи особой ценностью, т.е. процедура индивидуализации данной вещи, в любом случае выводит нас на идею организации, на совокупность координированно действующих вещей, факторов, обстоятельств. Становление нового образа практики в гносеологической сфере привело к становлению нового познавательного интереса к окружающей действительности, формированию новых категориальных средств и способов проблематизации чувственных данных. Соответственно, познание в рамках новой ориентации вещей, казалось бы хорошо знакомых, стало приносить совершенно новые результаты. Новый образ практики, став методологической программой духовной и практической деятельности человека, привёл к перестройке нашего понимания окружающего мира и самой системы практик... Доминирующей в понимании этих сторон стала опять же идея организации, которая сменила атомистическое представление этих сторон. Если раньше в окружающем мире мы виде-

ли главным образом всеобщие законы, универсальные сущности, обладающие неограниченной сферой действия, когда существование любой отдельной вещи предполагалось постоянно готовым к исчезновению во всеобщем взаимодействии, в субстанциональном движении материи, то теперь в рамках нового образа практики происходит как бы фиксирование отдельной области материального мира, наделение этой области определённой ценностью, индивидуальностью, поскольку только в ней оказывается возможным существование человека. Подобное противопоставление сферы человеческой деятельности другим областям субстанционального движения материи требует от человека рассмотрения сферы практики с точки зрения принципа *субита жи*, поскольку центральным становится вопрос о переводе этой сферы в движение самовоспроизводства на основе практической активности человека.

В условиях господства нового образа практики центральное место в категориальном оснащении субъекта приобретают категории органичного целого и связанные с ним системные понятия, эксплицирующие идею целого на уровне её инженерно-технического рассмотрения. В предметном смысле эти категории уже не следует связывать с монолитными вещами, образованными исключительно силовым взаимодействием своих однородных частей. В предметном плане категории целого соответствует материальное образование, состоящее из субстратно различных частей, связанных функциональными циклами /круговороты, обратные связи, связи управления и т.п., обеспечивающими их совместное, координированное и замкнутое друг на друга действие. Примечательно, что рост сложности объектов типа органичных целых совсем не обязательно сопровождается увеличением числа этих объектов, скорее наоборот - достаточно сложные целостности существуют в единственном числе. В последнем обстоятельстве, на наш взгляд, состоит принципиальная черта горизонтальной ориентации познания, вытекающей из практики как материальной деятельности по воспроизводству наличного бытия вещей.

Действительно, оно бы удивительным утверждение о существовании единственного атома водорода, электрона, единственного электромагнитного поля или куска железа. В то же время утверждение о существовании жизни на Земле, самой Земли или Солнечной системы в единственном числе уже не представляется невозможным. Причём дело здесь не в том, что никогда и нигде больше не сложатся условия для возникновения этих сложных объектов. Даже если считать, что условия возникновения подобных объектов складываются постоянно, тем не менее нет необходимости отказываться от признания индивидуальности жизни на Земле, самой Земли или Солнечной системы, поскольку, например, та же жизнь на Земле — это не следствие внешних факторов, а результат саморазвития, самодвижения, самодифференциации некоторого замкнутого на себя материального целого. Разумеется, здесь необходимы определённые внешние условия но без возникновения в соответствующем образовании замкнутого на себя, обособляющего и в этом смысле индивидуализирующего движения жизнь тоже не возникнет.

Итак, практика действительно является основой познания, но как таковая она представляет из себя источник различных познавательных ориентаций. И дело не только в том, что в качестве промежуточного звена детерминации "действует" определённая степень осознания особенностей этой практики. Практика в целом, как способ существования человечества, представляет из себя достаточно сложную систему разных видов материальной деятельности, имеющих противоположную методологическую и ценностную ориентацию. При этом одинаково ошибочным является как выделение одного из видов деятельности в качестве представителя всей практики, так и абсолютное их противопоставление. Между той же олюсторонне образующей деятельностью и практической деятельностью воспроизводства некоторого природного процесса имеется тесная преемственность, поскольку вторая может развиваться лишь на основе первой. Более того,

Производство наличного бытия вещей в одном месте автоматически связано с односторонним преобразованием других вещей в другом месте. Так, например, человечеству всегда будут необходимы источники энергии, сырьё, получение которых так или иначе требует внесения необратимых изменений в окружающую среду.

Система общественной практики в целом не дана человеку в виде отдельного чувственно воспринимаемого объекта. Более или менее непосредственно человеку даны отдельные подсистемы практики, отдельные виды практической деятельности с их различными методологическими регулятивами. Общественная практика всегда включала в себя неоднородные виды деятельности. Поэтому акцентирование сегодня в свете, скажем, экологических противоречий практической деятельности по воспроизводству природного бытия ряда вещей не исключает того, что фактически эта деятельность всегда осуществлялась человеком, хотя бы в форме земледелия или животноводства. Другое дело, что в общественном сознании может господствовать один из названных выше образов практики.

Становление диалектического способа мышления, кроме всех прочих известных обстоятельств, стало одной из предпосылок формирования нового понимания практики. Так, известны требования диалектического метода, одним из которых является недопустимость в познании развивающегося объекта эклектического, т.е. механического, соединения его отдельных сторон, признаков, свойств и т.п. Эта критика эклектики непосредственно относится и к практической деятельности человека, поскольку способностью к развитию, жизненностью обладает далеко не любой набор вещей, свойств и отношений, созданных человеком. Иными словами, в процессе практического взаимодействия с развивающимися объектами накладываются принципиальные ограничения на преобразующую деятельность человека, поскольку одностороннее внешнее изменение отдельных параметров развивающегося объекта может привести к разрушению соответствующей целостности и к прекращению процесса развития.

Подчёркивая наличие всеобщих закономерностей развития, мы не всегда достаточно акцентуруем ещё один принципиальный аспект развития — его индивидуальность. Факт вк. вённости некоторого явления в соответствующую линию развития одновременно является признаком его определённой автономии, самодостаточности, поскольку оно включается в процесс, основание которого формируется в нём же самом, т.е. начинается не просто движение, а самодвижение, изменение, исходящее из внутренних, имманентных противоречий. Дальнейшим выражением индивидуальности всякого развития является особое отношение развивающегося объекта к внешним факторам, воздействию которых, до тех пор пока имеет место развитие, не приобретает одностороннего характера и опосредуется внутренними функциональными циклами и противоречиями. Важно и то, что к числу реальных детерминант исторического развития не этого объекта принадлежат не только факторы его глубинного, сущностного уровня, но и определённости наличного бытия этого объекта, параметры его явления, поскольку функциональные процессы, циклы, обеспечивающие целостность развивающегося объекта, охватывают как внешние, так и внутренние параметры, определённости как внешней, так и внутренней формы. Поэтому даже единичные, случайные свойства вещей могут стать детерминантой их развития. Если умозрительно представить, что в процесс развития включились вещи, которые с точки зрения универсализирующего подхода принадлежат к одному классу и с точки зрения односторонне преобразующей деятельности имеют одну и ту же сущность, то тем не менее в ходе развития из них наверняка возникнут вещи, которые будут принадлежать к разным классам. Иными словами, с точки зрения идеи развития более естественным представляется существование не естественно различных вещей, состояний, чем возникновение больших групп одинаковых вещей.

Ещё один момент, который резко ограничивает воз-

ожности манипулирующей практики человека - это необратимость процесса развития. Отсюда вытекает особое отношение развивающегося объекта к временной координате. Достаточно сложные, развитые состояния объекта не могут быть получены иначе как через процесс развития соответствующего материального образования, т.е. не могут быть собраны в любой, произвольно заданный момент времени из некоторых одновременно существующих компонентов, минуя сам процесс развития и связанный с ним временной фактор. Так, например, применительно к современным видам живых существ предшествующее развитие живой природы - это единственный способ порождения, построения или произведения этих существ.

Правомерность выделения рассмотренных образов практики, на наш взгляд, подтверждается также тем обстоятельством, что им соответствуют различные способы организации науки. В условиях господства односторонне преобразующей практической деятельности человека формируется так называемое дисциплинарное разделение науки. Этот вид практики позволяет путём свободного манипулирования условиями существования некоторой вещи выключать, устранить действие тех внешних факторов, которые не относятся к ведомству данной научной дисциплины. Так, например, возможно исследование механико-геометрических свойств макротел при отвлечении от их электромагнитных или химических свойств или наоборот. Дисциплинарное строение науки и аспектное рассмотрение вещей материального мира - это принципиальная черта познания, вырастающего на основе односторонне преобразующей практической деятельности. В противоположность этому, всякое фиксирование определённости наличного бытия некоторой вещи требует её целостного рассмотрения и всегда ставит нас перед необходимостью привлечения нескольких научных дисциплин. Как только мы ставим вопросы: "Почему данная вещь в данном состоянии и с теми-то свойствами существует в данном месте и в данное время?", мы сразу же оказываемся перед необходимостью синтеза

разных наук. Так, например, исследование в аспекте названных вопросов остатков упавшего метеорита требует привлечения данных физики, химии, космогонических гипотез, астрономии и т.п. Точно так же объяснение причин нахождения какого-либо валуна на поле в низменной местности, кроме привлечения данных традиционных наук, требует обращения к данным геологической истории Земли и т.п. В тех же случаях, когда тот же валун рассматривается с точки зрения применения его в строительстве, как объект возможных манипуляций человека, необходимость в синтезе столь различных данных отпадает и вполне допустим аспектное рассмотрение того же камня, например, учёт одних только его механических свойств.

В нашу задачу не входит обсуждение проблем синтеза различных научных дисциплин, отметим лишь, что возникновение таких наук, как биофизика, биохимия, геохимия и т.п., скорее относится к тенденции формирования новых научных дисциплин, а не к синтезу уже существующих. Нам представляется, что действительный синтез научных дисциплин имеет место там, где науки объединяются по проблемному принципу или по одинаковой для них практической задаче. Примеры таких синтетических наук наиболее легко найти в науках о Земле. Здесь можно назвать ландшафтоведение, гидрогеологию, океанологию и др. Очевидно такими же комплексными по своему характеру являются науки, связанные с изучением человека или последствий его деятельности /например, социальная экология/. Как отмечается в философской литературе, "для успешной разработки социально-экологических проблем требуется беспрецедентный синтез общественных, естественных и технических наук, в целостной научной теории, которую нельзя квалифицировать иначе, как социально-естественную по существу, призванную совместить сособенности социального и природного развития" /81, с. 162/. Думается, что беспрецедентность этого и других подобных синтезов состоит в необходимости организационной перестройки науки, кардинального преобразования науч-

ых институтов. При этом главную трудность составит решение не столько теоретических, сколько организационных, и, может быть, даже социологических и социально-психологических проблем: ведь потребуется обеспечение эффективного сотрудничества учёных, которые традиционно не привыкли ориентироваться друг на друга, поскольку рассматривали одни и те же объекты при взаимовсключающих условиях.

Последнее не означает, что дисциплинарное развитие науки закончено, не исключено возникновение новых научных дисциплин и в будущем. Однако в рамках практической деятельности, ориентирующейся на воспроизводство определённости наличного бытия, на воспроизводство стдальных природных процессов, становится всё более очевидным ряд односторонностей дисциплинарного развития науки. Односторонне преобразующая практическая деятельность человека позволяет каждой отдельной научной дисциплине замыкаться в своей собственной сфере путём неограниченного практического воплощения, опредмечивания своих теоретических конструкций. Тем самым одновременно создаётся новый фактический материал, не выходящий за рамки интересов сравнительно узкого круга специалистов, но в то же время позволяющий до бесконечности продолжать развитие познания с точки зрения данной дисциплины. В итоге вполне вероятным представляется своеобразное "зацикливание" научной дисциплины на саму себя. С формальной точки зрения наука может бесконечно развиваться по дисциплинарному принципу, однако в условиях прогрессирующего отказа от господства односторонне преобразующей практической деятельности результаты такой науки будут иметь все меньшее практическое применение, тем более, что факты здесь не столько поставляются общественной практикой, сколько создаются самой наукой, ее относительно автономным развитием.

Рассмотренный нами материал подчеркивает достаточно сложный механизм детерминации познания практикой. Эта детерминация же носит раз и навсегда заданный, одно-

значный характер. В то же время отсюда не следует, что познание лишается определенности или достаточно строгих критериев. Перефразируя известное положение В.И. Ленина об относительности критерия практики, отметим, что "неопределенность" этого критерия прежде всего мешает превращаться нашим знаниям в абсолют, но отнюдь не препятствует опровержению ложных идей. Сам способ связи познания с практикой, детерминация познания различными подсистемами практики исторически обусловлены. Соответственно, далеко не все возможные в принципе практические детерминанты сформировались к настоящему времени, иными словами, практика далеко не исчерпала своих функций основы познания, причем не только в содержательном плане, не только в том смысле, что и в будущем она будет постоянным источником все новых проблем, требующих дальнейшего развития познания, но и в организационном плане - в плане детерминации новых форм, способов связи общественной практики и науки. Думается, что в настоящее время все еще доминирует связь науки с теми или иными отдельными подсистемами общественной практики, в то время как становление науки, связанной с системой практики в целом, представляется делом будущего.

Таким образом, из практической обусловленности познания следует как определенность, фиксированность познавательного интереса субъекта, так и принципиальная открытость, историческая незавершенность гносеологического отношения, наличие возможностей субъекта познавать окружающую действительность в свете различных и, может быть, даже альтернативных ценностных ориентаций.

В.Е.Никифоров

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В СТРУКТУРЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как известно, основной специфической чертой человеческой деятельности является ее предметность — направленность на преобразование определенного объекта реальности. Совокупность внутренних психических условий, вызывающих предметную направленность деятельности, есть мотив. Наличие мотива предполагает наличие более или менее осознанной цели действия. Отношение мотива к цели действия отражает смысл деятельности. Между мотивом деятельности и самой деятельностью как процессом нет взаимно однозначного соответствия. Один и тот же мотив может вызывать различные типы деятельности, и разные по целям действия и мотивы могут порождать близкие по типу деятельности и аналогичные действия.

Мотивы как внутренние психические условия, вызывающие предметно-направленную деятельность человека, имеют свои причины, в качестве которых выступают потребности. В определенном отношении мотивы являются формой проявления потребностей, и потому мотивы даны непосредственно, а потребности скрыты. Таким образом, через посредство мотивов потребности выступают в качестве источника деятельности человека. Но с другой стороны, сами потребности и мотивы человека в конечном счете детерминированы его общественно-исторической деятельностью. На неразрывную связь деятельности с потребностями указывают К.Маркс и Ф.Энгельс в "Немецкой идеологии": "Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей..." /3, с.245/.

Не вдаваясь далее в сложную проблематику природы и классификации потребностей, т.к. это увело бы от

основной темы, отметим, что существуют потребности, которые не могут не быть удовлетворенными. Таковыми являются, прежде всего, биологические потребности человека. В определенном отношении они являются предпосылкой человеческой деятельности, которая, в свою очередь, является средством их удовлетворения. Но, как известно, одни потребности, будучи удовлетворенными, с неизбежностью порождают другие: "... сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям..." /I, с.27/.

Таким образом, в силу того, что существуют потребности, которые с необходимостью требуют своего удовлетворения, а будучи удовлетворенными, опять же с необходимостью приводят к возникновению новых потребностей и т.д., в рамках человеческой деятельности потребности оказываются неразрывно связанными со средствами их удовлетворения. Представляется, что именно эта связь и является источником и средством порождения проблемной ситуации.

Процесс удовлетворения потребностей выступает как целенаправленная деятельность. Осознавая потребности, человек осознает цели. Осознание целей приводит его к пониманию зависимости его субъективных потребностей от объективных условий, а это, в свою очередь, к поиску средств удовлетворения потребностей. Вследствие того, что и потребности, и средства их удовлетворения возникают в процессе человеческой деятельности, проблемные ситуации также являются ее порождением.

Изложенное представление о структуре человеческой деятельности и общие принципы диалектико-материалистической методологии дают основание полагать, что центральным элементом структуры проблемной ситуации является противоречие между некоторой человеческой потребностью и средствами ее удовлетворения. Для конкретного обоснования данного тезиса рассмотрим некоторые из так назы-

аемых глобальных проблем современности ^{х/}, которые в силу своей значимости и всеобщности являются показательными в этом отношении.

Как известно, одной из актуальнейших глобальных проблем современности является энергетическая проблема. Действительно, большинство экономически развитых стран мира в настоящее время затрачивают существенные усилия на поиск новых способов производства энергии, ибо дальнейшее развитие производительных сил требует резкого роста производства энергии, а запасы традиционных энергетических ресурсов /прежде всего углеводородистых - угля, нефти, газа/ конечны, т.к. их потребление в миллионы раз превышает темпы их образования. Энергетическая проблема и есть осознание /отражение на уровне сознания/ объективно сложившейся в процессе человеческой деятельности проблемной ситуации, ядром которой является противоречие между постоянно возрастающими потребностями общества в энергии и ограниченностью существующих способов ее получения. Доказательством того, что именно данное противоречие является основой существования энергетической проблемной ситуации, является тот факт, что устранение этого противоречия с необходимостью приведет к снятию данной проблемной ситуации.

Аналогичным образом дело обстоит и с минерально-сырьевой проблемой, которая также является отражением объективно сложившейся ситуации, в основе которой - противоречие между стремительно растущими потребностями общества в сырьевых ресурсах и конеч-

х/

Вопрос о критериях глобальности, а следовательно, и вопрос о том, какие проблемы являются собственно глобальными, не решен однозначно. Тем не менее глобальный характер рассматриваемых проблем не вызывает сомнений. Более подробно см.: 131, с.12-31.

ность природных ресурсов. До тех пор, пока потребление минерально-сырьевых ресурсов было сравнительно незначительным и сопоставимым с их естественными запасами, противоречия не существовало, проблемная ситуация отсутствовала, не могла быть осознана, и сырьевая проблема не ставилась. Как только потребление ресурсов стало сопоставимым с их запасами, — противоположности определились, и возникла проблемная ситуация, которая вскоре была осознана широкими кругами общественности. Таким образом, ядром минерально-сырьевой проблемной ситуации также является противоречие — противоречие между растущими потребностями общества в масштабах и видах природных ресурсов и ограниченными возможностями их добычи экономически и экологически рациональными способами и конечностью их запасов вообще.

В более широком плане взаимодействие общества и природной среды находит свое выражение в экологической проблемной ситуации, основой которой является противоречие между потреблением окружающей среды человеком в процессе его жизнедеятельности и естественным воспроизводством природы. Как известно, масштабы человеческой деятельности сегодня вполне сопоставимы с масштабами естественных, природных преобразований. Причем преобразовательная мощь общества стремительно нарастает, а окружающая среда в существенной своей части невозобновляема. Именно поэтому стихийное развитие производительных сил общества путем безответственного или хищнического потребления окружающей среды грозит экологическим кризисом.

Доказательством того, что в основе экологической проблемной ситуации лежит противоречие между потреблением окружающей среды и ее самовоспроизводством, может служить тот факт, что устранение хотя бы одной из противоположностей данного противоречия автоматически приведет к снятию проблемной ситуации как таковой. Действительно, экологической проблемной ситуации, а значит, и экологической проблемы попросту не было бы,

если бы: 1) в процессе жизнедеятельности людей окружающая среда ни в каком виде и степени не потреблялась бы и 2) окружающая среда достаточно быстро бы регенерировалась. Но как отмечает целый ряд исследователей, адаптационные механизмы биосферы функционируют на грани своих возможностей, воздействие человека на биосферу оказывается потенциально способным изменить направление ее эволюции, и в этом отношении природа уже перестает удовлетворять потребности общества.

Это краткое и достаточно эскизное описание некоторых из глобальных проблемных ситуаций современности позволяет, как представляется, сделать два вывода: 1) источником возникновения и центральным структурным элементом проблемной ситуации является противоречие между определенной общественной потребностью и соответствующими средствами ее удовлетворения; 2) так как противоречие между потребностью и средствами ее удовлетворения является внутренним по отношению к человеческой деятельности, то, следовательно, проблемные ситуации возникают лишь в рамках деятельности.

Предложенное обоснование не является доказательством в строгом смысле, ибо представляет собой индуктивное обобщение социального опыта по постановке и решению некоторых глобальных проблем современности. Поэтому представляется целесообразным дополнить данное эмпирическое обоснование теоретическими рассуждениями.

Тезис о том, что противоречие является ядром всякой проблемной ситуации фактически представляет собой частное следствие из общего диалектико-материалистического понимания противоречивой сущности всего сущего. Положение о противоречии как условии бытия и источнике развития — краеугольный камень в понимании природных, социальных и познавательных феноменов. Если эта общая исходная посылка истинна, а это так, и доказательством тому служит вся история развития науки, то и анти- и тезис о противоречии как ядре всякой проблемной ситуации, ибо он — не менее чем частное следствие данной посылки.

О роли противоречия в проблемной ситуации весьма однозначно пишет известный советский исследователь в этой области В.Ф.Берков: "... является очевидным, что проблемная ситуация не была бы возможна без противоречия ..." /31, с.387/.

Аналогичным образом можно обосновать и второй тезис - положение о том, что проблемные ситуации возникают лишь в процессе человеческой деятельности. На первый взгляд умозрительные рассуждения должны приводить к противоположному выводу. Действительно, если объективная реальность противоречива по своей природе, и если ядром проблемной ситуации является противоречие, то проблемные ситуации должны с необходимостью существовать в объективной реальности. Но тем не менее понятие "проблемная ситуация" не следует использовать по отношению к феноменам объективной реальности. Дело в том, что объективная реальность, будучи противоречивой по своей сущности тем не менее не содержит такого типа противоречий, которые являются основой проблемной ситуации. Такие противоречия возникают лишь в том случае, когда человек, удовлетворяя свои потребности, противопоставляет свою деятельность бытию природы. "Объективный мир" идет своим путем. И практика человека, имея перед собой этот объективный мир, встречает "затруднения в осуществлении" цели, даже натывается на "невозможность" /12, с.196/. "Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его" /12, с.195/. Именно реализуя свои потребности путем преобразования объективной реальности, человек в процессе своей деятельности и порождает проблемные ситуации. Таким образом, несмотря на противоречивую сущность природы, общества и мышления, вне человеческой деятельности никаких проблемных ситуаций не возникает. Противоречия есть, но нет проблемных ситуаций. Нет потому, что природные, социальные и логические противоречия оказываются внешними по отношению к человеческой деятельности.

В самом общем случае в рамках противоречия между

социальными потребностями и средствами их удовлетворения могут иметь место четыре типа отношений: 1) существует потребность, но отсутствуют средства ее удовлетворения; 2) существует потребность и существуют средства ее удовлетворения, но они оказываются в каких-то отношениях (объем, стоимость, качество и др.) недостаточными; 3) средства удовлетворения потребности избыточны по отношению к ней; 4) потребность отсутствует, хотя существует (актуально или потенциально) средства адекватного ее удовлетворения. Следует заметить, что в последнем случае, как правило, имеет место не отсутствие потребности как таковой, а отсутствие осознания потребности. Так например, даже некоторые естественные потребности человека - потребности в движении, кислороде, гравитации, часто не осознаются на уровне обиденного сознания по причине их простого, быстрого и постоянного удовлетворения. Однако в некоторых областях человеческой деятельности, например в области исследований и разработок, такого рода проблемные ситуации встречаются достаточно часто и имеют важное значение. Проиллюстрируем это примерами.

Х. Кувер (США), занимаясь во время войны разработкой оптических прицелов, случайно открыл склеивающую способность циано-акриловых соединений - впоследствии цианоакриловый клей /145, с.37-40/. Аналогичным образом, но независимо от него, его соотечественники Нордландер и Барнетт открыли анаэробный пермафил - также весьма эффективное склеивающее средство, полимеризация которого происходит лишь в отсутствие кислорода (отсюда название - анаэробный). Описание этого изобретения и история его внедрения были прокомментированы следующим образом: "В наших руках было решение, оставалось найти проблему, к которой это решение подходит" /148, с.34/.

Комментарий, как представляется, терминологически неточен (осталось найти потребность, а не проблему), но описанные эпизоды весьма показательны как иллюстрация того, что средство удовлетворения потребности может

возникнуть до появления и осознания соответствующей потребности.

Выявление и осознание потребностей осуществляется познающим субъектом, в то время как сами потребности объективны по своему происхождению и сущности, обусловлены естественными причинами и экономическими отношениями общества. Это обстоятельство необходимо учитывать при классификации проблемных ситуаций с точки зрения соотношения в них потребностей и средств их удовлетворения. Представляется, что такого рода классификация может иметь следующий вид:

Типы проблемных ситуаций	Потребности		Средства их удовлетворения	
	известны другим	известны исследователю	известны другим	известны исследователю
1	+	+	+	-
2	+	+	-	-
3	+	-	+	-
4	+	-	-	-

Предложенная классификация преследует сугубо информационную цель — показать потенциальному постановщику проблем, с какими типами проблемных ситуаций он может столкнуться в своей практике. В условиях экспоненциального роста информации, когда, как часто говорят, легче повторить исследование, чем найти соответствующую публикацию, это представляется достаточно важным.

Основной целью для разработки классификации проблемных ситуаций в контексте проводимого исследования является создание предпосылок для выбора эффективных методов выявления, описания и анализа проблемных ситуаций. Данная цель и будет определять основание и способ разрабатываемой классификации.

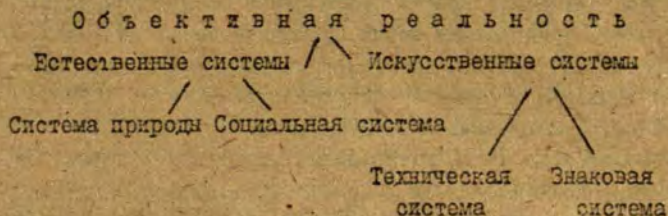
Известно, что практическая деятельность существует и классифицируется на иных основаниях, чем научное по-

знание. При этом основополагающий принцип диалектико-материалистической методологии о практике как основе и движущей силе познания указывает, что практическая деятельность является исходной по отношению к любому другому виду человеческой деятельности. Было показано, что проблемные ситуации возникают в процессе человеческой деятельности, прежде всего - практической деятельности, следовательно, наиболее общая классификация проблемных ситуаций должна строиться на основе классификации видов деятельности вообще, а не на основе классификации познавательной деятельности.

Представляется, что наиболее общим основанием для классификации видов деятельности может служить ее предметность. "... Главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности придает ей определенную направленность" /69, с.102/. Самым общим и в этом смысле универсальным предметом человеческой деятельности является объективная реальность. Если объективный мир понимать как систему¹ /а в рамках диалектико-материалистического мировоззрения он и является таковой/, то закономерно стремление к выделению в нем подсистем. В самом первом приближении объективный мир как система может быть подразделен на естественные и искусственные подсистемы. Эти два типа систем в качестве своей демаркации имеют человеческую деятельность, благодаря которой объективная реальность разделяется указанным образом. К естественным системам следует отнести природу и общество. Искусственные системы можно подразделить на технические /приборы, аппараты, механизмы, конструкции и др./ и знаковые, которые, подобно техническим, являются чувственно воспри-

¹ Под системой понимается множество элементов и отношений между ними, выделенных по некоторому основанию.

нимаемыми, но их значение для человека не определяется лишь этим, а зависит от их смыслового содержания, которое они приобретают в процессе функционирования в социуме. Таким образом, объективная реальность как система подразделяется на четыре типа подсистем:

Предложенная классификация систем в определенном отношении условна, ибо и природа, и общество социализированы и в этом отношении искусственны, в наоборот, технические и знаковые системы в определенном отношении естественны. Так например, в субстратном плане и технические, и знаковые системы могут создаваться из естественных материалов. Условность, "размытость" данной классификации может быть преодолена или по крайней мере понижена, если к искусственным системам относить лишь такие, в которых не менее двух элементов имеют неестественное /неприродное/ происхождение. С учетом этого данная классификация представляется правомерной и может служить поставленной цели - созданию эвристически эффективной классификации проблемных ситуаций.

С точки зрения принятого подразделения объективной реальности на четыре типа систем человеческая деятельность есть процесс взаимодействия человека с одной /или несколькими/ системами. В зависимости от типа системы деятельности можно классифицировать и самое действие:

- 1/ естественная деятельность - /человек-система природы/ ;
- 2/ социальная деятельность - /человек-социальная система/ ;
- 3/ техническая деятельность - /чело-

1/эк - социальная система/ ; 3/ техническая деятельность - /человек-техническая система/ ; 4/ познавательная деятельность - /человек-знаковая система/.

Из четырех указанных типов деятельности наиболее сложной, опосредованной и представляющей особый интерес в контексте данного исследования является познавательная деятельность. Кратко остановимся на ее специфике. Познание, представляя собой отражение внешнего мира человеческим мозгом, является взаимодействием познающего субъекта с объективной реальностью, т.е. естественными, социальными и техническими системами. Эти взаимодействия имеют материальный характер и потому не являются познавательной деятельностью. Собственно познавательная деятельность идеальна в том смысле, что ее сущность не только и не столько определяется процессами материального взаимодействия познающего мозга и систем объективной реальности, сколько созданием и использованием знаковых систем, которые представляют собой материальные образования, но их смысловое содержание определяется не их субстратом, а их соотносительностью с объективной реальностью, которая имеет идеальный характер. Именно поэтому познавательная деятельность и представлена в предложенной классификации как взаимодействие человека и знаковой системы.

В силу того, что проблемные ситуации, возникая в процессе человеческой деятельности, представляют собой, как было показано, противоречия между потребностями и средствами их удовлетворения, для классификации проблемных ситуаций недостаточно выявить типы деятельности - необходимо классифицировать и потребности.

Природа потребностей, закономерности и механизм их возникновения - сложный, требующий специального рассмотрения вопрос, который выходит за рамки данного исследования, и потому коснемся его лишь в той мере, в какой это необходимо для поставленной цели.

Будем исходить из того, что "потребности возникают в результате взаимодействия человека и среды, они яв-

ляются результатом воздействия среды на человека..." /64, с.19/. Действительно, даже естественные /органические/ потребности человека, которые, на первый взгляд, являются его внутренними потребностями, инвариантными к какой бы то ни было среде, в действительности сформированы окружающей средой, природой, ибо сам человек есть ее продукт.

Если принять положение о том, что потребности возникают в результате воздействия среды, и использовать предложенную классификацию объективной реальности, которая и выступает в роли среды, то это приведет к четырем типам потребностей. Естественные /органические/ потребности представляют собой такие, которые человек не может не удовлетворить как биологическое существо¹: потребность в дыхании, пище, сне, движении и т.д. Социальные потребности связаны с общественной сущностью человека, вызваны его нуждами как члена социума; возникают у различных классов, групп, коллективов и отдельных личностей, в них входящих. Социальные потребности обусловлены экономическими отношениями и являются вторичными /производными/ от органических. Технические потребности возникают в результате взаимодействия человека с техносистемами, "второй природой", созданной человеком для удовлетворения своих органических, социальных и познавательных потребностей. Познавательные потребности являются производными по отношению к органическим; возникают в результате взаимодействия человека с естественными, социальными и техническими системами, опосредованного знаковыми системами.

Как потребности, так и средства их удовлетворения, как было отмечено ранее, формируются и в процессе чело-

¹ Природа человека биосоциальна, но это не исключает возможности разделения естественных и социальных потребностей человека.

ческой деятельности. Это обстоятельство, с учетом предметной сущности деятельности и того, что в качестве объектов деятельности выступают четыре типа выделенных систем, позволяет утверждать, что как потребности, так и средства их удовлетворения возникают, развиваются и угасают в рамках четырех соответствующих типов деятельности. Это, как представляется, дает универсальное основание для классификации не только потребностей, но и средств их удовлетворения, а значит, и проблемных ситуаций. Классификация по этому основанию может быть представлена в виде следующей таблицы:

Типы деятельностей,
в которых имеет место:

потребности	средства удовлетворения потребностей			
	естественные	социальные	технические	познавательные
Естественные	ЕЕ	ЕС	ЕТ	ЕП
Социальные	СЕ	СС	СТ	СП
Технические	ТЕ	ТС	ТТ	ТП
Познавательн.	ПЕ	ПС	ПТ	ПП

Данная классификация дает возможность выделить 16 типов проблемных ситуаций, которые охватывают все возможные их разновидности. Четыре из них /ЕЕ, СС, ТТ и ПП/ характеризуются тем, что потребность и средство ее удовлетворения имеют место в рамках одной и той же формы деятельности. Примером проблемной ситуации типа ЕЕ может служить противоречие между некоторой органической потребностью человека /потребность в пище, кислороде и др./ и естественными средствами ее удовлетворения - недостатком естественных ресурсов питания или недостатком кислорода в высоких слоях атмосферы. Эти естественные потребности могут быть удовлетворены

в сфере социальной деятельности - коллективная организация и специализация в процессе дооччи средств питания, изменение социальных норм потребления, с помощью технических средств - производство синтетических продуктов питания или посредством получения новых знаний о естественных потребностях человека. В этих случаях проблемная ситуация типа ЕЕ будет преобразована в проблемные ситуации типов ЕС, ЕТ и ЕП. Приведем еще несколько примеров. Так, дефицит социальных услуг может преодолеваться с помощью создания бытовых приборов /проблемная ситуация типа СТ/, путем организации специальных учреждений или формирования новых обычаев и моды /проблемная ситуация типа СС/, посредством познания их природы и переосмысления сущности /СТ/. Технические потребности также могут находить свое удовлетворение с помощью естественных, социальных, технических или познавательных средств. Всякая познавательная потребность /потребность в получении нового знания/ может найти свое удовлетворение посредством активизации естественных резервов мозга /ПЕ/, с помощью формирования высокотворческих коллективов /ПС/, применения технических средств - ЭИМ, искусственный интеллект /ПТ/ или путем совершенствования и создания оригинальных методов получения нового знания, т.е. путем совершенствования методологии /ПТ/.

В силу определенных социальных причин на разных этапах развития общества возможна абсолютизация отдельных сфер деятельности как областей возникновения потребностей и как средств их удовлетворения. Так, в научной литературе достаточно часто встречается абсолютизация техносферы как преимущественного источника возникновения потребностей в ближайшем будущем. Это - одно из проявлений технократической стратегии развития современного общества, которая популярна в современной буржуазной глобалистике. Еще более часта абсолютизация роли техносфер как средств монопольного и эффективного удовлетворения различного рода

человеческих потребностей. Ярким примером "технократического оптимизма" - ставки на научно-технический прогресс как единственное /или, по крайней мере, главное/ средство решения коренных проблемных ситуаций современности, является исследование Гудзоновского института "Следующие 200 лет", в котором однозначно выраженной исходной установкой является надежда на то, что технический прогресс в ближайшие десятилетия даст эффективные средства разрешения обострившихся противоречий /144 ; 147/. Достаточно широко известны и противоположные установки - "технологический пессимизм", нашедший, например, свое выражение в концепции "нулевого роста", разработанной в первом докладе Римскому клубу /149/.

Если понимать науку как деятельность по производству нового знания, то в науке проблемные ситуации также имеют деятельностное начало. По этой причине выявлению специфики проблемных ситуаций в науке должно предшествовать описание специфики научной, познавательной деятельности. Согласно предложенной классификации деятельности по ее предметам /естественная, социальная, техническая, знаковая/, специфика познавательной деятельности заключается в создании и использовании знаковых конструкций. К этому следует добавить, что не всякое создание и использование знаков есть познавательная деятельность. Создание знаков как материальных объектов ничем не отличается от создания вещей, машин или организаций, по крайней мере, в том отношении, что будучи созданными, они существуют самостоятельно и независимо от человека. Однако знаковые конструкции - тексты, формулы, графики, чертежи - являются знанием лишь в том случае, если находятся в определенном отношении с другими знаками и с незнаковыми феноменами, являющимися значениями для знаковых конструкций. А это возможно лишь в рамках субъектно-объектных отношений, в познавательной деятельности.

Следующей силой познавательной деятельности являет-

ся общественные потребности. Возникая за пределами познавательной деятельности, общественные потребности, как правило, формулируются средствами обиходного языка и интерпретируются на уровне здравого смысла. Для того, чтобы общественная потребность могла стать предметом научного анализа, она должна быть обособлена от конкретного практического контекста и сформулирована в общем виде и на языке науки. Обобщение конкретной практической потребности необходимо не только для того, чтобы выявить ее сущность, но и для того, чтобы использовать весь накопленный опыт человечества для удовлетворения данной потребности, ибо наука и является специфической формой обобщения познавательного опыта человечества. В том случае, когда для удовлетворения некоторой общественной потребности возникает необходимость в получении нового знания, данная потребность становится предметом научного анализа, в результате которого определяются средства для ее теоретического удовлетворения. Анализ потребности и наличных теоретических средств ее удовлетворения может показать недостаточность знаний или о самой потребности, или о средствах ее удовлетворения. И в том, и в другом случае возникает противоречие между знанием и незнанием, складывается познавательная проблемная ситуация.

Проблемные ситуации могут возникать и в процессе собственно научной деятельности, внутри нее. Научная деятельность есть деятельность по производству нового знания на основе системы имеющихся знаний. Процесс получения нового знания с необходимостью предполагает сопоставление вновь полученных данных с уже имеющимися. Это сопоставление, как известно, далеко не всегда позволяет "вписать" новые данные в уже имеющиеся теоретические знания. Это и служит источником второго типа познавательных проблемных ситуаций.

Несмотря на различия в генезисе указанных типов познавательных проблемных ситуаций, специфически общие

для них является противоречие между наличными и необходимыми знаниями. Неправоммерно сужая объем понятия "проблемная ситуация" и сводя его лишь к описанию познавательных ситуаций, В.И. Агапов, тем не менее, правильно указывает на то, что "сущность проблемных ситуаций определяется противоречием /несоответствием/ между уровнем общественных знаний об объекте и его реальными характеристиками. Точнее, термин "проблемная ситуация" можно применить к таким познавательным ситуациям, относительно выхода из которых у субъекта нет готовых научных решений"¹ /20, с.3/.

Познавательные проблемные ситуации выступают в качестве генераторов научной деятельности. Наличие двух типов познавательных проблемных ситуаций /возникающее вне познавательной деятельности и внутри нее/ указывает на то, что развитие науки предопределяется не только общественными потребностями, но и внутренними потребностями познавательной деятельности.

В каждом конкретном случае способ и последовательность анализа проблемной ситуации определяется целями исследования, типом и спецификой проблемной ситуации. Однако во всех случаях анализу проблемной ситуации предшествует ее описание, которое, в свою очередь, предполагает предварительное осознание наличия проблемной ситуации. Осознать проблемную ситуацию - значит отразить сознанием и зафиксировать в нем наличие определенного противоречия между потребностью и средствами ее удовлетворения. Осознание проблемной ситуации не есть пассивный процесс, ибо сами проблемные ситуации возникают в

¹ В науке "готовые научные решения" следует относить не к субъекту, а к научному сообществу в целом.

процессе человеческой деятельности, которая всегда мотивирована, предметна, имеет определенную цель, и потому фиксация проблемного противоречия - не самоцель, а лишь одно из действий в цепи деятельностей. С другой стороны, осознание и разрешение проблемных ситуаций определяет содержание и смысл определенных действий и деятельности. На это указывает В.Н.Сагатовский: "Осознание проблемной ситуации на уровне человеческой деятельности отвечает на вопрос - зачем, во имя чего порождается определенная система, способная достичь некоторого целевого состояния: за целью стоит смысл" /103, с.66/.

Осознание наличия проблемной ситуации приводит к необходимости ее описания. Сначала производится предварительное ее описание, которое фиксирует наиболее общие характеристики проблемной ситуации, позволяющие выявить и ограничить ее ядро. В процессе предварительного описания проблемной ситуации ведущую роль играют опыт и интуиция. Однако прошлый опыт при описании проблемной ситуации может выступить и в качестве внутреннего, субъективного препятствия, своеобразного психологического барьера. Причем этот барьер, как правило, тем выше, чем более сходной представляется описываемому возникшая проблемная ситуация с ситуациями, имевшими место в его предыдущей практике.

Описание проблемной ситуации в большинстве случаев осуществляется средствами обиходного языка. Формализованные языки применяются сравнительно редко. Необходимо учитывать, что последующая постановка проблемы и ее решение производятся средствами того же языка, а следовательно, и средствами соответствующего типа деятельности, или научного направления. Это делает важным выбор адекватного и конструктивного языка для описания проблемной ситуации.

Целью анализа проблемной ситуации является формулирование и постановка проблем. Ядром проблемной ст-

туации, которое в первую очередь и фиксирует проблема, является, как было показано, противоречие. Но далеко не всегда это противоречие выражено явно. Это приводит к необходимости анализа структуры проблемной ситуации в целом. В общем случае проблемная ситуация имеет сложную, иерархически упорядоченную структуру, в которой основное противоречие между общественной потребностью и средствами ее удовлетворения порождает множество других, производных противоречий. Это приводит к тому, что описание проблемной ситуации может содержать большое число различных параметров. В этом случае разумно провести их предварительное упорядочивание и хотя бы приблизительную, эскизную оценку.

Оценка параметров проблемной ситуации может привести к осознанию избыточности потребности или недостаточности средств для ее удовлетворения. И в том и в другом случае, независимо от того, в каком виде деятельности возникла проблемная ситуация, что собой представляет потребность и какого рода средствами она может быть удовлетворена, оценка параметров проблемной ситуации приводит к пониманию недостаточности знаний у субъекта, анализирующего проблемную ситуацию. Но эта недостаточность может быть чисто субъективной - необходимых знаний нет у субъекта, но они имеются у общества в целом. В этом случае проблемная ситуация приводит к постановке не научной /познавательной/, а лишь информационной проблемы. Познавательная проблема возникает тогда, когда в результате анализа проблемной ситуации становится ясно, что необходимо получить /а не найти/ новое/ые для субъекта, а для общества в целом/ знание.

Анализ проблемной ситуации может осуществляться двояким образом: через исследование проблемной области, которую предварительно необходимо определить через среду проблемной ситуации; возможно и противоположное

направление анализа - проблемная ситуация - проблемная область - среда проблемной ситуации. В обоих случаях необходимо выяснить контролируемые параметры среды проблемной ситуации, проблемной области и проблемной ситуации; систему связей компонентов проблемной ситуации с проблемной областью, проблемной области со средой проблемной ситуации. Таким образом, в процессе анализа проблемной ситуации с целью постановки проблемы необходимо изучать не проблемную ситуацию как таковую, а в контексте ее связей с проблемной областью и средой проблемной ситуации.

Определяя среду проблемной ситуации и проблемную область, важно включить в них все существенные, с точки зрения поставленной цели - снятия проблемного противоречия, параметры. Теоретически это возможно путем выявления всей совокупности противоречий, возникающих в процессе соответствующей деятельности и построения их иерархии, последующий анализ которой приведет к выявлению основного противоречия - ядра проблемной ситуации. Однако практически эффективного алгоритма для выявления содержательно богатой среды проблемной ситуации и проблемной области нет и, возможно, вообще не может быть¹. Выходом в этом случае может служить пост-

¹ Здесь и далее используются результаты исследований В.Н.Садовского. Рассматривая проблемную ситуацию, проблемную область и среду проблемной ситуации как системы, к ним можно отнести его выводы о связях системы со средой данной системы. "... у нас нет критериев, на основании которых мы могли бы строго утверждать, что, выделяя среду в узком смысле, мы не пропустили существенно важных для понимания системы моментов. Однозначного ответа на этот вопрос нет и, по-видимому, не может быть" /104, с.212/.

роение некоторой эмпирической теории. Для определенного класса проблемных ситуаций, на основе некоторого множества эффективных решений проблем /а следовательно, и корректно выделенных соответствующих сред проблемных ситуаций и их областей/ необходимо построить некоторую дедуктивную теорию, которая позволит получить средства поиска содержательно достаточно богатой среды проблемной ситуации для соответствующих проблемных ситуаций. В силу того, что построенная теория будет дедуктивной, она окажется пригодной не только для того множества проблемных ситуаций, на котором как эмпирическом базисе построена, но и для всего класса такого типа проблемных ситуаций.

Естественно, что для определения содержательно богатой среды проблемной ситуации могут быть использованы и эвристические методы. Все их многообразие в данном случае должно служить тому, чтобы, целенаправленно используя метод проб и ошибок, последовательно выявлять различные среды проблемных ситуаций, стремясь более полно и точно определить проблемную область, а затем и проблемную ситуацию.

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И ЕЕ КРИТЕРИИ

Одной из важнейших познавательных функций практики является критериальная функция - использование практики для установления истинностных значений познавательных представлений. Трактовка существа, содержания и "механизма" этой функции практики зависит от понимания истины и ее условий.

Не имея возможности хотя бы схематично рассмотреть чрезвычайное многообразие материалистических и идеалистических концепций истины, ограничимся акцентацией некоторых аспектов диалектико-материалистического учения о ней.

В.И. Ленин характеризует объективную истину как такое содержание человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, от человека и человечества /см.: II, с.123/. Объективность истины означает, во-первых, что объект дан человеку для познания "извне", а не порожден самим познанием, будет ли этот объект реальным /действительным или возможным, материальным или идеальным/ или воображаемым /геометрической фигурой, абсолютно черным телом, материальной точкой, русалкой, олимпийской богиней Артемидой и т.п./. Смысл данности /предданности/ объекта нашему познанию состоит в том, что он не порождается, не создается самим актом его познания. В противном случае нам пришлось бы объяснить, как мы можем приступить к познанию объекта, которого еще нет и который должен быть создан его познанием. Это относится не только к реальному, но и воображаемому объектам: последние должны быть сначала созданы нашим воображением по определенным правилам /в науке/ или без определенных правил. /в мифах, религиозных представлениях, сказках, произведенных искусства/. Истина предполагает неза-

висящий от нее предмет, который она "изображает". Без признания существования познаваемых предметов вне истины, прежде всего в объективном мире, нет и материалистической теории истины. Истина возникает из познавательного отображения и описания естественных и искусственных материальных объектов, духовных явлений, а также созданных в воображении предметов.

Материалистическая трактовка объективности истины опирается, во-вторых, на признание существования предметов внешнего опыта вне и независимо от нашего сознания. Материальные объекты, естественные или искусственные, во всяком случае существуют независимо от их познания. Использование знаний в материальном производстве не затрагивает этого положения. Познание не синтезирует и не формирует объект познания /что происходит лишь в практике как материальном компоненте познавательной деятельности/, а отражает /описывает, идеально или духовно воспроизводит/ его. Познавательное стражение материального объекта осуществляется на основе его синтеза, трансформации и т.п. в практической деятельности.

Объективность истины означает, в-третьих, не существование истины вне сознания, а её адекватность познаваемому предмету. Существовать истина может только в сознании - она образует предметное содержание адекватных познавательных представлений, т.е. знаний, которые противоположны заблуждениям. Последние представляют собой неадекватные познавательные представления /содержащие ложь как противоположность истине/. Истинными или ложными могут быть только познавательные представления () объектах, реальных или воображаемых, а не сами объекты. Возможность заблуждения заключена в том же самом, что и возможность знания, - в обобщающей функции мышления или, предполагающей фантазию. Фантазия не может направлять мышление не только в сторону действительности, путем все более полного и глубокого достижения ее явлений, но и в сторону от нее, на путь отхода от действительности. В аспекте адекватности истины объек-

тивна, так как не зависит от произвольного мнения или решения людей, определяется её соответствием предмету, тогда как ложь субъективна, зависит не от объекта, а человека, по тем или иным причинам формирующего превратное представление об объекте. Как духовные образования, знания и заблуждения могут существовать только в сознании; в книгах, магнитофонных записях, кинолентах, схемах, чертежах и т.п. даны или существуют лишь кодовые (сигнальные) репрезентации знаний и заблуждений, а не они сами.

Эти три аспекта объективности истины, взятые вместе, противопоставят диалектико-материалистическое ее понимание всевозможным идеалистическим трактовкам истины. Нет идеалистической концепции, которая была бы совместима со всеми тремя этими аспектами. В рамках же диалектического материализма эти аспекты объективности входят в содержание понятия истины, поэтому здесь выражение "объективная истина" тавтологично - всякая истина объективна, субъективной истины нет.

Истина и знание (соответственно ложь и заблуждение) не тождественны. Истина и ложь - это осознаваемое предметное содержание познавательных представлений, элементарные из которых являются чувственно интерпретированными простыми суждениями. Чтобы образ сознания был познавательным (т.е. имел истинностное значение), его предметное содержание должно быть не только интенционально отнесено к определенному объекту (что присуще всякому образу сознания), но и сознаваться ("переживать", утверждаться) адекватным этому осознаваемому объекту (что специфично для познавательного образа). Такое интенциональное отнесение предметного содержания к объекту, модифицированное утверждением его адекватности, присуще только суждениям.

Нескользящим формальным условием истины, относящимся к содержанию её суждения или множеству суждений, является логическая непротиворечивость. Логически противоречивое суждение и само по себе, без отношения к объек-

ту, ложно, такому суждению (или логически противоречивому множеству их) не может соответствовать никакой объект. Но непротиворечивость суждения не является достаточным условием истины, так как такое суждение все же может не соответствовать своему объекту /см.:17, с.229/.

Истинность знания есть наличие в нем истины, и адекватность последней предмету знания носит специфический познавательный характер. Адекватность истины своему предмету, т.е. ее познавательное соответствие последнему, качественно отличается от многообразных форм сходства (физического, структурного, функционального и т.п.), которое может быть между объектами познания, между разными познавательными образами одного объекта или между познавательными представлениями различных объектов. В познавательном представлении мы мыслим объект в определенных параметрах (свойствах, отношениях, состояниях и т.п.) или сами эти параметры. Содержание нашего представления есть истина, если объект таков, каким мы его мыслим. Известное семантическое определение истины, данное А.Тарским (высказывание истинно, если дело обстоит так, как в нем говорится, или: высказывание "Р" истинно, если имеет место Р) есть лишь витиеватое выражение указанного материалистического понимания истины, в котором адекватность истины раскрывается интегрально как свойство истины, заключающееся в верном отражении или описании предмета, в осознании его таким, каков он сам по себе, независимо от его осознания в познавательном представлении.

Чтобы более содейательно характеризовать адекватность истины, необходимо отвлечься от языковой формы выражения суждений и их логической структуры. Истинность определяется соответствием предметного содержания мысли своему предмету и не зависит от языковых средств ее формирования и выражения, хотя и не может существовать вне речи на каком-либо естественном или

искусственном языке. Языковые средства формирования суждений в процессе мышления обычно не сознаются. Было бы нелепо синтаксическую структуру предложения, выражающего некоторое суждение, относить к предметной ситуации, описываемой этим суждением, в качестве изображения ее собственной структуры. Языковые структуры присущи речевым фрагментам, а не объектам, о которых говорится в этих фрагментах.

Логическая структура, формально членящая предметное содержание мысли (например, посредством субъектно-предикатного отношения в простых суждениях), тоже необходима для существования истины, так как только она возводит некоторую концептуальную картину предметной ситуации в ранг предметного содержания суждения, тем самым делая его истинным или ложным посредством утверждения адекватности этого содержания мыслимой предметной ситуации. Логическая форма суждения определяет его содержание не как описание должного, предполагаемого или допустимого положения дел, а как адекватное описание наличного предмета. Логическая структура законченной мысли, как формальный ее смысл, сознается, но не в качестве осознания структуры мыслимой предметной ситуации. Сама логическая структура, в частности суждения, составляет лишь имманентный мышлению способ организации своего содержания, определяемый интересами и установками познающего или вообще мыслящего субъекта. Поэтому и логическая структура, подобно грамматической структуре предложений и вообще языка, не изображает какую-либо структурную организацию в предмете мысли (даже в том случае, когда предметом мысли является какая-либо логическая структура мысли, рассуждения). Предметное содержание актуализируется мышлением посредством логической структуры, но оно имеет свою собственную расчлененность и организацию, заключающуюся в его категориальной структуре. Последняя дает схематическое единство многообразию предметных понятий, входящих в состав создаваемой концептуальной картины (как целост-

ного содержания суждения или другой законченной мысли) и отражающих, описывающих различные компоненты мыслимой предметной ситуации. В отличие от логического содержания мысли, осознаваемые в ее категориальной структуре связи интенционально относятся к предметной ситуации в качестве её соотнесенной структурной расчлененности. Мы мыслим причинную связь явлений посредством категории причины и следствия, принадлежность свойства вещи посредством категории субстанции и акциденции, количественные определенности посредством различных категорий количества, мыслим необходимую или случайную связь явлений посредством соответствующих категорий модальности и т.п. Категориальная структура создается в категориях как понятиях всеобщей связи явлений.

Поэтому адекватность предметного содержания законченной мысли (вопроса, предписания, предположения, суждения) определяется как верностью вычленения частей элементов мыслимой предметной ситуации, так и существованием в ней связи между компонентами, мыслимой в категориальной структуре. Предметное содержание законченной мысли адекватно предметной ситуации, если ее части вычленены верно и мыслимая между ними связь действительно существует; оно не адекватно, если предметная ситуация не состоит из мыслимых частей или между ними нет той связи, которая мыслится в категориальной структуре. В суждении это предметное содержание утверждается как адекватное (а не как вопрошаемое, предполагаемое или предписываемое), и суждение истинно, если осознаваемая в нем концептуальная картина адекватна (в указанном смысле), в противном случае оно ложно. Таким образом, истина (или ложь) состоит из понятий частей, элементов мыслимой предметной ситуации а также из объединяющей эти понятия категориальной структуры, и представляет собой концептуальную картину предмета, поскольку последняя образует предметное содержание познавательного образа.

Истина присуща также конкретности в качестве ее

имманентного свойства. Конкретность истины можно интерпретировать как ее отнесенность к объекту, каков он не вообще, а в определенных условиях своего существования. В этом случае она совпадает с интенциональной отнесенностью к объекту. Но конкретность истины состоит также в "сращенности" образующих ее общих и абстрактных предметных понятий, связанной ее категориальной структуре. В обоих аспектах конкретность предстает необходимым, общим свойством истин — всякая истина конкретна, абстрактной истины нет /см.: 13, с.230/, а поэтому в рамках диалектико-материалистической теории познания выражение "конкретная истина" (как и "объективная истина") тавтологично. Никакая истина не может быть абстрактной, отвлеченной от отношения к определенному предмету или лишенной синтетического единства посредством категорий.

Развитие познания является многогранным процессом, определяемым материальными и духовными факторами. Рост общественного производства, изменения социально-экономических условий жизни обуславливают выдвижение новых познавательных задач, направляют познавательную деятельность ученых. Научный и технический прогресс доставляет новые экспериментальные и интеллектуальные средства исследования и проверки познавательных представлений.

Происходящее при этом развитие научных познавательных представлений включает в себя накопление фактов, на основе которых выдвигаются новые гипотезы, испровергаются прежние предположения и обобщения; происходит углубление теоретической интерпретации фактуального знания. Периоды плавного роста познавательных представлений сменяются революционными переворотами, знаменующими расширение и углубление познания, проникновение его в новые области действительности, пласты материального и духовного бытия. Различные аспекты исторического развития познания фокусируются в проблеме соотношения абсолютного и относительного в истине.

Эта проблема касается приближения развивающегося знания к исчерпываемому, завершеному отображению действительности и существования неопровержимого, окончательного содержания во всяком достигнутом наличном знании.

Трактовка этой проблемы в известной мере задается и предопределяется возможными дефинициями понятий абсолютного и относительного в истине, или понятий абсолютной и относительной истины. Так, если абсолютной истиной считать содержание всеохватывающего, исчерпывающего, т.е. завершеного знания, то она будет представляться как недостижимый идеал или предел, к которому асимптотически приближается реальное знание, содержащее только относительную, т.е. (в данном противопоставлении абсолютной истине) незавершенную, не исчерпывающую свой предмет истину /см.: 6, с.24, 36, 87-93; 8, с.275-276/. Такая трактовка абсолютной и относительной истины выражает неочерпываемость действительности познанием - не только и не столько в плане воспроизведения явлений во всем богатстве их особенностей и единичности, но и в плане постижения сущности и законов явлений.

Если абсолютной истиной считать содержание всякого фрагментарного знания, исчерпывающего свой предмет и завершеного в отношении к нему, то и тогда она будет лишь идеалом и пределом, к которому стремится познание, так как всякий отдельно взятый объект так же неочерпываем, как и вся действительность, элементом которой он является, и потому познание отдельного объекта предполагает познание его как элемента действительности, тем самым познание последней. Следовательно, и при таком понимании абсолютной истины реальное знание должно быть признано только относительным - не завершенным, не исчерпывающим свой предмет, фрагментарным.

Приведенное дефиниционное противопоставление абсолютного и относительного в познании недостаточно. Из него вытекает трактовка реального знания только как

относительного, обреченного всегда оставаться таким, а абсолютная истина представляется идеалом или пределом без предметного содержания с чисто формальными характеристиками - о ней мы "знаем" лишь то, что она совершенна и завершена, исчерпывает действительность без остатка и т.п., не представляя при этом в ней никакого определенного предметного содержания, без которого вообще никакой истины не может быть. Реальное знание остается единственным, притом только относительным, что означает абсолютизацию относительности знания, релятивизм. Раскрывая соотношение абсолютной и относительной истины в историческом процессе приближения второй к первой, Энгельс квалифицирует истинное познание природы, её законов как познание вечного, бесконечного, и силу чего оно хоть и относительно, но по существу (по своей тенденции, суверенности, возможности) абсолютно /см.: 7, с.549/.

Математический образ приближения кривой к асимптоте не удовлетворителен для репрезентации соотношения относительной и абсолютной истины в том отношении, что не раскрывает суть приближение познания к своему завершению. Это приближение есть не внешнее соотношение между содержанием исторически развивающегося знания и его идеалом: абсолютная истина не витает где-то вне реального познания как идеал или недостижимый предел - она вырастает из относительного знания, вернее, растет в нем, более того, она и есть содержание развивающегося относительного знания. Углубляя диалектическую трактовку соотношения абсолютного и относительного знаний, В.И. Ленин писал, что "человеческое мышление по природе своей способно давать и даст нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин" /II, с.137/. Относительная истина выражает определенную степень полноты, глубины истинного познания объекта, характеризуется достигнутым уровнем абсолютно истинного знания его. Относительность истины состоит не в её неточности или элементах заблуждения, а в том, что она

"воспроизводит" свой объект лишь в определенных пределах приближения к его исчерпывающему познанию. Все наши знания относительны "не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине" /II, с.139/. Отметим также, что признание объективной истины В.И. Лениным связывает с признанием абсолютной истины. Всякая объективная истина, т.е. всякая истина, именно потому, что она верно описывает свой объект (почему и является истиной), в аспекте приближения к нему и абсолютна, и относительна. В этом аспекте относительная и абсолютная истины - это не разные истины, реальная и воображаемая, и не разные части или элементы объективной истины. Абсолютная истина - это не "зерно" истины, затерянное в мякине заблуждения, и не точное знание, завуалированное неточностью относительного знания. Еще никому не удалось ни рассортировать хотя бы часть отдельных истин на абсолютные и относительные, ни разделить какую-либо истину на абсолютно-истинное "зерно" и относительно-истинную "оболочку", - не удалось потому, что само представление о подобной структуре истины является плодом "диалектической" фантазии. В рассматриваемом аспекте абсолютная и относительная истины - это одно и то же предметное содержание знания, лишь представленное в разных отношениях - к познаваемому объекту и к историческим условиям его познания. Всякая истина абсолютна, поскольку адекватно, объективно верно описывает свой предмет (иначе она вообще не была бы истиной), и в этом отношении к объекту она не зависит от исторических и субъективных условий познания, определяется не ими, а самим объектом, поскольку она "изображает" объект, а не условия его познания. Но всякая истина дает познавательное осознание объекта лишь в определенных пределах. Степень полноты и глубины отображения объекта в его познании зависит уже не от объекта, а от наличных условий его познания, и

в этом отношении истина относительна. Предметное содержание знания, абсолютное в отношении к объекту, относительно в смысле зависимости полноты этого содержания от исторических и субъективных условий познания.

Само это различие между абсолютностью и относительностью истины относительно, поскольку знание развивается, приближается к объекту, и степень близости знания к нему, а тем самым и степень отстояния от него, изменяется. В каждую эпоху возможности познания открываются и вместе с тем ограничиваются наличными условиями исследования действительности — уровнем развития производительных сил и социальных отношений, средств экспериментирования и наблюдения, накопленным запасом знаний (и заблуждений). Эти условия не остаются неизменными, своим развитием они расширяют границы познания, которые, однако, имеются на любой ступени социального прогресса.

Истина — не неизменный и окончательный, а подвижный результат исторически развивающегося познания. Сопоставление истин, относящихся к одному и тому же предмету, исследуемому в одном и том же аспекте, обнаруживает их различие по степени полноты и глубины отображения предмета. Это свидетельствует о развитии познания по пути приближения к действительности. Конечно, процесс этот не является плавным, он включает в себя и революционные перевороты в принципах той или иной науки, и временные отклонения от пути истины, выдвижение ошибочных гипотез и т.п. Однако в целом человеческое познание развивается по пути все более полного и глубокого отображения действительности.

От истины следует отличать истинность. Если истина — предметное содержание знания, так что существует множество истин, то истинность есть общее свойство всех истин, заключающееся в их соответствии своему предмету, как и ложность — общее свойство всех заблуждений. Истинны различаются своим предметом, аспектом, полнотой и глубиной его описания, но в отношении истинности все

они эквивалентны, одна истина не истиннее другой, истинность не имеет степени. В силу тождественности истинности всевозможных истин и ложности всевозможных заблуждений формальная логика может отвлекаться от предметного содержания мышления, учитывая лишь тождество и различие этого содержания, а также истинностные значения суждений.

В познавательном образе имеются элементы, не имеющие никакой познавательной информации о предмете: логическая структура и интенция суждения, переживание адекватности содержания предмету. Этим элементам в предмете ничего не соответствует, но они необходимы для того, чтобы предметное содержание познавательного представления сознавалось, интенционально относилось к предмету и переживалось адекватным ему. Истинность и ложность непосредственно касается только предметного содержания познавательного представления, но обычно приписывается всему познавательному представлению, так как только в нем заключены элементы, конституирующие познательный образ и определяющие саму возможность для предметного содержания быть истиной или ложью.

Из этого следует, что адекватность истины своему предмету не может быть сходством познавательного образа с предметом, более того, она не может быть сходством и самой истины с представляемым в познавательном образе предметом, будет ли он материальным или идеальным. Допущение такого сходства является натуралистическим, оно предполагает возможность сопоставлять предмет и истину так, как мы можем сравнить мраморную скульптуру и гипсовую копию, человека и его фотографии посредством чувственного созерцания и размышления. Эта возможность исключается, так как тогда потребовалось бы представлять предмет и сравниваемое с ним предметное содержание представления предмета. Но содержание представления предмета и содержание представления предметного содержания представления предмета будет одним и тем же содержанием, в первом случае интенцио-

нально отнесенным к предмету, во втором - к содержанию представления о нем, поскольку в исходном (как и во всяком) представлении предметное содержание и предмет содержательно не различаются. Такое удвоение рефлексией одного и того же содержания ничего не дает для установления сходства или различия между предметом и содержанием представления о нем, так как сам предмет остается при этом вне рефлексии, оказывается "вынесенным за скобки". Подобное удвоение одного и того же содержания произойдет независимо от того, истинно или ложно оно. Если же мы попытаемся установить сходство содержания представления с его предметом посредством другого представления того же предмета, то опять осуществим сравнение только предметного содержания двух представлений, но не сравнение содержания проверяемого (да и "проверяющего") представления с предметом. И здесь сам предмет остается вне рефлексии.

Трактовка адекватности истины предмету как ее сходства с ним присуща созерцательному материализму. Ее предпосылкой является наивный реализм - стихийное убеждение людей не только в реальном существовании внешнего мира, но также в том, что вещи и сами по себе таковы, какими они чувственно воспринимаются. В борьбе против материализма Дж. Беркли сформулировал главное возражение против натуралистической трактовки отношения идей (полученных в чувственном созерцании ощущений, идей, возникающих из наблюдения эмоций и действий ума, а также идей, образуемых при помощи памяти и воображения) к предполагаемым вещам в себе или вне ума: идея может походить только на идею же, притом того же рода - цветное ощущение, представление фигуры, понятие животного могут походить на другое цветное ощущение, представление другой фигуры и т.п. Невозможность сходства между идеей предмета и предметом Беркли использует для аргументации отсутствия различия между ними, а тем самым для отождествления наших ощущений, как первоначальных идей, с самими ощущаемыми предметами: вещи суть лишь

коллекции (собрания), комбинации ощущений. Отвергая субъективный идеализм, Кант признает существование вещей вне ума, но отрицает сходство с ними их явлений в нашем опыте ни в отношении "материи", т.е. ощущений, ни в отношении пространственной и временной формы, ни в отношении причинных и иных связей в явлениях и между ними. Развивая (с иных позиций) выдвинутый Беркли принцип сходства однородного, Гегель утверждал, что когда мы сравниваем понятие вещи с самой вещью, на самом деле - сопоставляем новое понятие вещи с прежним понятием той же вещи. Неокантианцы вообще отвергали необходимость существования вещей в себе для возможности сравнения новых и прежних понятий вещи.

Г.В.Плеханов, придерживавшийся "теории иероглифов", отказался от термина "иероглиф" для обозначения ощущения потому, что смысл этого термина предполагает существование особого "настоящего вида" вещи, на который ощущение могло бы быть непохожим (или похожим). Но, как верно отмечает Плеханов, вещь, помимо ощущения, никакого "вида" не имеет и не может иметь. К сожалению, он не развил это положение в направлении обоснования познаваемости мира и критики агностицизма.

Будет ли предметное содержание познавательного образа истинным или ложным - в любом случае оно, как концептуальная картина предмета, находится в отношении к самому предмету, а не к какому-то "действительному виду" предмета, к какой-то "настоящей", "исчерпывающе полной", "абсолютной" концептуальной картине предмета, с которой первая картина могла бы находиться в отношении копии к оригиналу, в отношении сходства или подобия, если бы даже такая "абсолютная" картина предмета могла бы существовать (в "божественном разуме", например). Если предмет таков, каким мы его мыслим в познавательном образе, то неслепо ставить вопрос о сходстве познанной части предмета со всем предметом и тем более непознанной его частью; здесь уместно проводить различие только между тем, что познано и тем, что

еще не познано, но безусловно существует /см.: II, с.102/. Если же наше познавательное представление предмета ложно, то и здесь нет отношения несоответствия: положение "предмет не таков, каким мы его представляли" не тождественно суждению "предметное содержание нашего представления не похоже на сам предмет".

Таким образом, адекватность есть не изобразительное сходство истины с изображаемым предметом, а его верное концептуальное описание - таким, каков он сам по себе. Предметное содержание познавательного представления есть истина, если оно адекватно, верно "изображает" свой предмет, и есть ложь в противном случае. Адекватность предметного содержания мысли, познавательное соответствие истины своему предмету не выразима в понятиях сходства, подобия и близких к ним понятиях, пригодных для характеристики отношения между однородными предметами, явлениями. Посредством рефлексии можно установить сходство и различие познавательных представлений, но никакое такое сходство не касается адекватности или неадекватности любого из сравниваемых познавательных представлений самому их предмету. Адекватность, соответствие истины своему предмету объективна в том смысле, что не зависит от её установления и применяемых при этом способов. Довольно часто встречающиеся в философской литературе утверждения о том, что истины - проверенные практикой знания или что только подтверждаемые практикой теории являются истинными, не могут быть признаны корректными, так как выражают прагматическую концепцию истины, согласно которой практический успех в применении идей придает ей значение истины.

Истины различаются по их предметной области, источнику, модальности, предметной содержательности, средствам установления, способам обоснования и т.п., что открывает возможность классификации истин по разным основаниям. Однако ведущей в гносеологии является типология истин, основанная на их различии по описывае-

мым или предметным областям. В логике традиционно принято делить истины на формальные и материальные. Мы будем придерживаться деления множества истин на три класса - формальных, аналитических и материальных.

Формальными истинами являются логические тавтологии - суждения, истинные в силу своей логической структуры и логических законов. Логическая структура тавтологией репрезентируется тождественно-истинными формулами логики. Логические тавтологии, т.е. формально истинные суждения, получаются из тождественно-истинных формул логики заменой пропозициональных и терминальных переменных константами (декларативными предложениями и дескриптивными терминами). Так, из тождественно-истинной формулы $a \vee \sim a$ можно получить логическую тавтологию, подставляя, например, вместо переменной "a" предложение "кислород инертен": "Или кислород инертен, или неверно, что кислород инертен". Связыванием же свободных переменных тождественно-истинных формул квантором общности дает явное описание соответствующего логического закона. В нашем примере это будет закон исключенного третьего $\forall a(a \vee \sim a)$ - "Для всякого суждения истинно или оно, или его отрицание".

Логическое отрицание тавтологии дает логическое противоречие, структура которого репрезентируется невыполнимой формулой, т.е. такой, которая при любых подстановках констант вместо переменных дает ложное суждение.

Логические тавтологии и логические противоречия представляют собой суждения, не сообщающие никакой информации о предметном, вне их сушем мире. Воли некто утверждает, что или сейчас на улице идет дождь, или неверно, что сейчас на улице идет дождь, а другой - что сейчас на улице идет дождь и неверно, что сейчас на улице идет дождь, то ни первый, ни второй не сообщают информации о действительном положении дел, которую можно было бы проверить. Не зависимо от того, идет ли на самом деле дождь или нет, утверждение первого

истинно, а второго - ложно. Отсутствие предметной информации в логических тавтологиях и противоречиях не означает, что они ничего не описывают. Логические тавтологии сообщают информацию о логических законах, подобно тому как математическое равенство $5 + 7 = 7 + 5$ сообщает информацию не о специфических свойствах чисел 5 и 7, а о переместительном законе арифметики, выражающем общие свойства всех без исключения чисел. Логические противоречия содержат информацию об отсутствии в них формальных условий истины.

Предметную информацию о действительном положении дел содержат суждения, логическая структура которых репрезентируется выполнимыми формулами логики. Так (не совсем удачно) называются формулы, которые при подстановках вместо переменных различных констант могут давать как истинные, так и ложные суждения. Они сообщают внелогическую информацию, описывают внелогические объекты. Такие суждения обладают аналитической или материальной истинностью и ложностью.

Аналитические истины (которые обычно относят к формальным, или логическим истинам) - это положения предметных аксиоматических теорий, т.е. аксиомы, определения и выводимые из них теоремы. Они содержат информацию о внелогической реальности, обычно описывают конструктивные воображаемые объекты (геометрические линии, фигуры и тела, материальные точки, идеальный газ и т.п.), и потому их предметное содержание должно было бы быть отнесено к материальным истинам. Но, учитывая специфику предметного содержания положений аксиоматических теорий, их отнесенность к условно введенным и воображаемым предметам, целесообразно выделить их в особый тип (класс) аналитических истин. При этом аналитически ложными будут логические отрицания аналитических истин.

Тогда собственно материальными истинами останутся познавательные представления (их предметное содержание), адекватно описывающие реальные объекты - материальные

и идеальные, которые, в свою очередь, могут быть разделены на действительные и возможные (отметим, что конструктивные воображаемые объекты, описываемые аналитическими истинами, являются невозможными).

Таким образом, если деление истин на объективные, абсолютные, относительные и конкретные не имеет классификационного смысла, (всякая истина объективна и конкретна, абсолютна и относительна), то деление истин на формальные, аналитические и материальные вполне удовлетворяет принципам классификации.

Ввиду отсутствия изобразительного сходства между истиной и её предметом установление соответствия, адекватности познавательного представления своему предмету требует выхода мышления за пределы проверяемого представления, применения для этого специальных средств - критериев истины. Критерий истины - не признак её, заключающийся в адекватности предмету, а средство установления наличия или отсутствия этого признака в предметном содержании копируемого познавательного представления.

Проблема средства установления истинности значения познавательных представлений обсуждалась в философии на протяжении почти всей её истории. Не имея возможности дать хотя бы беглый обзор выдвинутых по этой проблеме концепций, отметим, во-первых, что отрицание существования критерия истины не может быть принято ввиду невозможности (в этом случае) установить истинностное значение этого отрицания, а допущение такого критерия не ведёт, как полагали древние скептики, к прогрессу в бесконечность, так как обоснование этого допущения заключается не в формальном доказательстве, а в простом указании такого критерия и испытании его пригодности для всей функции при принятом определении истины. Во-вторых, существенное значение имеет вопрос о числе таких критериев или их типов. Как известно, Кант отрицал возможность единого (единственного) критерия истины, обоснованно мотивируя тем, что достаточ-

ный и всеобщий критерий, как пригодный для оценки всех познавательных представлений, должен отвлекаться от всякого их предметного содержания, между тем как именно оно и должно быть сопоставлено с предметом и оценено, так что требование такого критерия истины заключает в себе противоречие /см.: 17, с.159-160/. И действительно, критерий истины не может быть одним и тем же для всех познавательных представлений, которые могут относиться к реальным и воображаемым объектам, материальным и идеальным явлениям, действительным и возможным, настоящим и прошлым событиям и т.п.

В самом грубом приближении можно выделить, соответственно типологии истин, три вида критериев истинности: логический анализ, доказательство и практику.

Логический анализ является необходимым и достаточным критерием формальной истинности; он позволяет установить логическую тавтологичность или противоречивость суждений. Но он не в состоянии установить содержательную тавтологичность или противоречивость. Суждения "Ни один холостяк не является женатым" и "Ни один кит не является рыбой" имеют одинаковую логическую структуру, выражаемую логическим предложением "Ни одно S не есть P", не позволяющую установить, что первое суждение является тавтологией, а второе - нет. Аналогично, противоречивость суждения "Всякий холостяк женат" и ложность суждения "Все киты - рыбы" также не может быть установлена формальным логическим анализом, здесь необходим анализ содержания понятий холостяка, женатого, кита, рыбы. Особенно все это касается теорий. Их можно представить в виде конъюнкции образующих каждую из них суждений, аксиоматические теории - в виде конъюнкции соответствующих аксиом. Логический анализ такой конъюнкции позволяет установить ее принадлежность классу логических тавтологий или логических противоречий, однако если она не принадлежит ни одному из этих классов, то это не означает ее непротиворечивость, которая, быть может, выявится содержательным анализом этой конъюнкции

и ее возможных дедуктивных следствий. Так как в логически противоречивой теории выводимы все суждения, возможные в отношении объектов ее предметной области, то непротиворечивость теории эквивалентна существованию хотя бы одного такого суждения, не выводимого в ней. Однако нет логических средств нахождения такого суждения для любой данной теории (ибо дедукция позволяет находить только выводимые в теории суждения и посредством отрицания их получать суждения, противоречащие теории).

Логическая непротиворечивость является необходимым, но не достаточным условием предметной истинности (аналитической и материальной) — только логически непротиворечивое и не тавтологичное суждение может содержать предметную истину и вообще предметную познавательную информацию, истинную или ложную. Логическая же непротиворечивость является достаточным, хотя и не обязательным условием истины (заблуждения). Логическое противоречие сводимо к конъюнкции некоторого суждения и его логического отрицания (т.е. к конъюнкции формы a & $\sim a$), но логические законы не позволяют выбрать из a и $\sim a$ истинное (согласно закону противоречия оба они не могут быть истинными, согласно закону исключенного третьего — оба ложными, так что одно из них непременно истинно, другое — непременно ложно). Поэтому Кант безусловно прав, считая, что общая (формальная) логика дает, правда, всеобщий, но лишь отрицательный критерий истины: логический анализ на основе закона противоречия может установить заблуждение в форме логического противоречия, но не в состоянии установить предметную истинность (или предметную ложность), даваемую, согласно его учению, синтетическими суждениями (априорными и эмпирическими).

Критерием аналитической истинности является доказательство. Здесь следует учитывать, что аналитические истины частью доказываются (таковы теоремы), частью принимаются без доказательства (таковы аксиомы). Ана-

литически ложные суждения устанавливаются опровержением (доказательством ложности).

Ни формальная, ни аналитическая истинность (и ложность) не устанавливаются непосредственно путем сравнения логических тавтологий или противоречий с логическими законами, теорем — с описываемыми аксиомами объектами, их свойствами и отношениями, поскольку, как говорилось, между предметом суждения и его концептуальном описании нет и не может быть изобразительного сходства. Логический анализ и доказательство — косвенные, дискурсивные средства установления истинностных значений суждений соответствующего предметного содержания.

Доказательством часто устанавливается также материальная истинность, опровержением — материальная ложность. Аргументами таких доказательств и опровержений служат законы, общие положения, факты, т.е. суждения, истинность которых определена внелогическими средствами. В этих случаях доказательство и опровержение не являются критерием истинности и ложности, так как лишь переносят истинностные значения аргументов на доказываемые или опровергаемые тезисы, описывающие реальные явления.

Ведущая роль в познании принадлежит материальной истинности, особенно относящейся к материальным явлениям (природы и общественного бытия). Поэтому в гносеологии проблема критерия истины есть главным образом проблема критерия в познании материального мира. Она и была прежде всего предметом борьбы различных философских направлений.

При формальной и аналитической истинности как содержание познавательных представлений (логических тавтологий и противоречий, теорем аксиоматических теорий), так и их предметы (логические законы, вообразимые конструктивные объекты) существуют в сфере сознания. Поэтому здесь критерии истины — логический анализ, доказательство — сами идеальны и применяются в интеллек-

туальной деятельности. Ситуация в познании материальных явлений отличается тем, что тут предметное содержание познавательного представления и предмет не просто разнородны, как в формальных и аналитических суждениях, а относятся к разным мирам, духовному и материальному. Познавательное отношение идеального представления к материальному объекту усугубляет сложность проблемы критерия истины, так как здесь он должен позволять сопоставлять не идеальные феномены, а идеальное содержание представления и материальный предмет представления. Критерий истины в познании материальных явлений должен быть поэтому сопрячен как материальному, так и идеальному миру, позволять сопоставлять идеальное с материальным в содержательном плане. Такой критерий не был найден до марксистской философией. Великое гносеологическое открытие марксизма, сделанное в процессе применения материалистического понимания общественной жизни и ее истории к разработке проблем познания, состоит в установлении того, что критерием истины в познании материального мира является практика.

Возможность выполнения практикой функции критерия истины определяется ее содержанием. Она существует и развертывается в сфере материального бытия, вне сознания. Никакая материальная деятельность, включая деятельность людей, не нарушает и не может нарушить объективных законов природы и общества. Практика — не всякая материальная деятельность людей (которая может быть и биологической деятельностью) а только такая, которая сопряжена с целеполаганием, планированием, сознательным регулированием и контролем. Тем не менее в силу своей материальности практика всецело законосообразна, не может разойтись со свойствами и сущностью материальных объектов и явлений, в которых она развертывается. Практика столь же объективна, как и материальный мир, частью которого она является, а потому соразмерна с материальными объектами, отражаемыми в познавательных представлениях.

С другой стороны, практика неразрывно связана (соприжена, скоррелирована) с целеполаганием - представлением цели, планированием способа ее достижения. План в меру своей практической реализации определяет такую упорядоченность практической деятельности, которая хотя и сводима к объективным законам, так как сообразна им, но не выводима из них. Эта упорядоченность существует столь же объективно, как и практика, специфическим материальным свойством которой она является. В меру соответствия своему плану практика в своей специфической упорядоченности "запечатлевает", "опредмечивает" представление цели и плана ее достижения, тем самым является материальным эквивалентом духовного феномена - своего плана. Через эту свою упорядоченность практика соизмерима с планом и предметным содержанием "заложенных" в него познавательных представлений. В этом и заключается возможность для практики быть основанием сопоставления разумом предметного содержания познавательных представлений с материальными объектами.

План практической деятельности предусматривает порядок осуществления разнообразных предметных действий. Определение этого порядка осуществляется на основе познавательных представлений о материальных объектах и явлениях, которые предполагается вовлечь в практику, а также о свойствах применяемых орудий, машин и т.п., о правилах их применения. Поэтому для оценки адекватности познавательных представлений, "вмонтированных" в план практической деятельности, необходимо учитывать пригодность этих технических средств для осуществления цели, считаться с возможностью того, что на ход и результат практики влияют изменения в тех затрагиваемых практикой "слоях" материального мира, которые еще не познаны, а потому не фиксируются непосредственно и не учитываются планом. Все это указывает, с одной стороны, на историчность практики, на уровень ее развития, с другой - на необходимость при использовании практики в качестве критерия истины учитывать не только

"заложенные" в ее план познавательные представления, но и техниче́ские и иные аспекты практической деятельности, т.е. на необходимость всестороннего анализа практики.

Если предусмотренные планом практической деятельности технические средства эффективны и применены правильно, то об адекватности включенных в план познавательных представлений об объектах и предметной области, в которой разворачивается практика, можно судить по успеху или тщетности реализации плана.

Поскольку практика берется в функции критерия истины, ее успех или тщетность не имеют никакого необходимого отношения к пользе или вреду, которые она может принести или причинить отдельному человеку, социальной группе или обществу в целом. Практический успех здесь состоит в реализации плана деятельности по осуществлению определенных изменений в сфере материального бытия. Если план практической деятельности выполнен в отношении всех предусмотренных действий и их порядка, и, тем не менее, цель не достигнута (практика оказалась безуспешной), тщетной в отношении цели, то это свидетельствует о наличии ложных представлений в числе тех, которые были "заложены" в план. Очевидно, варьирование планов практической деятельности и попыток их осуществления позволяет в конечном счете с высокой степенью вероятности выделить ложные представления. Пусть в некоторый неосуществимый план "заложены" представления А, В, С; затем установлено, что план с А, В, Д осуществим, а с С, Д, Е - неосуществим. Тогда С, по-видимому, ложно (разумеется, при условии, что С "вмонтировано" в план, а не внешне присоединено к нему, например, если в план строительства моста через реку включен молебн в качестве начального этапа или если план строительства корабля предусматривает разбить о его борт бутылку шампанского при спуске на воду). Вероятность ложности С приближается к достоверности, если его включение в самые разнообразные планы практической деятельности в сочетании с другими познавательными представлениями

(имевшими высокую степень вероятности своей истинности) устойчиво приводит попытки реализации этих планов к неуспеху.

Аналогично, если познавательное представление А используется в сочетании с другими представлениями В, С, Д, Е и т.п. в планировании успешной практической деятельности, причем они не замечены как приводящие к невыполнению плана, то это сильно повышает степень вероятности истинности А. Следовательно, практика служит основой для установления истинностного значения познавательных представлений лишь с высокой степенью вероятности, а не безусловно. Это — один из существенных аспектов единства абсолютного и относительного в критериальной функции практики, раскрытой В.И. Лениным: "... критерий практики никогда не может по своей сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько "неопределенен", чтобы не позволить знаниям человека превратиться в "абсолют", и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма" /II, с. 145-146/. Другим аспектом единства абсолютного и относительного в практике как критерия истины является исторический характер практики. Исторически меняются, усложняются цели практической деятельности, развиваются технические средства ее осуществления, в сферу практики включаются новые слои объективной реальности (микромира, космоса, материальных отношений развивающейся общественной жизни). Соотношение абсолютного и относительного, определенного и неопределенного, однозначного и неоднозначного в критериальной функции практики динамично. Возрастание надежности этой функции развивается практика в хорошо освоенных областях материальной действительности сопряжено с ее ненадежностью в тех слоях материального мира, которые практика только начинает осваивать. Последнее неизбежно, так как успехи в познании явлений одного слоя бытия необходимо

приводят к вторжению познания и осознаваемого уровня практики в новые, еще неизведанные области.

Но в определенных аспектах практика может быть безусловным критерием истинностных значений познавательных представлений, а именно критерием их ложности. Это возможно в случаях, когда удастся показать дедуктивное следование описания осуществимости цели практической деятельности из познавательных представлений, "заложенных" в ее план. Пусть познавательные представления А, В, С образуют множество Г, из которого дедуктивно следует описание осуществимости цели К. Если практика не привела к цели К, которая осталась неосуществленной и оказалась неосуществимой, то описание ее осуществимости ложно. Безусловное установление этой ложности определяется тем, что цель практической деятельности в случае ее достижения не может оказаться незамеченной - в практике никогда не ставятся цели, исключающие возможность установления их достижения. Конечно, если цель К в данной практической деятельности не достигнута, то это свидетельствует не о ложности представления о достижимости К вообще, не о несуществимости данной цели при иных обстоятельствах, а только о ложности представления о возможности ее достижения данным путем, определяемом познавательными представлениями, образующими Г. А потому из ложности К по *modus tollens* (или на основании логических свойств правильных дедуктивных выводов) следует ложность Г. Для ложности Г - достаточно, чтобы было ложным хотя бы одно познавательное представление, входящее в его состав (что не исключает возможность ложности всех или нескольких познавательных представлений, образующих Г). Если же К истинно, т.е. цель практической деятельности достигнута, то это указывает (как и в ранее рассмотренных ситуациях) на вероятность истинности Г, может быть высокую, близкую к достоверности. Но ложность Г (хотя бы одного образующего его познавательного представления) не исключает истинности К (согласно правилам условно-категорического вывода или

свойством дедуктивного вывода вообще).

В научном познании чрезвычайно широко прибегают к исследованию и оценке теорий, гипотез через их эмпирические следствия, допускающие экспериментальную проверку, т.е. через установление истинностных значений эмпирических суждений, дедуктивно получаемых из проверяемых утверждений, предположений. В логике и методологии науки проблема критерия материальной истинности редуцируется к ситуации, когда Γ состоит из проверяемой теории (гипотезы) T и факта, выраженного эмпирическим суждением Φ , а также если T описывает непосредственно конструкторные воображаемые объекты, из ее эмпирической интерпретации (правил соответствия) E , а вместо K рассматривается эмпирическое предсказательное суждение e , дедуктивно следующее из Γ , т.е. имеет место $T, E, \Phi \vdash e$ (в целях простоты мы здесь отвлекаемся от других существенных сторон формирования предсказательного образа, выражаемого эмпирическим суждением e , которое само может быть сложным). Исходя из предположения, что истинность или ложность e может быть установлена эмпирически (на основе эксперимента, наблюдения, удовлетворяющего критериям научности), ставится вопрос о том, какие следствия из этого могут быть получены в отношении истинностного значения проверяемой теории.

Этот вопрос не будет иметь никакого обнадеживающего решения без уточнения способа проверки теории а также различия между теоретическими и эмпирическими суждениями.

Теория - это более или менее содержательно и логически когерентная совокупность суждений. Вместо туманного представления о возможности проверки теории только в целом, мы будем исходить из того, что проверка теории сводится к установлению истинностных значений ее основоположений (при условии их логической непротиворечивости). Различие же между теоретическими и эмпирическими суждениями будем проводить по двум па-

раметрам. Во-первых, будем считать, что наличие в суждении хотя бы одного теоретического понятия (в сочетании, быть может, с эмпирическими понятиями) есть достаточный признак теоретического суждения. При этом эмпирическим будем считать понятие, имеющее опытный смысл, — такое, предмет которого может быть дан в опыте, т. е. в созерцании посредством ощущения (понятия дерева, звезды, ковкости), а теоретическим — понятие, предмет которого не может быть дан в опыте (понятия натурального числа, треугольника, материальной точки, идеального газа, мирового эфира, кривизны пространственно-временного континуума). Во-вторых, признаком синтетического теоретического суждения будем считать его неограниченную общность в отличие от ограниченной общности эмпирических суждений. Так, суждение "Все происходящее имеет причину" является синтетическим суждением неограниченной общности, тогда как суждение "Все дома по улице Дзельзавас в Риге — каменные" — эмпирическое суждение ограниченной общности. Первые противопоставляются вторым так же, как безусловные, строго всеобщие — условным, сравнительно всеобщим (И. Кант), как строго или чисто универсальные — численно универсальным (К. Поппер), как генерализирующие — суммирующим, нерегистрируемые — регистрируемым. Главное здесь в том, что первые не могут быть полностью удостоверены никаким опытом, тогда как вторые допускают свою исчерпывающую опытную проверку путем установления адекватности утверждения относительно каждого объекта, мыслимого в общем суждении, которое в этом случае предстает заключением полной индукции. Эмпирическая проверка такого суждения лишь количественно отличается от проверки единичного (сингулярного) эмпирического суждения, и потому должно быть отнесено к эмпирическим суждениям (дадим эмпирическое обобщение). Наоборот, предметное содержание строго всеобщего суждения выходит за пределы того, что может дать возможный опыт, а потому его необходимо отнести к теоретическим суждениям. Таким образом, теоретическое сужде-

ние отличается от эмпирического либо наличием теоретического понятия, либо неограниченной общностью, либо тем и другим.

В случае, когда эмпирическими следствиями проверяется теория, описывающая воображаемые конструктивные объекты (по формуле $T \& E \& \Phi \vdash e$), истинностное значение e может указывать на эффективность или неэффективность T для применения в эмпирическом познании и практике (ее планировании), а не на ее истинностное значение, так как положения такой теории имеют аналитическую истинность и их истинностное значение устанавливается доказательством или опровержением. Мнение о том, что материальной истинностью обладает комплекс, состоящий из такой теории и ее эмпирической интерпретации, нельзя признать корректным. Поэтому эти теории мы не будем рассматривать. Не будем рассматривать и неограниченно общие аналитические суждения (в смысле Канта), относящиеся к материальным объектам, выделенным их определением. Например, бессмысленно осуществлять проверку суждения "Все деревья имеют ствол", так как уже по определению к классу деревьев могут быть отнесены только растения, имеющие ствол. Мы ограничимся проблемой проверки теорий, обладающих материальной истинностью, точнее, проверкой теоретических суждений, описывающих материальные явления, т.е. являющихся (как указывалось) неограниченно общими синтетическими суждениями. Вопрос о проверке таких теоретических суждений является фундаментальным во всей проблеме критериальной функции практики.

В этом случае выведение эмпирического предсказательного суждения e может быть представлено формулой $P \& \Phi \vdash e$, где P - неограниченно общее синтетическое суждение, описывающее материальные явления. В дальнейшем, говоря о теоретических суждениях, мы будем иметь в виду только суждения типа P .

В разработке проблемы проверки теоретических утверждений неопозитивисты исходили из того, что (I) ко-

тинностное значение синтетических суждений может быть установлено только внелогическими средствами, опытным путем, (2) из синтетических суждений только эмпирические допускают непосредственное сравнение своего предметного содержания с опытом и установление таким способом истинностного значения, и (3) теоретические утверждения могут проверяться только через их эмпирически проверяемые следствия. Иные всё это отвергается как "метафизический редукционизм". Однако иного способа сопоставления теоретических представлений с действительностью не существует. Сами эти положения образуют предпосылку, а не существо неопозитивистского принципа верификации. Его несостоятельность состоит в том, что верификация (установление истинности) эмпирического суждения полагается эквивалентной верификации теоретического положения P , из которого оно дедуктивно следует при посредстве фактуального эмпирического суждения f . На самом деле истинность e логически означает лишь вероятность, но не достоверность истинности P . Лишь ограниченно более суждение может быть полностью обосновано этим способом (через раздельную верификацию всех сингулярных эмпирических суждений, индуктивно суммируемых ограниченно общим суждением, почему оно должно быть отнесено не к теоретическому, а эмпирическому суждению).

Наоборот, принцип фальсификации Поппера исходит из логически бесспорного положения о том, что ложность e есть достаточное основание ложности P , так что фальсификация (установление ложности) e означает фальсификацию P . Теория является фальсифицируемой (или "эмпирической" в терминологии Поппера), если класс её "потенциальных фальсификаторов", т.е. эмпирических сингулярных суждений, истинность которых опровергала бы теорию, не является пустым. Пустота этого класса для некоторой теории означает её принципиальную непроверяемость, невозможность её фальсификации, а такая может быть только информативно пустая теория,

которая ничего не сообщает о своем предмете (почему и не может быть опровергнута). "Потенциальные фальсификаторы" теории — это эмпирические сингулярные суждения, противоречащие ей (ее положениям), представляющие собой суждения о существовании явлений, отрицаемых ("запрещаемых") теорией. Методом поиска потенциальных фальсификаторов служит дедуктивное выведение эмпирически проверяемых следствий теории. Если из теории T при посредстве эмпирического фактуального суждения Φ получается дедуктивно эмпирическое суждение e , то конъюнкция Φ и отрицания e является фальсификатором теории T (если $T \& \Phi \vdash e$, то $\Phi \& \sim e$ — потенциальный фальсификатор T). Чем разнообразнее потенциальные фальсификаторы, тем информативнее T , конкретнее ее предметное содержание. Это положение можно интерпретировать следующим образом: чем менее конкретна (чем более обща, абстрактна) теория, тем меньше эмпирически проверяемых следствий она имеет, тем труднее ее опровергнуть, и наоборот, чем конкретнее теория, — тем больше эмпирически проверяемых следствий она имеет и тем легче её опровергнуть. И если, несмотря на обилие разнообразных потенциальных фальсификаторов теории, истинность ни одного из них не удастся установить, то это свидетельствует о высокой степени как традиционной содержательности теории, так и о вероятности того, что она истинна. Поэтому проверка теории состоит в беспощадной критике её путем поисков ее фальсификаторов, попыток установить опытным путем их истинность.

Таким образом, и эксперимент, посредством которого устанавливается истинность или ложность эмпирического сингулярного предсказательного суждения, дедуктивно следующего из проверяемой теории, не может быть окончательным критерием истинности этой теории, так как истинность предсказательного суждения в логическом

плане ничего не говорят об истинности теории (ибо истинные эмпирические предсказания возможны и на основе ложных теорий), а ложность предсказательного суждения или истинность фальсификатора στровергает основоположение теории или теоретическое суждение, на основе которого оно получено (что неравнозначно опровержению теории в целом — последняя может быть усовершенствована за счет уточнения соответствующего основоположения). Следовательно, и в данном частном случае, когда из теории дедуктивно выводимо эмпирически проверяемое следствие, критериальная функция практики (в форме эксперимента) являет единство абсолютного и относительного.

И. П. Лэкис

ПРАКТИКА КАК КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ В ПОЗНАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В последние годы проблемы социального познания приобретают все большую актуальность. Среди них — вопросы истинности результатов исследования общественных явлений, возможности их практической проверки. Конечно, с точки зрения марксистской философии критерием истинности знаний о социальных закономерностях, как и любых других систем научного знания, является практика. Однако осмысление качественной специфики объекта познания, содержания и структуры знаний, а также самого процесса проверки их истинности является важной теоретической проблемой. Причем данный вопрос включает как методологический, так и идеологический аспекты.

Дальнейшая разработка и конкретизация общих положений диалектического материализма применительно к

области познания социальных явлений не только обогащает новыми положениями марксистскую методологию, но также выполняет эвристическую функцию по отношению к специально научным дисциплинам. В современных условиях идеологической борьбы доказательство плодотворности диалектико-материалистических положений в познании новых исторических условий человеческого бытия не только способствует дальнейшей разработке марксистского мировоззрения, но и более основательной и глубокой критике буржуазных и ревизионистских фальсификаторских положений.

Решение вопроса о критерии истинности результатов социального познания во многом зависит от общей гносеологической ориентации философов. Так, неокантианцы Баденской школы, исходя из слишком резкого противопоставления специфики естественнонаучного и исторического (гуманитарного) познания, по сути дела, отрицают возможность объективного установления истинности знаний о социальных явлениях. Марксистская философия, не отрицая специфики социального познания, ее зависимость от классовых интересов, вместе с тем подчеркивает единство научной объективности и партийности в содержании этих знаний и также значение критерия практики для проверки истинности социальных теорий и эмпирических положений.

В качестве особенностей оценки истинности результатов познания социальных явлений в первую очередь следует выделить относительно большое значение аксиологических факторов. Рядом с классическим гносеологическим критерием истинности знаний — сопоставление с описанной предметной ситуацией — теория сравнивается с ценностными ориентациями общества, классов или отдельных индивидов. В исследовании социальных явлений не только нельзя абстрагироваться от мировоззренческих установок субъекта в самом процессе познания, — его результаты, как правило, непосредственно вовлекаются в сферу аксиологии.

Надо признать, что в тех случаях, когда речь идет о критерии истинности социальных теорий, недостаточно только указать на соответствие определенной теории наличному бытию социальной практики. Следует поставить и другой вопрос: насколько данный вид практики выражает подлинные тенденции прогрессивного общественного развития. Ответ на данный вопрос упирается в решение проблемы общего критерия прогресса. Не вникая во все подробности этой проблематики, все же отметим, что критерий прогресса развития человечества, несомненно, носит комплексный характер - в него входит как оценка уровня развития производительных сил и производственных отношений, так и выражение степени гуманизации общества, представляемые ей возможности для развития личности. Выделение же одного отдельно взятого критерия не только не решает проблему, но и приводит к выдвиганию ошибочных предположений. Пример тому - известное исследование Л.Г.Моргана "Древнее общество", в котором деление первобытного общества осуществлялось на основе таких признаков, как использование огня, изобретение гончарного дела и т.д. Использование лишь отдельных элементов материальной культуры для хронологизации отдельного периода развития общества, а вместе с тем игнорирование признака производственных отношений и других характеристик привело к тому, что, согласно представлениям американского этнографа, фактически исключается возможность определения скачка на новую ступень прогресса - возникновения классового общества. Кстати, сам прогресс Л.Г.Морган трактует как постепенное развитие самостоятельных линий - семьи, собственности и др.

Конечно, одно дело - признание необходимости применения комплексного критерия прогресса в анализе социальных явлений, а другое - операционализация данной системы теоретических понятий. К тому же следует пом-

нить, что отдельные стороны развития общества, например, в сфере производства, могут соответствовать общим принципам прогрессивного развития, но вместе с тем создавать множество нежелательных "побочных эффектов" в сфере социальных отношений и экологии. Поступательное развитие человечества - процесс, включающий многогранные противоречия, конкретные проявления которых еще следует изучать.

Соответственно тому, что различные социальные процессы могут быть оценены исходя из их связи с общими тенденциями прогресса, теории, описывающие данные процессы, выражают прогрессивные или, наоборот, регрессивные мировоззренческие установки субъекта познания. При этом, конечно, нельзя забывать о том, в каких исторических условиях проводилось исследование. Если мы теперь обратимся к учению Г.Гегеля о государстве и гражданском обществе в "Философии права", то следует признать заслуги выдающегося немецкого философа в раскрытии антагонистических противоречий буржуазного общества, связи буржуазных правовых отношений с наличием частной собственности, противоположности "гражданского общества" и "политического государства" и др. Данные диалектические идеи Г.Гегеля, несмотря на их общую идеалистическую направленность, не только адекватно отражали некоторые закономерности современного ему буржуазного общества, но также в известной степени создавали возможность дальнейшего раскрытия сущности данной общественно-экономической формации, блестяще реализованной К.Марксом.

Вместе с тем реакционное крыло неогегелянства XIX века, используя как раз наиболее консервативные элементы учения Г.Гегеля о государстве, приходит к явно ложным, идеалистическим выводам. Правда, реакционные социальные теории нередко основываются на определенных познанных закономерностях социальных явлений. Однако в таких случаях как правило, из общего кон-

текста вырывается описание каких-то отдельных фрагментов действительности, которое абсолютизируется, гипертрофируется в самостоятельную сущность. В собственном смысле слова, в таких случаях нельзя говорить об адекватном отражении объективной реальности, что и подтверждается критерием практики. Подобные теоретические построения, часто носящие апологетический характер, в большей степени направлены на политическое, моральное и другое оправдание деятельности реакционных классов.

Важно подчеркнуть, что те социальные теории, которые описывают закономерности определенной общественно-экономической формации, после ее смены качественно новой ступенью развития человечества, конечно, не теряют свое истинностное значение. Вместе с тем эти теории, разумеется, не могут быть применены для объяснения новых исторических событий. Хотя такие попытки иногда имеют место, обычно они основываются на утверждении о наличии каких-то непреходящих общечеловеческих качеств, отраженных в данных теоретических положениях. Сказанным лишним раз подтверждается историческая определенность практики, в том числе и по отношению к своей критериальной функции. Это общее положение, правда, иногда не полностью учитывается в конкретных исследованиях. Можно заключить, что оценка результатов познания социальной действительности заключает в себе как бы два слоя. Во-первых, сформулированные утверждения должны быть представлены таким образом, чтобы они допускали возможность сопоставлений с описываемыми в них предметными ситуациями. Во-вторых, разработанные теоретические положения должны быть соответственно проинтерпретированы для их сравнения с определенными мировоззренческими установками, в результате чего можно сделать заключение о прогрессивном или, наоборот, реакционном характере рассматриваемой теории.

Достаточно сложная проблема связана с самим процессом сопоставления гносеологического образа и опи-

санной предметной ситуации. Здесь, помимо общих положений, выдвигается и ряд специфических для социального познания методологических требований.

Во-первых, особенно важно учитывать целостность теоретических положений, истинность содержания которых мы пытаемся проверить на практике. Ибо отдельные фрагменты знаний, вырванные из общего контекста, при сопоставлении с определенной предметной ситуацией и хотя бы частично подтвержденные ею, могут быть легко абсолютизированы, а истинность "приписана" всей теории в целом. Обычно такие операции проводятся с явно выраженной политической целью.

Во-вторых, часто необходимо учитывать более длительный исторический период общественно-политической деятельности масс, ибо отдельные кратковременные успехи могут быть достигнуты на основе на абстрактных положений - метафизических по своему философскому характеру. Такая ориентация только на "полезность", практический успех любой ценой без учета гносеологического анализа связи результатов теоретических положений с практикой, представляет прагматизм. Здесь в качестве примера может быть представлен хотя бы подъем экономики при милитаризации промышленности. Не говоря уже о кратковременности подобного расцвета, следует отметить и реакционный характер общественно-политического содержания данных теоретических положений, служивших обоснованием такой государственной политики.

В третьих, важное значение имеет четкое установление границ применения тех или иных теоретических положений во временном аспекте. Если теория и адекватно отражает определенную стадию развития общества, то это еще не значит, что ее можно будет применять и при объяснении новых тенденций, возникающих в недрах старого строя. Исторически переходящий характер наличного бытия социальных явлений особенно подчеркивает такую определенность истины, как ее конкретность.

Как естественнонаучные, так и социальные теории имеют свою аксиоматику, прямо практически непроверяемые совокупности высказываний. На их базисе, в свою очередь, выводятся утверждения, подверженные эмпирической интерпретации, а в дальнейшем — и практической проверке. Вместе с тем социальные теории, во многом носящие описательный характер, своим непосредственным предметом имеют не идеализированные объекты, а общие понятия. В результате данные теоретические схемы как бы в большей степени связаны со своим эмпирическим базисом и легче могут быть проверены на практике. Так, многие специальные социологические теории, например промышленная социология, непосредственно выполняют определенный социальный заказ. Конечно, и эти построения должны соответствовать общим нормативам формирования теоретического уровня знаний. Но все они, как правило, очень тесно связаны с эмпирическими исследованиями, в результате которых формулируются по возможности конкретные практические рекомендации. Внедрение этих рекомендаций в большей или в меньшей мере способствует подтверждению статуса соответствующей теории, служившей основой для данных исследований.

Не все формы практики в одинаковой мере выполняют критериальную функцию по отношению к результатам социального познания. В этом плане довольно ограниченными представляются возможности эксперимента. Правда, как социология, социальная психология, так и другие научные дисциплины в последнее время уделяют достаточно большое внимание использованию полевых и лабораторных экспериментов. Однако не столько неиспользованные резервы техники и технологии эксперимента, сколько специфика данной объективной сферы накладывает известные ограничения для возможностей реализации критериальной функции эксперимента. В частности, сложная детерминация социальных явлений затрудняет выделение каких-то событий "в чистом виде". А это обстоятельство выдвигает особые требования к лабораторным экспериментам —

их результаты не могут быть механически экстраполированы на реальную общественную жизнь.

На первый план в процессе проверки знаний о социальных закономерностях выступает общественно-политическая деятельность масс. Истинность фундаментальных теоретических положений "Капитала" К.Маркса в конечном итоге была доказана успехом освободительного движения эксплуатируемых классов, свержением власти буржуазии, переходом в результате социальной революции к новой общественно-экономической формации. Конечно, далеко не все социальные теории для проверки своей истинности требуют столь грандиозных перемен в жизни общества. Для выяснения адекватности определенной специальной социологической теории нередко достаточно сопоставления с весьма ограниченной сферой общественной жизни.

Общественно-политическая деятельность масс, как известно, опосредованно выражает свою основу - функционирование закономерностей материального производства. С другой стороны, эта форма практики реализует определенную систему идей, намерений, представлений, которая воплощается в институционализованные и неинституционализованные виды чувственно-предметной деятельности. Свою критериальную функцию эта форма практики выполняет не только в качестве относительно завершенных, опредмеченных результатов деятельности, но и процессуальной стороной - самой тенденцией развития, выражающей те или иные закономерности.

Идеологическую значимость результатов социального познания подчеркивает и то обстоятельство, что они могут быть использованы не только в качестве теоретической основы общественно-политической деятельности масс. Так, опыт исторического познания послужил К.Марксу, Ф.Энгельсу и В.И.Ленину основой для создания идейного базиса революционного преобразования общества. Но результаты исторического познания служат также и разработке самосознания различных общностей людей. В свя-

зи с этим знания о прошлом человечества могут быть использованы в процессе общественно-политического воспитания личности. Формирование мировоззренческих установок, ценностных ориентаций и убеждений является как бы опосредующим звеном между созданием социальных (в том числе исторических) теорий и проверкой их истинности на практике.

Конечно, нельзя упрощенно понимать значение данного опосредующего звена. Во-первых, процесс формирования мировоззрения и других компонентов направленности личности является многоступенчатым и далеко не однозначно детерминирован условиями общественного бытия или содержанием господствующей социальной теории. Во-вторых, некоторые результаты социального познания частично вовлекаются в духовную культуру эпохи, не проявляясь при этом в чувственно-предметной деятельности. Например, сведения о жизни выдающихся личностей прошлого как бы формируют историческую память определенных социальных общностей, выступая не только нормативами для подражания, но и выполняя функцию идеалов — представлений с определенной эмоциональной окраской, так и не связанных с мотивацией поведения.

Следует учитывать и то, что знания об общественных явлениях могут быть использованы для решения определенных идеологических задач, например, формирования общественного мнения. В таких случаях истинностное значение знаний как бы подчиняется требованиям эффективности в преобразованиях определенных установок. С такой целью создаются т.н. нормативные прогнозы, их задача — повлиять на некоторые решения государственной политики, привлечь внимание общественности к нерешенным социальным проблемам. В данных прогностических образах часто заостряются нежелательные тенденции определенных сторон развития общества, преувеличивается острота возможных кризисных ситуаций будущего.

Предсказания в таких случаях обычно формируются на основе простой экстраполяции. Таковы, например, не-

которые разработки "Римского клуба", относящиеся к глобальным проблемам современности. Здесь гносеологический критерий оценки истинности знаний, представленный в предсказательном образе, как бы отодвигается на второй план. Эти предсказания-предостережения, как правило, основываются на использовании "эффекта Эдипа". Суть его состоит в саморазрушении прогноза. Выяснив, например, тенденции развития отдельных экосистем и вероятные последствия этого процесса, в том числе и социальные, возможно, проведя ряд мероприятий, уменьшить или вообще ликвидировать нежелательные последствия. Или, иначе говоря, практическая деятельность направляется на разрушение сделанного предсказания. В отдельных случаях "эффект Эдипа" может повлечь за собой и отрицательные последствия, что иногда случается при прогнозировании ожидаемых результатов научных исследований. Необоснованные надежды, возлагаемые на быстрое решение сложных научных проблем, могут значительно понизить интерес к этим проблемам, что, в свою очередь, отрицательно влияет на подготовку кадров, финансирование и другие социальные факторы, детерминирующие организационную сторону научных поисков.

Конечно, социальные прогнозы служат не только целям формирования общественного мнения. Они могут быть использованы как для сугубо теоретических целей, так и для составления народнохозяйственных планов. Но, в принципе, по отношению к предсказаниям более правильно говорить не об их истинности, а об их эффективности. Правда, в конечном итоге практикой доказывається истинность прогнозов. Однако это доказательство является опосредованным, ибо, когда открывается возможность сопоставить предсказательный образ с той или иной описанной им предметной ситуацией, тогда мы имеем дело уже не с собственно предсказательным образом, а скорее с частной теоретической схемой или дополнительной информацией для построения эмпирического базиса теории.

Оценка истинности прогноза всегда носит ретроспективный характер. Наиболее непосредственно практикой доказывается эффективность предсказания, а также плодотворность теории, на основе которой создается прогноз. Сама же эффективность предсказаний зависит от их способности адекватно описывать тенденции развития социальных процессов. Разумеется, способствовать проверке истинности теорий, явно направленных на создание образов будущего человечества, может превращение данных посылок в "реально действующую силу", реализация того, что этими идеями будет руководствоваться общество или хотя бы его прогрессивная часть в своей преобразовательной деятельности.

Применение критерия практики является весьма сложным и при т.п. ретросказаниях - прогнозов с обратным направлением во времени. Если теория, как, например, многие разделы исторической науки, описывает прошлые события, определенные закономерности пройденных этапов развития человечества, тогда, естественно, отсутствует та предметная ситуация, с которой можно было бы сопоставить разработанную теоретическую схему. Кстати, подобная ситуация встречается и в естествознании, например, в некоторых биологических дисциплинах. В таком случае, правда, частично могут быть использованы т.н. индикаторы - материальные следы и следствия прошлых событий. Однако при их эмпирическом отражении всегда неизбежно возникает проблема интерпретации, а вместе с тем и опасность модернизации, произвольной экстраполяции современных представлений на описание прошлого. К тому же в основном дело касается все же памятников духовной культуры прошлого, и тогда возникает сложный вопрос о возможностях определения истинности идеальных феноменов.

С рассмотренными проблемами тесно связан еще один вопрос: далеко не все социальные теории могут сразу после их создания быть проверены на практике. Их веро-

ятностная оценка является сложной процедурой, и пока мало исследована. Ясно одно - т.н. логические критерии (декартовская традиция) в этом случае трудно применимы, ибо они в основном ориентированы на достаточно строго формализованные теории. По-видимому, в оценке социальных теорий до их практической проверки главную роль может играть их сопоставление с общими мировоззренческими положениями, отражающими общественную ориентацию прогрессивного класса. Однако подобное сопоставление не заменяет практическую проверку, ибо в противном случае возникает опасность господства волюнтаристских предпосылок. Сколь необходимой ни была бы оценка социальных теорий с точки зрения их прогрессивной направленности, решающим критерием истинности теории в любом случае является практика.

Насколько законы общественного развития будут выступать не слепой силой, а мерой свободы человека, во многом зависит от достигнутого уровня социального познания. Знания о законах общественного развития, даже если их истинность достоверно доказана, могут быть в разной степени использованы в построении программы дальнейшей общественно-политической деятельности масс. И дело здесь не только в классовых противоречиях, в противодействии реакционных сил. Очень много зависит также от функциональной направленности самой теории. Если социальная теория хотя и адекватно, но все же в основном только описывает какую-то сферу общественных явлений, а ее объяснительные и, тем более, предсказательные возможности невелики, тогда сравнительно низка и практическая ценность данной теории. Сила марксистской теории общественного развития не только в истинном объяснении истории человечества, создании ее материалистического понимания, а в создании достоверного, научно обоснованного прогноза развития общества, которым в своей практической деятельности могут руководствоваться прогрессивные силы человечества.

С проблемами критерия истинности отражения социальных явлений тесно связан вопрос о применении данного критерия к результатам познания духовной культуры. Многие направления социального познания (социология, социальная психология и др.) в некоторой степени основываются на результатах изучения элементов духовной культуры, ее истории. В первую очередь, как отмечает Ю.П.Ведкин, очень трудно исследовать различные сферы духовной культуры по памятникам материальной культуры. В данном случае сложно формировать однозначную интерпретацию в ретроанализе, не поддаваясь искушению модернизации. Кроме того, мы здесь имеем дело с явно аксиологическими феноменами, и далеко не всегда так просто вычленишь гносеологическую сторону проблемы, оценочный же момент сам по себе включает несколько "внегносеологических структур и наслоений". "По-видимому, показателем научной объективности исследований духовной культуры прошлого служит не столько полученный результат, сколько методологическое обоснование этого результата, лежащее в основе исследования методология. Эффективность научной методологии, подтверждаемой практическим покорением сил природы на основе полученных при ее посредстве знаний, подтверждаемой революционным преобразованием общественной жизни, служит залогом объективной значимости и полученных ее средствами результатов исследования духовной культуры, ее особенностей, закономерностей развития". /43, с. 793/. Действительно, применение критерия практики к оценке результатов подобных исследований возможно только косвенным образом. Тем не менее, на наш взгляд, имеются некоторые возможности расширения сферы действия критериальной функции практики.

Если для иллюстрации сказанного обратиться к определенным сферам духовной культуры прошлого, например, этическим или эстетическим ценностям, то все-таки следует признать наличие некоторого "гносеологического сре-

за" в этой части духовной культуры. В создании ценностей той или иной исторической эпохи, хотя и в опосредованном, "снятом" виде, принимают участие результаты социального, а иногда и естественнонаучного познания. Правда, влияние гносеологического фактора нелегко обнаружить, результаты познания органически слиты с остальным содержанием произведения искусства или трактата о моральных качествах. Часто научные достижения просто служат своеобразным импульсом для создания какого-то произведения литературы или изобразительного искусства. Тем не менее следует помнить о некоторых аналогиях в развитии науки и искусства. Художественная литература, отражающая различные стороны "потока сознания", в основном расцветает в ту пору, когда эти вопросы разрабатываются психологической наукой. По-видимому, здесь проявляются общие закономерности, которые основываются на исторически определенных формах сознания сущности человеческого бытия в проявлениях горизонта культуры. А разнообразное исследование ключевых понятий формирует семантический базис культуры данной эпохи. Разумеется, механическое вычленение гносеологического аспекта не является правомерным, а следовательно, трудно говорить о непосредственных возможностях практической проверки истинности созданных элементов духовной культуры.

Скорее всего, результаты социального познания, выступая сквозь призму восприятия образов духовной культуры, могут быть оценены с точки зрения их действительности в реализации воспитательной функции искусства, моральных норм и пр. При этом в первую очередь можно судить о проявлениях определенных вариантов познания, их значении в создании духовного богатства человечества. А из видов практики критериальную функцию могут выполнять некоторые закономерности общественно-политической деятельности масс, направленные на гуманизацию образа жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.2.
3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.3.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.3.
5. Маркс К. Введение /из экономических рукописей 1857-1858/. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.12.
6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.20.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.20.
8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.21.
9. Маркс К. Капитал, т.1. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.23.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг., ч.1. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46, ч.1.
11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. - Полн. собр. соч., т.18.
12. Ленин В.И. Философские тетради. - Полн. собр. соч., т.29.
13. Ленин В.И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. - Полн. собр. соч., т.42.
14. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т.1.
15. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1970, т.1.
16. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
17. Кант И. Критика чистого разума. - Соч. М., 1964, т.3.
18. Кант И. О применении телеологических принципов в фи-

лософии. - Соч. М., 1966, т.5.

19. Абдильдин Э.М., Балтимбаев А.С. Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата, 1977.
20. Агапов В.И. Проблемная ситуация в науке /методический подход/. Автореферат диссертации... канд. филос.наук. Л., 1975.
21. Алексеев П.В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1978.
22. Алтухов В.Л. Логический аспект взаимоотношения философии и науки. - Вопросы философии, 1981, №3.
23. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969.
24. Арефьева Г.С. О видах и формах социальной практики. - Философские науки, 1974, № 2.
25. Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом. М., 1977.
26. Барулин В.С. Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма. Барнаул, 1969.
27. Батазов Э.Я. Разрушение практики /критика маоистской концепции практики/. - Вопросы философии, 1969, №3.
28. Бауэр И., Липерт А. Коварная проповедь ренегата, или крутой поворот Р.Гароди. М., 1973.
29. Белик А.П. Социальная форма движения. М., 1982.
30. Березовский П.И. Понятие материи в системе категорий диалектического материализма. Красноярск, 1982.
31. Берков В.Ф. Идеи непротиворечивости и проблемные ситуации в науке. - В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с.381-394.
32. Бесчеревных Э.В. Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. М., 1972.
33. Богданов А. Всеобщая организационная наука /тектология/. Л.;Л., 1925, ч.1.

34. Богомолов А.С. Наука и иные формы рациональности. - Вопросы философии, 1979, № 4.
35. Бодаков Ч.В. Диалектический материализм. Минск, 1970.
36. Босенко В.А. Диалектика как теория развития. Киев, 1966.
37. Буева Л., Плетников Ю. Деятельность и общественные отношения. - Общественные науки, 1982, №4.
38. Булатов М.А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976.
39. Васильев А.А. К вопросу об исследовании пирамиды Хеопса: инженерно-технологический аспект. - Вопросы истории естествознания и техники, 1982, №4.
40. Вахтомин Н.К. Практика - мышление - знание. К проблеме творческого мышления. М., 1978.
41. Ведин Ю.П. Структура, истинность и правильность мышления. Рига, 1979.
42. Ведин Ю.П. Развитие, его сущность и многообразие. Рига, 1982.
43. Ведин Ю.П. Познание и знание. Рига, 1983.
44. Вислюбов А.Д. Ленинская теория отражения и ее современные критики. М., 1971.
45. Воронович Б.А. Философский анализ структуры практики. М., 1972.
46. Воронович Б.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. М., 1975.
47. Востриков А.В. Теория познания диалектического материализма. М., 1965.
48. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
49. Гайдуков Ю.Г. Роль практики в процессе познания. М., 1964.
50. Гидев Паналот. Философия и социальное познание. М., 1977.
51. Гиргинов Г. Наука и творчество. М., 1979.
52. Гончарук С.И. Единство теории и практики. М., 1965.

53. Горский Д.П. Различные сферы познания и практики. - Вопросы философии, 1981, №1, с.239-248.
54. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М., 1982.
55. Демичев В.А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1969.
56. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983.
57. Иванов В.П. Человеческая деятельность - познание - искусство. Киев, 1977.
58. Илиади А.Н. Практическая природа человеческого познания. М., 1962.
59. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
60. Каган М.С. Проблема субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии. - Философские науки, 1980, №4.
61. Канова Т.Н. Как человек познает и преобразует мир. Л., 1965.
62. Категории социальной диалектики. Минск, 1978.
63. Келле В.Э., Ковальзон М.Я. Теория и история /проблемы теории исторического процесса/. М., 1981.
64. Кикнадзе Д.А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968.
65. Кумар Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М., 1979.
66. Куприян А.П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. М., 1981.
67. Левин Г.А. В.И. Ленин и современные проблемы теории познания. Минск, 1970.
68. Ленинская теория отражения и современность. София, 1969.
69. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
70. Луканов Д.М. Джордж Сантаяна и экзистенциализм. - Вопросы философии, 1981, №7.
71. Любутин К.Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973.

72. Маргулис А.В. Диалектика деятельности и потребности общества. Белгород, 1972.
73. Маркрян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
74. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.
75. Мартино Дж. Технологическое прогнозирование. М., 1977.
76. Марчук Г.И. Наука и технический прогресс. - В кн.: Методологические проблемы современной науки. М., 1979.
77. Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. М., 1980.
78. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982.
79. Матвейкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М., 1972.
80. Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976.
81. На пути к единству науки. М., 1983.
82. Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.
83. Нарский И.С. О телеономичности и материальности практики. - В кн.: Ленинская теория отражения. Творческий характер практики. Свердловск, 1979, вып. 9.
84. Нарский И.С. Практика как категория диалектического и исторического материализма. - Философские науки, 1980, № 1.
85. Наумов В.К. Активность субъекта в познании. М., 1969.
86. Нельсон Л. Невозможность теории познания. - Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. У.
87. Никольская Т.К. Диалектика процесса познания. Саратов, 1972.
88. Огурцов А.П. Практика как философская проблема. - Вопросы философии, 1967, № 7.
89. Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М., 1974.

90. Окулов А.Ф. Советская философская наука и ее проблемы. М., 1970.
91. Орлов В.В. Материя. Развитие. Человек. Пермь, 1974.
92. Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971.
93. Петров Ю.А. О некоторых методах уточнения понятий. - Философские науки, 1982, №1.
94. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. М., 1971.
95. Плетников Ю.К. Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов. - Философские науки, 1973, № 2.
96. Плетников Ю.К. О категории общественного бытия. - Философские науки, 1979, № 3.
97. Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978.
98. Практика и познание. М., 1973.
99. Розахедьы Т. Целенаправленный характер человеческой деятельности. Понятие практики. - В кн.: Проблемы марксистско-ленинской философии. Статьи венгерских авторов. М., 1965.
100. Руткевич М.Н. Практика - основа познания и критерий истины. М., 1952.
101. Руткевич М.Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970.
102. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М., 1975.
103. Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление. - Системные исследования, 1980, с. 52-68.
104. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974.
105. Сафонов Ю.Ф. Социальная практика развитого социализма. М., 1980.
106. Свидерский В.И. О некоторых принципах философского истолкования действительности. - Философские науки, 1968, № 2.
107. Свидерский В.И., Зофов Р.А. Отношение как категория

материалистической диалектики. - Вопросы философии, 1979, № 1.

108. Сямолян Е.А. Единство теории и практики /философский анализ/. М., 1980.
109. Скворцов Д.В. В.И. Ленин о единстве познания и практики. М., 1961.
110. Смирнов С.Н. Диалектика отражения и взаимодействия в эволюции материи. М., 1974.
111. Совещание зав. кафедрами общественных наук вузов РСФСР: Тезисы научных и учебно-методических сообщений на секции зав. кафедрами философии. М., 1960.
112. Содди Ф. История атомной энергии. М., 1979.
113. Социальная философия Франкфуртской школы. Прага, 1978.
114. Социально-исторические и мировоззренческие аспекты философских категорий. Киев, 1978.
115. Стойкович А. Отражение и практика. - В кн.: Актуальные проблемы марксистской философии. М., 1974.
116. Суворов Л.Н. Материалистическая диалектика. М., 1980.
117. Тараткевич М.В. Человек. Среда. Потребности. Диалектика формирования разумных потребностей. Минск, 1980.
118. Тархова М.А. Роль практики в познании. М., 1959.
119. Титов В.А. "Истинны" или "значимы" моральные нормы и оценки? - Философские науки, 1971, №5.
120. Тонких А.С. Научное мировоззрение: понятие, структура, функции. Воронеж, 1980.
121. Тыхтин В.С. "Клеточка" отражения и отражение как свойство всей материи. - Вопросы философии, 1964, № 2.
122. Уемов А.И. Вели, свойства, отношения. М., 1963.
123. Украинцев Б. Проблема активности отображения. - Вопросы философии, 1972, №11.
124. Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

125. Урсуд А.Д. Космонавтика, эксперимент, практика. - В кн.: Эксперимент. Модель. Теория. Москва-Берлин, 1982.
126. Философия Гегеля и современность. М., 1973.
127. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
128. Философский словарь. М., 1980.
129. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
130. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. - Общественные науки, 1982, № 3.
131. Хозин Г.С. Глобальные проблемы современности. М., 1982.
132. Хофман Д. Марксизм и теория "праксиса". М., 1978.
133. Храмова В.Л. Философский анализ проблемы соотношения теории и эксперимента в релятивистской физике. Киев, 1974.
134. Швырев В.С. О соотношении теоретического и эмпирического в научном познании. - В кн.: Природа научного познания. Минск, 1979.
135. Шергунов А.Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.
136. Шинкарук В., Иванов В. Природа и функции мировоззренческого сознания. - Общественные науки, 1982, № 2.
137. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967, т.4.
138. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
139. Якушевский И.Т. Практика и ее роль в процессе познания. М., 1961.
140. Якушевский И.Т. Ленинизм и "советология". Л., 1970.
141. Ярошевский Тадеуш М. Размышления о практике. М., 1976.
142. Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977.
143. Петров С.Д. Методология на субстратния подход. София, 1980 /на болг.яз./.

144. Boorstin D. The republic of technology. 1978, N 4.
145. Covertiv D. Cyanoacrylate adhesives - a day of serendipity, a decade of hard work. - Research management. 1980, N 4; 1980, Vol 23, N 6.
146. Hou U R. Fictional objects: How they are and how they aren't. - In: Body mind, and method. Dordrecht etc., 1979.
147. Kahn H., Brown W., Wartel L. The next 200 years. - A Scenario for America and world. 1976, N 4.
148. Kriebel R. H. Anaerobic adhesives - a solution that found a problem. - Research management. 1980, N 4; 1980, Vol 23, N 6.
149. The No-Growth Society. L, 1973.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Вильчинский В.Я. Практика как вид социальной деятельности	3
2. Ведин И.Ф. Практика как социальная форма движения матери	16
3. Лакис П.П., Ведин И.Ф. Взаимосвязь практики и познания	52
4. Даненгирш Г.М. Эксперимент как метод научного исследования	65
5. Диепинь Э.К. Практика как основа альтернативных ориентаций познания	79
6. Никифоров В.Е. Проблемные ситуации в структуре человеческой деятельности	102
7. Ведин Ю.П. Проблема истины и ее критерия	123
8. Лакис П.П. Практика как критерий истины в познании социальных явлений	154
Литература	168

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ НАУКИ:

ПРАКТИКА, ПОЗНАНИЕ, ИСТИНА

Сборник научных трудов

- Рецензенты: Л.И.Похарь, канд. филос. наук, доцент, н.о.
зав. каф. марксистско-ленинской
философии РПИ им. А.Пельше;
Б.А.Марков, канд. филос. наук, ст. науч.
сотр. Ин-та философии и права
АН ЛатвССР;
В.К.Даберто, мл. науч. сотр. Ин-та философии
и права АН ЛатвССР.

Редакторы: Ю.Ведин, Н.Терентьева
Техн. редактор А.Яковича
Корректор И.Белоде

Подписано к печати 28.XI 85. ЯТ 21609 Ф/б 60x84/16.
Бумага № I. II,5 физ.печ.л. 10,7 усл.печ.л. 8,6 уч.-изд.л.
Тираж 290 экз. Зак. № 1439 Цена 1 р. 40 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
22605 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

445610

469

1 p. 40 к.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509004777